

ЛЕГЕНДЫ

РЫМА

Н. МАРКСЪ

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА
(Комплект из 3-х выпусков
факсимильных брошюр)

Подписано в печать 3.12.90 г. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,88. Усл. кр.-отт. 29,76. Уч.-изд. л. 30,47. Тираж 50 000 экз. Зак. 53. Цена 6 руб.

Издательство «Таврида», 333700, Симферополь,
ул. Генерала Васильева, 44.

ЦВЕТЫ С ЧЕРНОМОРСКОГО БЕРЕГА

Так в свое время назвал крымские легенды Максим Рыльский. Сборники, которые вы держите в руках, действительно словно редкий благоухающий букет. В нем столько красок, сколько самих цветков, каждый из которых — столетиями хранили в народе сказание.

Сама живописная природа Крыма, его сиреневые скалы, лазурное море, зеленый лес, его сады и виноградники дышали поэзией, навевают сказки, песни. Их рождает и многовековая история полуострова, в которой переплелись пути многих народов и племен. И прежде всего крымскотатарского народа, обласкавшего каждую вершину, каждую скалу, каждый прибрежный камень, дав им имя и сложив о них легенды.

В этих трех сборниках сохранены не только легенды в том виде, в каком они были известны в начале века, но и сама форма их подачи, все оформление книжек.

И эта пряность старины еще добавляет ценности сказаниям, чудесным в своей простоте и внутренней правдивости.

Почти каждая легенда имеет точный географический адрес — керченская, алуштинская, джанкойская, старокрымская — и это настоящая находка для любознательного краеведа, влюбленного в свою малую родину и желающего узнать о ней как можно больше. В преданиях много фантастики, в них действуют сверхъестественные силы. И все же главный герой, главное действующее лицо в них — народ: кузнецы, пастухи, виноградари — мужественные, великодушные, благородные люди, а стержень многих сюжетов — любовь. Любовь к родине, к отчужденному дому, к природе, к матери, к своему избранному. Но разве нами в современной жизни движет иное чувство?

Примите в дар от составителя, сохранившего устные легенды, и от издателей, продливших им жизнь, букет свежих, росистых, благоуханных цветов с черноморского берега.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

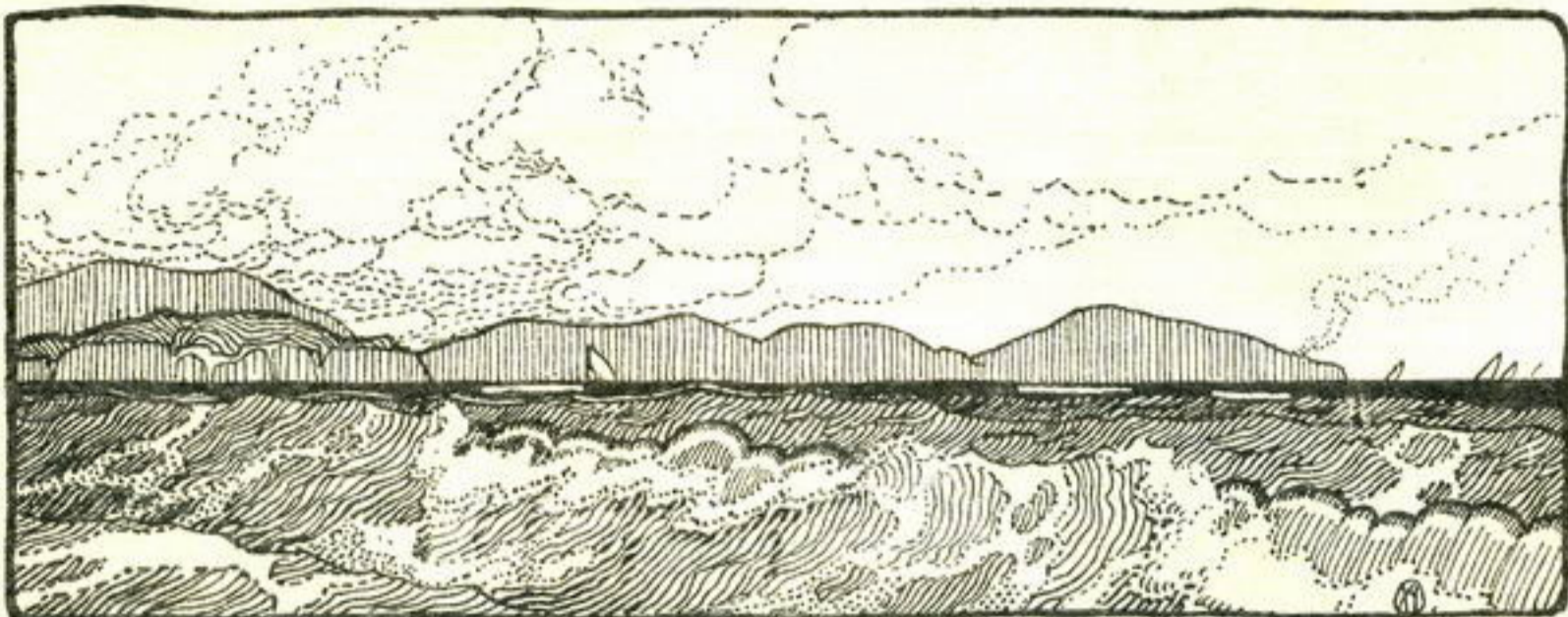
ЛЕГЕНДЫ

КРЫМА.

МОСКВА — 1913.

*Посвящаемъ первый выпускъ Легендъ Крыма вдохновительницъ нашего
труда—Жаннѣ Ивановнѣ Арцуловой*

Н. Марксъ, К. Арцуловъ.

ОКАМЕНЬЛЫЙ КОРАБЛЬ.

(КОХТЕБЕЛЬСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Взойдите на Отлукая и поглядите на Кохтебельскій заливъ. Что за видъ! Море синею эмалью врѣзалось въ широкій, ласковый пляжъ и слилось на горизонтѣ съ лазурью южнаго неба. Какъ крыло чайки, бросившейся въ волну, бѣлѣютъ паруса турецкихъ флюговъ, и дымокъ парохода убѣгаетъ за дальній мысъ Кіикъ-Атлама.

Ушли всѣ, и только одинъ парусъ застылъ на мѣстѣ. Дни и ночи, годы, сотни и тысячи лѣтъ онъ не движется съ мѣста. Окаменѣлъ.

И моя мать рассказывала, бывало, въ дѣтствѣ, какъ это случилось.

Святая Варвара скрывалась въ крымскихъ горахъ. По пятамъ преслѣдоваль ее старый отецъ,—Діоскуръ, и, наконецъ, почти нагналъ у Сугдеи.

Но не настало еще время Варварѣ принять мученическій вѣнецъ. Одна гречанка изъ Чуль, небольшого городка между Карадагомъ и Отузами, узнавъ, что гонимая—христіанка, пріютила ее у себя; укрыла на время отъ преслѣдованія. И случилось чудо. Садъ гречанки, побитый морозомъ, вновь пышно зацвѣлъ, а глухонѣмой ея сынъ сталъ различать рѣчь. Заговорили объ этомъ кругомъ. Дошла вѣсть и до язычника-отца. Догадался Діоскуръ, кто скрывается у гречанки, и ночью окружилъ ея домъ.

Какъ была, въ одной рубашкѣ, бросилась Варвара къ окну, и, незамѣченная преслѣдователями, съ именемъ Іисуса на устахъ, бросилась въ колодець. Поддержали упавшую Божьи ангелы и отнесли подальше отъ Чуль, къ подножью Отлукая.

Въ эту ночь у Отлукая остановилась отара овецъ. Задремавшій пастухъ, молодой тавръ, былъ до нельзя пораженъ, когда рядомъ съ собой увидѣлъ какую-то полунагую дѣвушку.

— Кто ты, зачѣмъ пришла сюда, какъ не тронули тебя мои овчарки?

И Варвара не скрыла отъ пастуха, кто она и почему бѣжала.

— Глупая ты, отъ своихъ боговъ отказываешься. Кто же поможетъ тебѣ въ горѣ и бѣдѣ? Нехорошее дѣло ты затѣяла.

Но, замѣтивъ слезы на глазахъ дѣвушки, и какъ дрожить она отъ холода, пожалѣлъ ее, завернулъ въ свой чекмень.

— Ложись, спи до утра. Ничего не бойся.

Было доброе намѣреніе у пастуха.

Прошептавъ святое слово, уснула Варвара подъ кустомъ карагача.

Раскинулись пышные волосы; разметалась вся; красавицей лежала.

И не выдержалъ пастухъ. Нехорошо поглядѣлъ на нее. Бросился къ ней съ недоброй мыслью, забывъ долгъ гостепріимства. Бросился... и остолбенѣлъ, а за нимъ застыло и все стадо. Окаменѣли всѣ. Только три овчарки, которыя лежали у ногъ святой, остались, по назначенію Божію, охранять ее до утра.

Съ первымъ утреннимъ лучомъ проснулась Варвара и не нашла ни пастуха, ни стада. Вокругъ нея и по всему бугру, точно овцы, бѣлѣли странные камни, и между ними одинъ длинный, казалось, наблюдалъ за остальными. Жутко стало на душѣ дѣвушки. Точно случилось что. И побѣжала она внизъ съ горы, къ морскому заливу. Впереди бѣжали три овчарки, указывая ей путь въ деревню. Удивились въ деревнѣ, когда увидѣли собакъ безъ стада. Не знала ничего и Варвара. Только потомъ догадались.

У деревни, въ заливѣ, отстаивался сирійскій корабль. Онъ привезъ таврамъ разные товары и теперь ждалъ попутнаго вѣтра, чтобы вернуться домой.

Донесъ вѣтерокъ до слуха Варвары родную, сирійскую рѣчь. Пошла она къ корабленачальнику и стала просить взять ее съ собой. Нахмурился суровый сиріецъ, но, поглядѣвъ на красавицу-дѣвушку, улыбнулся. Недобрая мысль пробѣжала въ головѣ.

— Хоть и нѣтъ у насъ обычая возить съ собой женщинъ, а тебя возьму. Ливанская ты.

Радовалась Варвара, благодарила. Еще не было у нея дара предугадывать будущее.

Подулъ вѣтеръ отъ берега. Подняли паруса, и побѣжалъ корабль по морской волнѣ.

Варвара зашла за мачту и сотворила крестное знаменіе. Замѣтилъ это корабленачальникъ и опять нехорошо улыбнулся.—Тѣмъ лучше! А потомъ позвалъ дѣвушку къ себѣ, въ каюту, и сталъ допытывать: какъ и что. Смутилась Варвара и не сказала правды. Жилъ въ душѣ Иисусъ, а уста побоялись произнести Его имя язычнику. И затемнились небеса; съ моря надвинулась зловѣщая, черная туча; недобрымъ отсвѣтомъ блеснула далекая зарница. Упала душа у Варвары. Поняла

она гнѣвъ Божій. На колѣняхъ стала молить—простить ее. А навстрѣчу неслась боевая тріира, и скоро можно было различить сѣдого старика, начальствовавшего ею. Узнала Варвара гнѣвнаго отца; защемило сердце, и, сжавъ руки, стала призывать имя своего Господа.

Подошелъ къ ней корабленачальникъ. Все сказала ему Варвара и молила не выдавать отцу. Замучить ее старикъ, убьетъ за то, что отступилась отъ вѣры отцовъ. Но, вмѣсто отвѣта, сиріецъ скрутилъ руки дѣвушки и привязалъ косою къ мачтѣ, чтобы не бросилась въ волну.

— Теперь моли своего Бога, пусть тебя Онъ выручаетъ!

Сошлись корабли. Какъ звѣрь, прыгнулъ Діоскуръ на сирійскій бортъ; схватилъ на руки дочь и швырнулъ ее къ подножью идола на своей тріирѣ.—Молись ему!

А Варвара повторяла имя Исуса.

— Молись ему!—И Діоскуръ ткнулъ ногой въ прекрасное лицо дочери.

— За тебя молюсь моему Христу,—чуть слышно прошептала святая мученица и хотѣла послать благословеніе и злему сирійцу, но не увидѣла его.

Налетѣлъ бѣшеный шкваль, обдалъ сирійскій корабль пѣной и точно бѣлой корой покрылъ его.

Налетѣлъ другой и на минуту не стало ничего видно. А когда спала волна, то на мѣстѣ корабля выдвинулась изъ нѣдръ моря подводная скала, точно бывшій корабль.

Съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Отъ камней Варварина стада не много осталось на прежнемъ мѣстѣ. Новые люди повели по иному жизнь, и на новую дорогу пошли старые камни. Только окаменѣлый корабль остался недвижимъ.

Не дошелъ до него чередъ.

— Мама,—замѣчалъ я въ дѣтствѣ,—да вѣдь это—просто подводная скала.

— Конечно, такъ, мой мальчикъ. Подводная скала для чужихъ, а для насъ, здѣшнихъ, это—народный памятникъ христіанскъ первыхъ вѣковъ.

ЧОРТОВА БАНЯ.

(КАДЫКЪ-КОЙСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Не вѣрьте, когда говорятъ: нѣтъ Шайтана. Есть Аллахъ—есть Шайтанъ. Когда уходитъ свѣтъ,—приходитъ тѣнь. Слушайте!

Вы знаете Кадыкъ-Койскую будку? За нею гротъ, куда ходятъ испить холодной воды изъ скалы.

Въ прежнія времена тутъ стояла придорожная баня, и наши старики еще помнить ея камни.

Говорятъ, строилъ ее одинъ отузскій богачъ. Хотѣлъ искупить свои грѣхи, омывая тѣло бѣдныхъ путниковъ. Но не успѣлъ. Умеръ, не достроивъ. Достроилъ ее деревенскій кузнецъ-цыганъ, о которомъ говорили нехорошее.

По ночамъ въ банѣ свѣтился огонекъ, сизый съ багровымъ отсвѣтомъ. Можетъ быть въ каганѣ свѣтился человѣческій жиръ. Такъ говорили.

И добрые люди, застигнутые ночью въ пути, спѣшили обойти злополучное мѣсто. Былъ даже слухъ, что въ банѣ живетъ самъ Шайтанъ.

Извѣстно, что Шайтанъ любитъ людскую наготу, чтобы потомъ надъ нею зло посмѣяться. Ужъ, конечно, только Шайтанъ могъ подсмотрѣть у почтеннаго отузскаго аги Талипа такой недостатокъ, что, узнавъ о немъ, вся деревня прыснула отъ смѣха.

Кузнецъ часто навѣщаль свою баню и оставался въ ней день, другой. Какъ разъ въ это время въ деревнѣ случались всякія напасти. Пропадала лошадь, тельная телка оказывалась съ распоротымъ брюхомъ, корова безъ вымени, а дикій деревенскій бугай возвращался домой понурымъ быкомъ.

Все Шайтановы штуки! А, можетъ быть, и кузнеца. Не даромъ онъ такъ похожъ на Шайтана. Черный, одноглазый, съ переднимъ клыкомъ кабана. Деревня не знала, откуда онъ родомъ и кто былъ его отецъ; только всѣ замѣчали, что кузнецъ избѣгалъ ходить въ мечеть; а мулла не разъ говорилъ, что изъ жертвенныхъ барановъ на Курбань-байрамъ самымъ невкуснымъ всегда былъ баранъ цыгана; хуже самой старой козлятины.

Кохтебельскій мурзакъ, который не вѣрилъ тому, о чемъ говорили въ народѣ, проѣзжая однажды мимо грота, сдержалъ лошадь; но лошадь стала такъ горячиться, такъ испуганно фыркать, что мурзакъ рѣшилъ въ другой разъ не останавливаться. Оглянувшись, онъ увидѣлъ,—онъ это твердо помнить,—какъ на бугоркѣ сами собой запрыгали шайки для мытья.

И много еще случалось такого, о чемъ лучше не рассказывать на ночь.

Впрочемъ, иной разъ, какъ ни старайся, отъ страшнаго не уйдешь.

У Османа была дочь и звали ее Сальгэ. Пуще своего единственнаго глаза берегъ ее старый цыганъ. Однако любви не перехитришь, и, что случилось у Сальгэ съ сосѣдскимъ сыномъ Меметомъ, знали лишь онъ да она. Только и подумать не смѣлъ Меметь послать свата. Понималъ, въ чемъ дѣло. И рѣшилъ бѣжать съ невѣстой въ сосѣднюю деревню. Какъ только полный мѣсяць начнетъ косить,—такъ и бѣжать.

И смѣялся же косою мѣсяць надъ косымъ цыганомъ, когда скакалъ Меметь изъ деревни съ трепетавшей отъ страха Сальгэ.

Османа не было дома. Онъ проводилъ ночь въ банѣ. Пиль заморскій аракъ, отъ котораго наливаются жилы и синѣетъ лицо.

— Наливай еще!

— Не довольно ли?—останавливалъ Шайтанъ.—Слышишь скрипъ арбы? Это козскій имамъ возвращается изъ Мекки... И грезится старику, какъ выйдетъ завтра ему навстрѣчу вся деревня, какъ станутъ всѣ на колѣни и будутъ кричать: «Святой хаджи!.. Постой, хаджи, еще не доѣхалъ!» И прежде, чѣмъ кузнецъ подумалъ, Шайтанъ распахнулъ дверь. Шарахнулись волю, перевернулась арба, и задремавшій было имамъ съ ужасомъ увидѣлъ, какъ вокругъ него зажглись сѣрные огоньки. Хотѣлъ прошептать святое слово, да позабылъ. Подхватила его нечистая сила и бросила съ размаха на полъ бани.

Нагой и поруганный, съ оплеванной бородой, валялся на полу имамъ, а гнусныя животныя обливали его чѣмъ-то липкимъ и грязнымъ. И хохоталъ Шайтанъ. Дрожали стѣны бани.—То-то завтра будетъ смѣху! На колѣняхъ стоитъ глупый народъ, ждетъ своего святого, а привезутъ пья-нень-каго имама! Не стерпѣлъ обиды имамъ, вспомнилъ святое слово и очнулся на своей арбѣ, которая за это время уже отъѣхала далеко отъ грота.

— Да будетъ благословенно имя Аллаха,—прошепталъ имамъ и началъ опять дремать.

А въ банѣ хохоталъ Шайтанъ. Дрожали стѣны бани.

— Наливай еще,—кричалъ цыганъ.

— Постой! Слышишь, скачетъ кто-то!—И вихремъ вынесъ нечистый пріятеля на проѣзжую тропу.

Шарахнулась со всѣхъ четырехъ ногъ лошадь Мемета, и свалился онъ съ своей ношей прямо къ ногамъ Шайтана.

— А, такъ вотъ кого еще принесло къ намъ! Души его,—крикнулъ Шайтанъ, а самъ схватилъ завернутую въ шаль дѣвушку и бросился съ ней въ баню.

Зарычалъ цыганъ и всадилъ отравленный кинжалъ по самую рукоять между лопатокъ обезумѣвшаго Мемета.

А изъ бани доносился вопль молодого голоса. «Будетъ потѣха, будетъ хорошо сегодня», подумалъ цыганъ и, шатаясь, пошелъ къ банѣ.

Въ невыносимомъ чаду Шайтанъ душилъ распростертую на полу нагую дѣвушку, и та трепетала въ послѣднихъ судорогахъ.

— Бери теперь, если хочешь!

Обхватилъ цыганъ дѣвушку желѣзными руками, прижался къ ней... и узналъ дочь...

— Згне!—крикнулъ онъ не своимъ голосомъ слово заклятья.

И исчезъ Шайтанъ. Помнилъ уговоръ съ Османомъ. Только разъ цыганъ скажетъ это слово, и только разъ сатана подчинится ему.

— Воды, воды, отецъ!

Бросился Османъ къ гроту, а гротъ весь клубился удушливыми сѣрными парами. И не могъ пройти къ водѣ Османъ. Не зналъ второго слова заклятья. Упалъ и испустилъ духъ.

По утру проѣзжіе татары нашли на дорогѣ три трупа и похоронили ихъ у стѣны развалившейся за ночь бани.

— Чортова баня,—назвалъ съ тѣхъ поръ народъ это мѣсто.

И я хорошо помню, какъ въ дѣтствѣ, проѣзжая мимо грота, наши лошади пугались и храпѣли.

Не вѣрьте, если вамъ скажутъ: нѣтъ Шайтана. Есть Аллахъ—есть Шайтанъ! Когда уходитъ свѣтъ,—приходитъ тѣнь.

ШАЙТАНЪ · И · КИЗИЛЬ

(ТАТАРСКОЕ ПОВѢРЬЕ.)

Въ Отузахъ есть повѣрье,—въ томъ году, когда по осени уродится кизиль, быть холодной зимѣ.

И доказываютъ это примѣрами, которые у всѣхъ на памяти.

А старики объясняютъ, почему это такъ.

Когда Аллахъ, сотворившій міръ, окончилъ свою работу, на землѣ настала весна, и почки деревьевъ въ саду земного рая стали одна за другой распускаться.

Потянулась къ нимъ вся живущая тварь, и увидѣлъ Аллахъ, что необходимо установить порядокъ. Позвалъ Онъ всѣхъ къ Себѣ и велѣлъ каждому выбрать ка кое-нибудь одно дерево или цвѣтокъ, чтобы потомъ только имъ и пользоваться и не ссориться съ другими.

Одни просили одно, другіе—другое. Сталь просить и Шайтанъ.

— Подумаль, Шайтанъ?—спросилъ Аллахъ.

— Подумаль,—сказаль, скрививъ хитрымъ глазомъ, нечистый.

— Ну и что же ты выбраль?

— Кизиль.

— Кизиль! Почему кизиль?

— Такъ,—не хотѣлъ сказать правды Шайтанъ.

— Хорошо, бери себѣ кизиль,—усмѣхнулся Аллахъ.

Весело запрыгалъ Шайтанъ, завилялъ хвостомъ сразу въ обѣ стороны. Всѣхъ надулъ. Кизиль первымъ зацвѣлъ изъ деревьевъ, значитъ раньше другихъ созрѣетъ его фрукта. Первая фрукта будетъ всегда самая дорогая; повезетъ онъ свой кизиль на базаръ, хорошо продастъ, дороже всѣхъ другихъ фруктъ.

Настало лѣто, начали поспѣвать плоды: черешни, вишни, абрикосы, персики, яблоки и груши, а кизиль все не спѣетъ. Твердый и зеленый. Чешетъ затылокъ Шайтанъ, злится.

— Поспѣвай скорѣй.

Не спѣетъ кизиль.

Сталь онъ дуть на ягоду; какъ пламя, краснымъ сталь кизиль, но попрежнему—твердый и кислый.

— Ну, что же твой кизиль,—смѣются люди.

Плюнулъ съ досады Шайтанъ—почернѣлъ кизиль.

— Дрянъ такая, не повезу на базаръ, собирайте сами.

Такъ и сдѣлали. Когда по садамъ убрали всѣ фрукты, деревенскіе люди пошли собирать въ лѣсъ вкусную, сладкую, почернѣвшую ягоду, и втихомолку подсмѣивались надъ Шайтаномъ.

— Маху далъ Шайтанъ!

Шайтанъ не потерпѣлъ людской насмѣшки и отплатилъ за нее людямъ.

Зналъ, что люди жадны. Сдѣлалъ такъ, что кизилю на слѣдующую осень уродилось вдвое противъ прошлогдняго и, чтобы выпѣлъ онъ, пришлось солнцу послать на землю вдвое больше тепла.

Обрадовались люди урожаю, не поняли Шайтановой продѣлки.

А солнце обезтеплѣло за лѣто и настала на землѣ такая зима, что позамерзали у людей сады, и сами чуть живы остались.

Съ тѣхъ поръ—примѣта: какъ урожай кизиля—быть холодной зимѣ, потому что не угомонился Шайтанъ и попрежнему мститъ людямъ за насмѣшку.

ЭЧКИДАГЪ — КОЗЬЯ ГОРА.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Али, красавецъ Али, тебя еще помнитъ наша деревня, и рассказъ о тебѣ, передаваясь изъ устъ въ уста, дошелъ до дней, когда Яйла услышала гудокъ автомобиля, и выше ея горъ, сильнѣе птицы, взвился безстрашный человекъ.

Не знаю, перегналъ ли бы ты ихъ на своемъ скакунѣ, но ты могъ скорѣе загнать любимого коня и погубить себя, чѣмъ поступиться славой перваго джигита.

Быстрѣе вѣтра носилъ горный конь своего хозяина, и завидовала отузская молодежь, глядя, какъ гарцовалъ Али, сверкая блестящимъ наборомъ, и какъ безъ промаха билъ онъ любую птицу на-лету.

Не даромъ считался Али первымъ стрѣлкомъ на всю долину и никогда не возвращался домой съ пустой сумой.

Трепетали дикія козы, когда на вершинахъ Эчкидага, изъ-за неприступныхъ скалъ, появлялся Али съ карабиномъ на плечѣ.

Только ни разу не тронула рука благороднаго охотника газели, которая кормила дитя. Ибо благородство Али касалось не только человекъ.

И вотъ какъ-то, когда въ горахъ заблеяли молодая козочки, зашелъ Али въ саклю Урміз.

Урміз, молодая вдова, уснащавшая себя прянымъ ткна лишь для него одного, требовала за это, чтобы онъ безпрекословно исполнялъ всѣ ея причуды. Она лукаво

посмотрѣла на Али, какъ дѣлала всегда, когда хотѣла попросить что-нибудь исключительное.

— Принеси мнѣ завтра караджа.

— Нельзя. Не время бить козъ. Только-что начали кормить, вѣдь, знаешь.— замѣтилъ Али, удивившись странной просьбѣ.

— А я хочу. Для меня могъ бы сдѣлать.

— Не могу.

— Ну такъ уходи. О чемъ разговаривать.

Пожаль плечами Али, не ожидаль этого, повернулся къ двери.

— Глупая баба.

— Къ глупой зачѣмъ ходишь. Сеитъ-Меметъ не говоритъ такъ. Не принесешь ты, принесетъ другой, а караджа будетъ. Какъ знаешь!

Вернулся Али домой, прилегъ и задумался. Въ лѣсу рокоталь соловей, въ виноградникахъ звенѣли цикады, по небу бѣгали одна къ другой въ гости яркія звѣзды. Никто не спалъ, не могъ заснуть и Али. Кляль Урміз, зналь, что дурной, неладный она человекъ, а тянуло къ ней, тянуло, какъ пчелу на сладкій цвѣтокъ.

— Не ты, принесетъ другой. Неправда, никто не принесетъ раньше.

Али поднялся.

Начинало свѣтать. Розовая заря ласкала землю первымъ поцѣлуемъ.

Али ушелъ въ горы по знакомой ему прямой тропѣ.

Близко Эчкидагъ. Уже вскарабкался ловкій охотникъ на одну изъ его вершинъ, у другой—теперь много дикихъ козъ, караджа. Нужно пройти Хулахъ-Гернынъ—Ухо земли. Такъ наши татары называютъ провалъ между двумя вершинами Эчкидага. Глубокій провалъ съ откосной подземной пещерой, конца которой никто не знаетъ. Говорятъ, доходитъ пещерная щель до самаго сердца земли; будто хочетъ земля знать, что на ней дѣлается: лучше ли живутъ люди, чѣмъ прежде, или попрежнему вздорять, жадничаютъ, убиваютъ и себя и другихъ.

Подошелъ Али къ провалу и увидѣлъ стараго, стараго старика съ длинной бѣлой бородой, такой длинной, что конецъ уходилъ въ провалъ.

— Здравствуй, Али,—окликнулъ старикъ.—Что такъ рано козъ стрѣлять пришелъ?

— Такъ, нужно.

— Все равно не убьешь ничего.

Подошелъ ближе Али, исчезъ въ провалѣ старикъ.

— Ты кто будешь?

Не отвѣтилъ, только оборвавшіеся камни въ провалѣ побѣжали; слушалъ, слушалъ Али и не могъ слышать, гдѣ они остановились. Оглянулся на гору. Стоитъ стройная коза, на него смотритъ, уши наставила.

Прицѣлился Али и вдругъ видитъ, что у козы кто-то сидитъ и доить ее; какая-то женщина, будто знакомая. Точно покойная его сестра.

Опустилъ быстро карабинъ, протеръ глаза. Коза стоитъ на мѣстѣ, никого подлѣ нея нѣтъ.

Прицѣлился вновь, и опять у козы женщина. Оглянулась даже на Али. Поблѣднѣлъ Али. Узналъ мать такой, какой помнилъ ее въ дѣтствѣ. Покачала на него головой мать. Опустилъ Али карабинъ.

— Аналэ, матушка родная!

Пронеслась по тропинкѣ подь скалой пыль. Стоитъ опять коза одна, не шевелится.

— Сплю я, что ли,—подумалъ Али, и прицѣлился въ третій разъ.

— Коза одна, только въ двухъ шагахъ отъ нея ягненокъ. Причудилось, значить, все, и навелъ Али карабинъ, чтобы вѣрнѣе, безъ промаха, убить животное прямо въ сердце.

Хотѣлъ нажать курокъ, какъ увидѣлъ, что коза кормить ребенка, дочку Урміэ, которую любилъ и баловалъ Али, какъ свою дочь.

Задрожалъ Али, похолодѣлъ весь. Чуть не убилъ маленькую Урміэ.

Обезумѣлъ отъ ужаса, упалъ на землю и долго ли лежалъ, не помнилъ потомъ.

Съ тѣхъ поръ исчезъ изъ деревни Али. Подумали, что упалъ со скалы и убился. Долго искали, не нашли. Тогда рѣшили, что попалъ онъ въ Хулахъ-Іернынъ, и нечего искать больше.

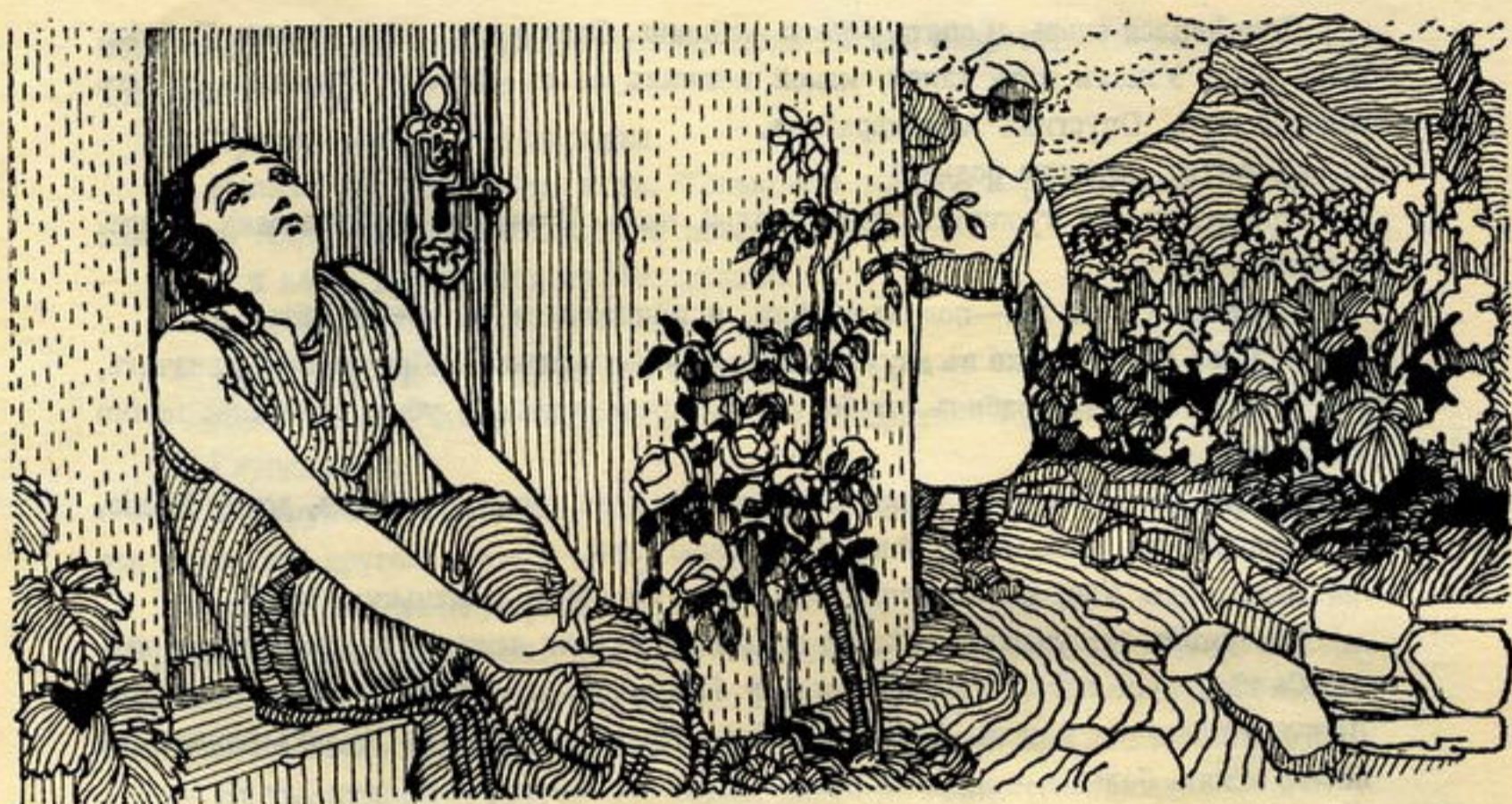
Такъ прошло много лѣтъ.

Аліева Урміэ стала дряхлой старухой, у маленькой Урміэ родились дѣти и внуки; сошли въ могилу сверстники джигита, и народившіяся поколѣнія знали о немъ только то, что дошло до нихъ изъ устъ отцовъ и гдѣ было столько же правды, сколько и народнаго домысла.

И вотъ разъ вернулся въ деревню хаджи Асанъ, столѣтній старикъ, долгое время остававшійся въ священной Меккѣ. Много рассказалъ своимъ Асанъ, много чудеснаго, но чудеснѣе всего было, что Асанъ самъ, своими глазами увидѣлъ и узналъ Али.

Въ Стамбулѣ, въ монастырѣ дервишей происходило торжественное служеніе. Были принцы, много франковъ и весь пашалыкъ. Забило думбало, заиграли флейты и закружились въ экстазѣ священной пляски-молитвы святые монахи. Но бѣшенѣе всѣхъ кружился одинъ старикъ. Какъ горный вихрь, мелькалъ онъ въ глазахъ восторженныхъ зрителей, унося мысль ихъ отъ земныхъ помысловъ, но силой всего своего существа отдававшійся страсти своего духа.

— Али,—воскликнулъ Асанъ, и, оглянувшись на него, остановившись на мгновеніе, дервишъ снова бѣшенымъ порывомъ ушелъ въ экстазъ молитвы.

СВЯТАЯ МОГИЛА.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Это было назадъ лѣтъ триста, а можетъ быть и больше. Какъ теперь, по долину бѣжалъ горный потокъ; какъ теперь, зеленѣли въ садахъ ея склоны и, какъ теперь, на порогъ деревни высился стройный минаретъ Отузской мечети.

Въ двухъ шагахъ отъ нея, гдѣ раскинулся вѣковѣчный орѣхъ, стояла тогда, прислонившись къ оврагу, бѣдная сакля хаджи Курдь-Тадэ.

Ни раньше, ни потомъ не знали въ деревнѣ болѣе праведнаго человѣка.

Никто никогда не слышалъ отъ него слова неправды, и не было въ окрестности человѣка, котораго не утѣшилъ бы Курдь-Тадэ въ горѣ и нуждѣ.

Бѣднякъ не боялся отдать другому кусокъ хлѣба и на случайные гроши успѣлъ сходить въ Мекку и вырыть по пути два фонтана, чтобы утолять жажду бѣднаго путника.

Святое дѣло, за которое Пророкъ такъ охотно открываетъ правовѣрному двери рая.

— Святой человѣкъ, говорили въ народѣ, и каждый съ благоговѣніемъ прижималъ руку къ груди, завидѣвъ идущаго на молитву хаджи.

А шель онъ творить намазъ всегда бодрой походкой неуставшаго въ жизни челоуѣка, хотя и носилъ на плечахъ много десятковъ лѣтъ.

Должно быть, Божьи ангелы поддерживали его, когда старыя ноги поднимались по крутымъ ступенькамъ минарета, откуда онъ ежедневно слалъ во всѣ стороны свои заклинанія.

И было тихо и радостно на душѣ; свѣтло—точно Божій лучъ начиналъ уже доходить до него съ высоты небеснаго престола.

Но никогда нельзя сказать, что кончилъ жить, когда еще живешь.

Какъ не былъ старъ хаджи Курдъ-Тадэ, однако, радостно улыбался, когда глядѣлъ на свою Раймэ, земной отзвукъ гурій, которыя ждали его въ будущемъ раю.

Когда падала фата и на святого хаджи глядѣли ея жгучіе глаза, полные ожиданія и страсти, сердце праведника, дотолѣ чистый родникъ, темнилось отраженіемъ грѣховнаго видѣнія.

И забывалъ хаджи старую Гульсунъ, вѣрнаго спутника жизни. А Раймэ, ласкаясь къ старику, шептала давно забытыя слова и навѣвала дивныя сны давнихъ лѣтъ.

Пусть было бъ такъ. Радуеться, когда послѣ зимняго савана затеплится, зазеленѣетъ земля; отчего было не радоваться и новому весеннему цвѣтку.

И не зналъ хаджи, какія еще новыя слова благодаренія принести Пророку за день весны на склонѣ лѣтъ.

И летѣло время, свивая вчера и сегодня въ одну пелену.

Только разъ, вернувшись изъ сада, не узналъ старикъ прежней Раймэ. Такіе глубокіе слѣды страданій отпечатлѣлись на ея прекрасномъ лицѣ; такое безысходное горе читалось въ ея взорѣ.

«Раймэ, что съ тобой», подумалъ онъ, но не сказалъ, потому что замкнулись ея уста.

И подулъ ночью горный вѣтеръ и донесъ до спящаго Курдъ-Тадэ рѣчь безумія и отчаянія.

— Милый, желанный, свѣтъ души моей. Вернись. Забудь злую чаровницу. Вернись къ своей любимой, какъ ты ее называлъ. Вернись и навсегда. Скоро старый смежитъ очи, и я буду твоей, твоей женой, твоей маленькой, лучистой Раймэ.

Проснулся Курдъ-Тадэ и не нашелъ близъ себя юнаго тѣла, а на порогѣ сѣней въ безысходной тоскѣ стенала, сжимая колѣни, молодая женщина.

Чуть-чуть начинало свѣтать. Скоро муэдзинъ пропоетъ съ минарета третью ночную молитву. Хаджи, незамѣченный никѣмъ, вышелъ изъ усадьбы и пошелъ къ Папась-тепэ.

На срединѣ горы нѣкогда ютился греческій храмъ, и отъ развалинъ храма вилась по скалѣ на самый катыкъ узкая тропинка.

Никто не видѣлъ, какъ карабкался по ней старый Курдъ-Тадэ, какъ припалъ онъ къ землѣ на вершинѣ горы, какъ крупная слеза скатилась впервые изъ глазъ святого.

Не зналъ хаджи лжи. А ложь, казалось, теперь стояла рядомъ съ нимъ, обвиняла его, отдѣляла, какъ густой туманъ, душу его отъ вершины горы, къ которой онъ припаль.

И услышалъ онъ голосъ Духа. И отвѣтилъ хаджи на этотъ голосъ—голосомъ своей совѣсти:

— Пусть молодое вернется къ молодому и пусть у молодости будетъ то, что она боится потерять.

Если угодна была моя жизнь Аллаху, пусть Великій благословитъ мое моленіе.

И въ моленьи, не знаящемъ себя, душа святого стала медленно отдѣляться отъ земли и уноситься вдаль, въ небесную высь.

И запѣлъ въ третій разъ муэдзинъ.

И голосъ съ неба сказался далекимъ эхомъ:—Да будетъ такъ.

Съ тѣхъ поръ на гору къ могилѣ святого ходятъ отузскія женщины и дѣвушки, когда хотятъ вернуть прежнюю любовь.

ШАЙТАНЪ-САРАЙ.

(ЯЛЫ-БОГАЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

— Расскажи, Асань, почему люди назвали этотъ домъ—Чортовымъ.

Асань сдвинулъ на затылокъ свою барашковую шапку, было жарко, и усмѣхнулся.

— Расскажу—не повѣришь. Зачѣмъ рассказывать!

Мы сидѣли подъ плетнемъ у извѣстнаго всѣмъ въ долину домика въ ущельѣ Ялы-Богазь. Ущелье, точно талья красавицы, дѣлитъ долину на двѣ. На сѣверь—отузская деревня съ поселками, старыя помѣщичьи усадьбы, татарскіе сады. На югъ—виноградники, сбѣгающіе по склонамъ къ морю, и среди нихъ—бѣленькіе домики нарождающагося курорта.

Зная Асана, я промолчалъ.

— Если хочешь, расскажу. Только ты не смѣйся.

Когда Шайтанъ, гдѣ поселится, скоро оттуда не уйдетъ. Жиль здѣсь грекъ-дангалакъ; клады копаль. Нашель—не нашель, умеръ. Жиль армянинъ богатый; людей не любилъ; деньги любилъ; умеръ. Потомъ чабаны собирались ночью, виноградъ крали, телятъ рѣзали; вмѣстѣ кушали; другъ друга зарѣзали. Такъ наши старики говорили. Потомъ никто не жилъ. Одинъ чабанъ Мамуть, когда на горѣ пасъ барашекъ, пряталъ въ домъ свою хурду-мурду. Еще хуже вышло.

И Асань рассказалъ случай, имѣвшій, какъ говорятъ, мѣсто въ дѣйствительности.

— Видишь развалины на горѣ, подь скалой? Тамъ была прежде греческая келисе. Давно была. Теперь стѣнка осталась, раньше крыша держалась, сводъ былъ.

Одинъ разъ случилась гроза. Дождь большой пошелъ, вода съ горъ побѣжала, камни понесла. Мамуть загналъ барашекъ за стѣнку, самъ спрятался подь сводъ. Стоитъ, поетъ. Веселый былъ человекъ. Горя не зналъ. А дождь — больше и больше.—Анасыны, говоритъ. Надоѣло ему. Нечего было дѣлать, въ рукахъ таякъ, которымъ за ноги барашекъ ловятъ, давай стучать по стѣнѣ. Вездѣ—такъ, въ одномъ мѣстѣ—не такъ. Еще постучалъ.

— Можетъ кладъ найду, думаетъ. Хочетъ выломать камень изъ стѣны. Вдругъ слышитъ:—Эй, Мамуть, не тронь лучше! Плохо будетъ. Посмотрѣлъ,—никого нѣтъ. Началъ камень выбивать.—Не тронь, слышитъ опять; будешь богатымъ, червонцемъ подавишься.

Сплюнулъ Мамуть.—Анасыны, бабасыны; врешь, Шайтанъ, богатымъ всегда хорошо. Навалился какъ слѣдуетъ и сдвинулъ камень съ мѣста. Видитъ печь, а въ ней кувшинъ съ червонцами. Ахнулъ Мамуть. Столько золота! На всю деревню хватить. Задрожалъ отъ радости, спѣшитъ спрятать кладъ, чтобы другіе не увидѣли. Только камень назадъ не пошелъ. Высыпалъ всѣ червонцы въ чекмень, завернулъ въ узелъ, подь кустъ до вечера положилъ.

Дождь прошелъ, выгналъ стадо пасти, а самъ на кустъ смотритъ. Кустъ горитъ—не горитъ,—дымится.—Вай, Алла! Солнце еще высоко, въ деревню не скоро; сталъ думать—какой богатый человекъ теперь будетъ. Принесетъ червонцы домой, отдастъ женѣ:—На! Самъ падишахъ больше не дастъ, а я, чабанъ, все тебѣ подарю. Положимъ—не подарю; только такъ скажу. Смѣется самъ.—Куплю себѣ домъ въ Ялы-Богазѣ; домъ на дорогѣ, открою кофейню; стадо свое заведу; чабаны свои будутъ. Ни одна овца не пропадетъ. Украдетъ чабанъ—сейчасъ поймаю. Первый богачъ въ Отузахъ буду. Такъ думалъ Мамуть, ждалъ, когда солнце за Папастепэ зайдетъ—гнать стадо домой. И гналъ такъ, что самъ удивлялся. Бѣжалъ самъ, бѣжали барашки, бѣжали собаки.

Прибѣжалъ къ себѣ, развернулъ на полу чекмень, позвалъ жену.—Смотри! Съ ума сошла женщина отъ радости; побѣжала къ сосѣдкѣ; та—къ другой. Вся деревня собралась, поздравляютъ Мамута. Одинъ имамъ прошелъ мимо, покачалъ головой; зналъ разные случаи.

Послалъ Мамуть за бараниной. Десять окъ на червонецъ дали, бабамъ каурму велѣлъ варить.—Кушайте всѣ, вотъ какой я человекъ, не какъ другіе.

Стали хвалить Мамута:—Добрый человекъ, хорошій человекъ, уважаемый будешь человекъ. Смотрѣли червонцы. Чужіе, не похожи на турецкіе. Сотскій совѣтовалъ позвать караима Шапшала. Шапшалъ виноградъ покупалъ, образованный человекъ былъ. Позвали. Обѣщалъ помочь. Скоро поѣдетъ въ Стамбуль, тамъ размѣняетъ на наши деньги. Только третью часть себѣ требуетъ. Поторговались, сошлись на четвертой. Отдалъ Мамуть всѣ червонцы, себѣ немного на баранину оста-

виль. Не спалъ ночью, все думалъ, что много далъ за хлопоты. Обидно было. Мучился человѣкъ.

На другой день стада не погналъ. Когда богатый, развѣ будешь чабаномъ! Пошелъ домъ торговать въ Ялы-Богазъ. Никто не жилъ въ домѣ—дешево продали. Безъ денегъ въ долгъ купилъ. Мулла татарламу сдѣлалъ по шаріату. Мастеровъ нанялъ домъ поправить. Безъ денегъ пошли, знали, что Мамуть самый богатый человѣкъ на деревнѣ.

Ждетъ Мамуть караима Шапшала. Все не ѣдетъ. Пришла ураза, нельзя цѣлый день кушать. Недоволенъ Мамуть, къ баранинѣ привыкъ. Сталъ бранить потихоньку старый законъ, а Шайтанъ смѣется:—Скоро Мамуть моимъ будетъ!

По ночамъ слышитъ Мамуть чужой голосъ:—Обманулъ тебя Шапшаль. Пропали червонцы. Никогда не увидишь ихъ. Хмурымъ встаетъ по утру Мамуть. Всѣ радуются: скоро Курбанъ-байрамъ; Мамуть сердитъ на всѣхъ, не думаетъ о праздникѣ.

Одинъ разъ въ деревнѣ услышали колокольчикъ. Приѣхалъ начальникъ. Бѣжитъ сотскій за Мамутомъ.

— Иди, тебя зоветъ.

— Зачѣмъ?

— Ты кладъ, говоритъ, нашель; куда его дѣвалъ?

Испугался Мамуть.—Скажи, не нашель.

— Какъ скажу? Всѣ знаютъ.

— Ну, скажи, дома нѣтъ.

Почесалъ сотскій затылокъ и ушелъ къ начальнику.

А Мамуть взялъ со стѣны ружье и ушелъ черезъ сады въ Ялы-Богазъ.

Надъ ущельемъ нависла черная туча, темно стало; буря началась; вспомнилъ Мамуть тотъ день, когда кладъ нашель.

Вѣтеръ деревья ломаетъ, въ трубѣ воетъ; собаки на дворѣ воютъ, не хорошо воютъ, покойника чуютъ.

Положилъ Мамуть чекмень на полъ, легъ спать. Заснулъ, не заснулъ—не знаетъ. Только видитъ въ углу на корточкахъ сидятъ гости: бѣлый, черный, грекъ-дангалакъ, армянинъ хозяинъ, зарѣзанные чабаны. Сидятъ, тихонько разговариваютъ, боятся разбудить Мамута. Пошевелился Мамуть. Погладилъ длинную бороду бѣлый.

— Мамуть, къ тебѣ пришли. Сначала я скажу, потомъ онъ скажетъ. Посмотримъ, кого послушаешь...

Долго говорилъ бѣлый, душу спасти просилъ, на мечеть муллѣ дать, бѣдному сосѣду дать, сироту въ домъ принять. Напишетъ мулла въ Стамбуль, поймаютъ Шапшала, вернуть въ Отузы деньги. Не будетъ Мамуть въ тюрьмѣ сидѣть: начальника хорошо попросятъ. Когда начальника хорошо просить, начальникъ добрый будетъ.

Смѣется черный.—Только Шапшала, гдѣ найдешь? Давно изъ Стамбула ушелъ. Хочешь деньги, можно имѣть деньги. Скоро начальникъ поѣдетъ. Насыпь больше дрови въ ружье. Ближе поѣдетъ. Будетъ много денегъ.

Поднялся Мамуть на ноги; точно провалились всѣ его гости; только полъ за-скрипѣлъ. Слышитъ звенить колокольчикъ. Зарядилъ ружье, за окошко спрятался. Шагомъ ѣдетъ начальникъ, дорога плохая. Вспомнилъ о Мамутовомъ кладѣ, оглян-нулся на домъ. Блеснуло въ окнѣ что-то, пошелъ по горамъ гулять выстрѣлъ. Позади ѣхали верховые; бросились къ дому, схватили Мамута, скрутили кушакомъ ему руки. Не боролся Мамуть; зналъ, что пропалъ человѣкъ.

Сидитъ Мамуть въ тюрьмѣ, ни пьетъ, ни ѣстъ, позеленѣлъ; всю ночь съ кѣмъ-то разговариваетъ. Страшно караульному: одинъ, а на два голоса разговариваетъ. Сумашедшій, думаетъ. Вдругъ, видитъ, сталъ Мамуть рвать на себѣ шаровары, схватилъ что-то въ руку, запрыгалъ отъ радости. Не сталъ караульный дальше смо-трѣть, зашелъ за дверь; не видѣлъ, какъ вскочилъ къ Мамуту зеленый Шайтанъ, какъ руку на плечо положилъ.

— Прячь скорѣй свой послѣдній червонецъ; увидятъ—отберутъ. Прячь въ ротъ.

Сунулъ Мамуть въ ротъ червонецъ. Зазвенѣлъ засовъ тюрьмы. Глотнулъ Мамуть и удавился.

Узнали въ деревнѣ, что удавился червонцемъ Мамуть, говорили:—Жадный былъ человѣкъ, глупый былъ человѣкъ, домъ въ Ялы-Богазѣ купить захотѣлъ. Кто въ Ялы-Богазѣ можетъ жить! Нечего жалѣть такого человѣка!

Съ того времени никто въ этомъ домѣ не живетъ и народъ называетъ—Шай-танъ-сарай.

Помолчалъ Асанъ, а потомъ прибавилъ:

— Можетъ быть и теперь Шайтанъ здѣсь живетъ. Кто знаетъ! Когда Шайтанъ, гдѣ станетъ жить, долго оттуда не уйдетъ!

СВЯТАЯ КРОВЬ.

(ТУКЛУКСКОЕ ПРЕДАНИЕ.)

Что это за рой кружится надъ церковкой, старой туклукской церковкой греческихъ времянь?

Не души ли погибшихъ въ святую ночь Рождества!

Еще не знали въ Крыму Темиръ-Аксака, но слухъ о хромомъ дьяволѣ добѣжалъ до Тавра, и поднялся въ долинь безотчетный страхъ передъ надвигавшейся грозой.

Плакали женщины, безпокойно жались къ матерямъ дѣти и задумывались старики, ибо знали, что когда набѣгаетъ волна.—не удержаться песчинкѣ.

Скорбѣлъ душой и отецъ Петръ, благочестивый старецъ, не носившій зла въ сердцѣ и не знавшій усталю въ молитвѣ. Только лицо его не выдавало тревоги. Успокаиваль до времени священнослужитель малодушныхъ и училь мириться съ волей Божіей, какъ бы не было тяжело подчасъ испытаніе. Такъ шли дни, близилось Рождество—праздникъ, который съ особенной торжественностью проводили греки въ Туклукѣ.

По домамъ готовились библейки, выпекалась василопита, хлѣбъ св. Василия съ деньгой, которая должна достаться счастливѣйшему въ Новомъ году.

Лучше, чѣмъ когда-либо, поднялся хлѣбъ Зефиры, двадцатилѣтней дочери Петра, и мечтала Зефира, чтобы вложенная ею въ хлѣбъ золотая монета досталась юношѣ, котораго ждала она изъ Сугдеи съ затаенной радостью. Только не пришелъ онъ, какъ обѣщаль. Стало смеркаться, зазвучало церковное било вечернимъ призывомъ, а юноши все не было. Склонивъ въ печали голову, стояла въ церкви дѣвушка, слушая знакомые съ дѣтства молитвенные возгласы отца.

И казалось ей, что никогда еще не служиль отецъ такъ, какъ въ эту ночь. Точно изъ нѣдръ души, изъ тѣхъ далекихъ предѣловъ, гдѣ человѣческое существо готово соприкоснуться съ божественнымъ откровеніемъ, исходило его благостное слово.

Вѣяло отъ него теплоеъ мира и подь пѣсенный напѣвъ, въ туманѣ сумерекъ; при мерцаніи иконостасныхъ лампадъ, чудился кто-то въ терновомъ вѣнцѣ, учившій не бояться страданій.

Каждый молился, какъ умѣлъ, но тотъ кто молился, понималъ, что это такъ.

Смолкнулъ священникъ, прислушался. Съ улицы доносился странный шумъ. Смутились прихожане. Многие бросились вонъ изъ церкви, но не могли разобрать, что дѣлалось на площади. Они только слышали дикіе крики, конскій топотъ, бряцаніе оружія, проклятіе раненыхъ.

Поблѣднѣлъ, какъ смерть, отецъ Петръ. Сбылось то, что повѣдалъ ему какъ-то пророческій сонъ.

— Стойте,—крикнулъ онъ обезумѣвшей отъ ужаса толпѣ.—И слушайте! Богъ послалъ тяжкое испытаніе. Пришли нечестивые. Только вспомнимъ первыхъ христіанъ и примемъ смерть, если она пришла, какъ подобаеъ христіанамъ. Въ алтарѣ, подь крестомъ, есть подземелье. Я впущу туда дѣтей и женщинъ. Всѣмъ не умѣститься, пусть спасутся хоть они.

И отецъ Петръ, сдвинувъ престоль, поднялъ плиту и сталъ впускать дѣтей и женщинъ по очереди.

— А ты?—сказалъ онъ дочери, когда осталась она одна изъ дѣвушекъ.—А ты?
— Я при тебѣ отецъ.

Благословилъ ее взоромъ отецъ Петръ и, поднявъ высоко крестъ, пошелъ къ церковному выходу.

На площади происходила послѣдняя свалка городской стражи съ напавшими чагатаями Темура.

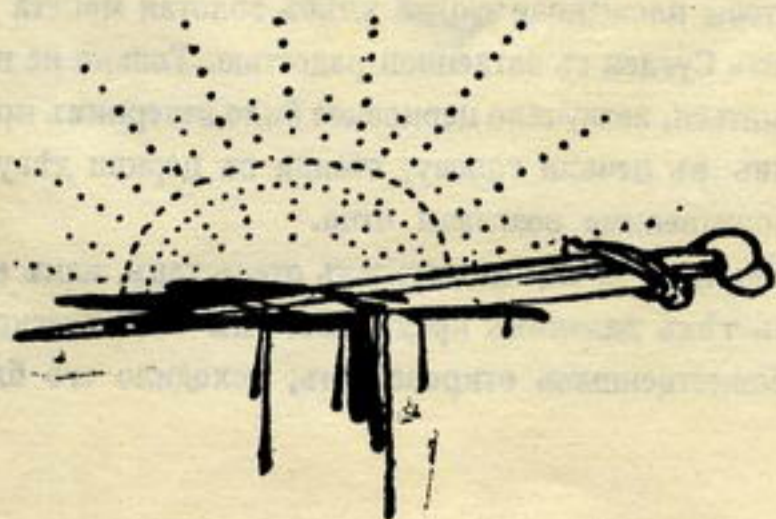
Съ зажженной свѣчей въ одной рукѣ и крестомъ въ другой, съ развѣвающейся бѣлой бородой, въ парчевой ризѣ, стоялъ отецъ Петръ на порогѣ своей церкви, ожидая принять первый ударъ.

И когда почувствовалъ его приближеніе,—благословилъ всѣхъ.

— Нѣтъ больше любви, да кто душу свою положить за други своя.

И упалъ святой человекъ, обливаясь кровью, прикрывъ собой поверженную на порогѣ дочь. Слилась ихъ кровь и осталась навѣки на ступеняхъ церковки.

И теперь, если вы посѣтите эту древнюю, маленькую церковку, вы, если Господь осѣнитъ васъ, увидите слѣды святой крови, пролитой праведнымъ человекомъ когда-то, много вѣковъ назадъ, въ ночь Рождества Христова.

ПИСЬМО МАГОМЕТУ.

(КОЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Татары говорятъ: міръ людей—точильное колесо, оно выгодно тому, кто умѣетъ имъ править.

Фатимэ, жена Аблегани, варила, подь развѣсистой орѣшиной, сладкій бетмесь изъ виноградныхъ выжимокъ и думала горькую думу.

Три года не прошло, какъ праздновали ея той-дугунь.

Первая красавица деревни, какъ персикъ, который начинаетъ поспѣвать, она выходила замужъ за перваго богача въ долинь. Свадебный мугудекъ, обвитый дорогими тканями и шитыми золотомъ юзбедами, окру-

жало болѣе ста всадниковъ. Горскіе скакуны, въ шелковыхъ лентахъ и цвѣтныхъ платкахъ, обгоняли въ джигитовкѣ одинъ другого. Думбало било цѣлую недѣлю и чалгиджи не жалѣли своей груди.

Завидовали всѣ Фатимэ, завидовала въ особенности одна съ черными глазами и сглазила ее. Какъ только вышла Фатимэ замужъ, такъ и пришла болѣзнь.

Звали хорошаго экима лечить, звали муллу читать—не помогло. Возили на святую гору въ Карадагъ, давали порошки отъ камня съ могилы—хуже стало.

Высохла Фатимэ, стала похожа на сухую тарань.

Пересталь любить ее Аблегани; сердится, что больная у него жена; говоритъ, какъ сдавить вино въ тарапанѣ, возьметъ въ домъ другую жену.

— Отчего такъ, думала Фатимэ.—Отчего у грековъ, когда есть одна жена, нельзя взять другую; у татаръ—можно? Отчего у однихъ людей—одинъ законъ, у другихъ—другой?

Плакала Фатимэ. Скоро привезутъ изъ сада послѣдній виноградъ, скоро придетъ въ домъ другая съ черными глазами. Ее ласкать будетъ Аблегани; она будетъ хозяйкой въ домѣ; обидитъ, насмѣется надъ бѣдной, больной Фатимэ, въ чуланъ ее прогонитъ.

— Нѣтъ,—рѣшила Фатимэ,—не будетъ того, лучше жить не буду, лучше въ колодець брошусь.

Рѣшила и ночью убѣжала къ колодцу, чтобы утопиться.

Нагнулась надъ водой и видитъ Азраила; погрозилъ ей Азраиль пальцемъ, взмахнулъ крылами, какъ нѣжный голосъ коснулся ея сердца, и унесся къ небу, на югъ.

Схватились старухи, что нѣтъ дома Фатимэ, бросились искать ее и нашли на землѣ у колодца; а въ рукахъ у нее было перо отъ крыла, бѣлѣ лебединаго.

Умирала Фатимэ, но успѣла сказать, что случилось съ нею.

Собрались козскія женщины, всю ночь говорили, спорили, ссорились, жалѣли Фатимэ, думали, что и съ ними можетъ то же случиться. И вотъ нашлась одна, дочь эфенди, которая знала письмо—ученой была.

— Скажи,—спрашивали ее,—гдѣ написано, чтобы когда жена больной, старой станеть, мужъ бралъ новую въ домъ. Гдѣ написано?

— Захотѣли—написали,—отвѣчала дочь эфенди.—Мало ли чего можно написать.

— Вотъ ты знаешь письмо, напиши такъ, чтобы мужъ другую жену не бралъ, когда въ домѣ есть одна.

— Кому написать?—возражала Зейнепъ.—Падишаху? Посмѣется только. У самого тысяча женъ, даже больше.

Задумались женщины. Но нашлась, которая догадалась.

— Кто оставилъ Фатимэ перо? Ангель. Значить—пиши Пророку. Хорошо только пиши. Всѣ будутъ согласны. Кто захочетъ, чтобы мужъ взялъ молодую хары, когда сама старой станешь. Пиши. Всѣ руку дадимъ.

— А пошлемъ какъ?

— Съ птицей пошлемъ. Птица къ небу летитъ. Письмо отнесетъ.

— Отцу нужно сказать,—говорила Зейнепъ.

— Дура, Зейнепъ. Отцу скажешь—все дѣло испортишь. Другое письмо напишетъ, напротивъ напишетъ.

Уговаривали женщины Зейнепъ, обѣщали самую лучшую мараму подарить и уговорили.

Сѣла на корточки Зейнепъ, положила на колѣни бумагу и стала писать бѣлымъ перомъ ангела письмо Магомету.

Долго писала, хорошо писала, все написала. Замолчали женщины, пока перо скрипѣло, только вздыхали по временамъ.

А когда кончили—перо улетѣло къ небу догонять ангела.

Завязала Зейнепъ бумагу золотой ниткой, привязала къ хвосту бѣлой сороки, которую поймали днемъ мальчишки, и пустила на волю.

Улетѣла птица. Стали ждать татарки, что будетъ. Другъ другу обѣщали не говорить мужьямъ, что сдѣлали, чтобы не засмѣяли ихъ.

Но одна не выдержала и рассказала мужу.

Смѣялся мужъ; узнали другіе, потѣшались надъ бабьей глупостью, дразнили женщинъ сорочьимъ хвостомъ. А старый козскій мулла сталъ съ тѣхъ поръ плевать на женщинъ.

Стыдились женщины,—увидѣли, что глупость сдѣлали; старались не вспоминать о письмѣ.

Но мужья не забывали и, когда сердились на женъ, кричали:—Пиши письмо на хвостъ сороки.

Выросла молодежь и тоже, за отцами, стыдила женщинъ. Смѣялись и внуки и, смѣясь, не замѣтили какъ не стало ни у кого двухъ женъ, ни въ Козахъ, ни въ Отузахъ, ни въ Таракташѣ.

Можетъ быть баранина дорогой стала; можетъ быть самимъ мужчинамъ стыдно стало, можетъ быть отвѣтъ пророка на письмо пришелъ.

Не знаю.

КЫЗЪ-КУЛЛЕ—ДЪВИЧЬЯ БАШНЯ.

(СУДАКСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Говорятъ, въ тѣ времена, когда надъ Сугдеей господствовали греки, эта башня уже существовала, и въ ней жила дочь архонта, гордая и неприступная красавица, какой не было въ Тавридѣ.

Говорятъ, Діофантъ, лучший военначальникъ Митридата, тщетно добивался ея руки, а мѣстная знатная молодежь не смѣла поднять на нее глазъ.

Не знали, что дѣвушка любила. Любила простого деревенскаго пастуха, какъ казалось по его одеждѣ.

Однажды дочь архонта пошла на могилу своей рабыни подъ скалой, въ лѣсу. Несчастливая дѣвушка, любимая прислужница ея, сорвалась со скалы и убилась. По обычаю ее тамъ и похоронили, и по обычаю на могильной плитѣ сдѣлали углубленіе, чтобы собиралась роса, и птицы, утоливъ жажду, порхали надъ нею и пѣли усопшей пѣсню рая.

Дочь архонта пошла прикормить птицъ и увидѣла у могильной плиты пастуха.

Юноша задумался; благородное лицо его дышало грустью, а кудри пышных волосъ смѣялись встрѣчному вѣтру.

Дочь архонта спросила, кто онъ.

— Какъ видишь,—пастухъ, а откуда и самъ не знаю. Смутно помню какую-то иную, чудную страну, высокія колонны, храмъ. А былъ или не былъ тамъ,—не знаю.

И дѣвушка улыбнулась. Она тоже, какъ сонъ, вспомнила тотъ городъ съ колоннами, храмами и мавзолеями, откуда ее привезли въ раннемъ дѣтствѣ.

Разговаривая, не замѣтили, какъ ушла грусть и пришла радость, какъ не стало между пастухомъ и дочерью архонта разницы ихъ положеній и какъ согласно стали биться ихъ сердца.

Съ тѣхъ поръ только прекраснымъ пастухомъ жила дочь архонта, а пастухъ зналъ, что среди боговъ и людей не было его счастливецъ.

Плита стала алтаремъ, небесная роса сближала ихъ съ горной высью, а пѣснь птицъ казалась священнымъ гимномъ любви.

Но какъ-то увидѣли ихъ вмѣстѣ и донесли архонту. Въ себя архонтъ приказалъ схватить пастуха и бросить его въ каменный мѣшокъ подъ бачиней Кызъ-Кулле.

Прошло нѣсколько дней, пока вѣтеръ донесъ до слуха обезумѣвшей отъ горя дѣвушки стонъ заключеннаго. Поняла она все, и ночью спустилась по веревкѣ въ колодець и спасла любимаго.

Безъ сознанія лежалъ пастухъ на полу въ замкѣ царевны, когда отворилась дверь и вошелъ архонтъ. Онъ гнѣвно поднялъ руку, но тотчасъ опустилъ ее. На груди юноши онъ прочелъ знакъ, только ему одному извѣстный, и узналъ, кто былъ пастухъ.

Молніей пронеслась въ памяти битва двухъ городовъ, плѣнъ его семьи и его горе безъ границъ, когда изъ плѣна не вернулся его первенецъ.

Смертная блѣдность покрыла чело архонта. Ужасъ овладѣлъ имъ. Но, придя въ себя, онъ потребовалъ врача и приказалъ спасти умирающаго.

— Я не хочу отравить печалью добрый порывъ моей дочери. Ты долженъ спасти его.

И юноша былъ спасенъ.

Вскорѣ отходилъ корабль въ Милету.

Архонтъ приказалъ выздоравливающему готовиться въ путь—отвезти государственную запись.

— Черезъ годъ,—сказалъ онъ тихо дочери,—корабль вернется назадъ. Если твой возлюбленный не измѣнитъ тебѣ, ты увидишь на мачтѣ бѣлый знакъ, и я не буду противиться вашему счастью. Но если ты не увидишь этого знака, ты не должна печалиться, что не отдала руки недостойному, и ты должна обѣщать, безъ слезъ и возраженій, отдать ее Діофанту.

Отошелъ корабль съ приказомъ вернуться черезъ полгода и съ тайнымъ наказомъ корабленачальнику оставить юношу въ Милетѣ до слѣдующаго прихода корабля.

Потянулись сѣрые дни, ползли, какъ медленная черепаха.

Полную свободу далъ дочери архонтъ, но свобода одиночества—самая полная изъ всѣхъ, въ то же время и самая тоскливая.

Заперлась дочь архонта въ Дѣвичьей башнѣ и только изрѣдка спускалась къ могилѣ, гдѣ впервые узнала пастуха.

Такъ прошло лѣто, на исходѣ былъ мѣсяць сбора винограда, наступалъ листопадъ.

Сталъ чаще посѣщать страну богъ тумановъ и по ночамъ являлся царевнѣ неяснымъ старикомъ, сѣдая борода котораго обвивала замокъ и тонула гдѣ-то въ морской дали, на серебристомъ отсвѣтѣ луны. Закрывалъ туманъ эту даль, и туманился взоръ дѣвушки безотчетною тоскою.

Однажды, когда проглянувшее солнце угнало туманъ въ горныя ущелья, сугдейцы увидѣли свой корабль, опускавшій паруса у самой пристани.

Увидѣла его и дочь архонта, но не увидѣла на немъ бѣлаго знака.

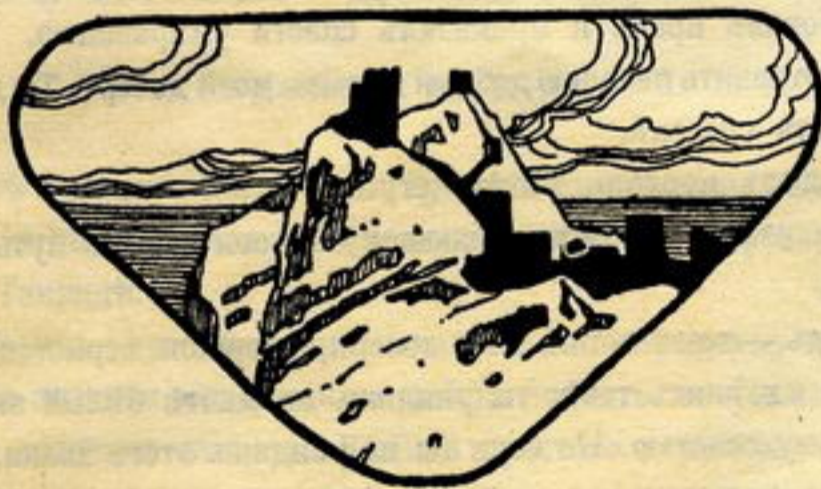
Блѣдной, гордой и красивой какъ никогда, вышла она къ рабынямъ и приказала подать лучшій хитонъ, лучшую тунику и діадему изъ опала и сапфира. Одѣвая царевну, прислужницы удивлялись ея ушедшей отъ земли красотѣ.

— Теперь позовите Діофанта.

Вбѣжалъ влюбленный военначальникъ Митридата по ступенямъ башни Кызь-Кулле, и, очарованный, бросился къ ногамъ красавицы.

— Слышалъ ли ты, Діофантъ, когда, какъ любить греческая дѣвушка. Скажи Евпатору, что ты самъ это узналъ.

И дочь архонта, сверкнувъ на чужеземца гордостью и красотой, быстро подошла къ аркѣ окна и бросилась въ бездну.

РАЗБОЙНИЧЬЯ ПЕЩЕРА

(КИЗИЛЬТАШСКОЕ ПРЕДАНИЕ.)

Много лѣтъ прошло, какъ увезли въ Сибирь Алима, а старокрымская гречанка, укачивая дитя, все еще поетъ пѣсенку объ удалцѣ, который не зналъ пощады, когда нападалъ, но глаза котораго казались взглядомъ лани, когда онъ бралъ на руки ребенка.

И въ долгіе зимніе вечера, когда въ трубѣ завываетъ вѣтеръ и шумитъ недобрымъ шумомъ бушующее море, татары любятъ, сидя у очага, послушать разсказъ старика о послѣднемъ джигитѣ Крыма—Алимѣ, которымъ гордились горы, потому что въ немъ жило безуміе храбраго и потому, что никогда не знали отъ него обиды слабый и бѣднякъ.

Шель прямо къ сердцу Алимовъ кинжалъ, взмахъ шашки его разскалъ пополамъ человѣка и заколдованная пуля умѣла свернуть за скалу, чтобы настичь укрывшагося.

Какъ грозы боялись люди Алима и во всей округѣ только одинъ человѣкъ искалъ встрѣчи съ нимъ. То былъ старый карасубазарскій начальникъ, о которомъ разсказывали, что кулакъ его тяжелѣй кантарной гири, а отъ остраго взгляда его не укрыться даже подъ землей.

Семь лѣтъ подъ рядъ только о немъ да объ Алимѣ говорилъ Крымъ; семь разъ за эти годы попадалъ Алимъ въ руки стражей и семь разъ, разбивъ кандалы, успѣвалъ бѣжать въ таракташскіе лѣса, въ ногайскую степь. А въ горахъ и въ степи вся татарская молодежь стояла за него и старые хаджи, совершая намазъ, призывали лишній разъ имя Аллаха, чтобы онъ оградилъ Алима отъ неминуемой бѣды.

Нависла надъ нимъ черная туча и знали объ этомъ мудрые старики.

Ибо нельзя было плясать на одной веревкѣ двумъ плясунамъ, какъ говорилъ отузскій мулла.

Въ тотъ годъ стояла въ Крыму небывалая стужа; терпѣлъ бѣднякъ, но было не лучше богачу, такъ какъ по дорогамъ шель стонъ отъ Алимова разбоя.

Алима видѣли въ разныхъ мѣстахъ, появлялся онъ въ мѣстечкахъ и городахъ, и былъ даже слухъ, что заходилъ къ самому карасубазарскому начальнику—предлагалъ ему выдать Алима.

Говорили въ народѣ, что начальникъ сказалъ:—Будеть Алимъ въ моихъ рукахъ—сто карбованцевъ тебѣ. Засмѣялся Алимъ, крикнулъ начальнику:—Вотъ былъ Алимъ въ твоихъ рукахъ, да не умѣлъ ты взять его. Прыгнулъ въ окно и ускакалъ изъ города.

Не догнала погоня. Бѣлый конь Алимовъ былъ о трехъ ноздряхъ, съ тремя отдушинами въ груди, чтобы три дня могъ скакать безъ отдыха.

Тогда двинули со всѣхъ сторонъ стражей и окружили таракташскій лѣсъ.

Но Алима не нашли. Успѣлъ вовремя предупредить отузскій кефеджи и Алимъ ушелъ въ Кизильташъ. Тамъ была пещера, гдѣ укрывались разбойники въ ненастье и откуда шелъ ходъ въ подземелье. А въ подземельѣ хранились Алимова добыча и запасы. Была и другая пещера со святой водой, которая цѣлила раны и удваивала силы людей.

Здѣсь въ Кизильташѣ притихъ на время Алимъ. Знали объ этомъ только отузскій кефеджи, да его подручный Баталь. Но Баталь готовъ былъ скорѣе проглотить свой языкъ, чѣмъ выдать Алима. Любилъ и баловалъ Алимъ его сиротку, маленькую Шашнэ и слалъ ей черезъ отца то турецкую феску, то расшитые папучи, то золотую серьгу. Хвастала Шашнэ, показывая подругамъ новые подарки. Будеть большой—весь кизильташскій кладъ отдастъ ей Алимъ и самъ женится на ней. Услышала о томъ дочь грека дангалака, сказала отцу. Отецъ боялся Алима и не любилъ его, потому что когда боишься—всегда не любишь.

И къ тому же была между ними кровь: убилъ Алимъ въ разбоѣ родича дангалака. Чуть свѣтъ поскакалъ дангалакъ въ городъ, а къ вечеру въ Отузы прибылъ начальникъ и собралъ сходъ.

Коршуномъ поглядѣлъ онъ на татаръ.

— Чтобы курица изъ деревни не вышла, чтобы голубь за околицей не парилъ, пока Алимъ не будетъ въ моихъ рукахъ.

И поняли татары, что пришелъ Алимъ конецъ.

Никто не спалъ въ деревнѣ въ эту ночь. Визжалъ вихремъ Шайтанъ по дорогѣ, ломалъ деревья по садамъ, мертвымъ стукомъ стучалъ въ дверь труса и кидался на прохожаго бѣшенымъ ливнемъ.

Жутко было итти стражамъ по кизильташской тропѣ. Жутью дышалъ лѣсъ нагорья и гуломъ гудѣлъ облажной дождь, сбѣгая тысячью потоковъ въ ущелья кизильташской котловины.

Не ждали разбойники въ эту ночь никого и, укрывшись въ чекмени, спали въ Разбойничьей пещерѣ вокругъ догоравшаго костра.

Спалъ и Алимъ зыбкимъ сномъ. Видѣлъ, будто забылъ испить къ ночи святой воды, какъ дѣлалъ всегда, и вбѣгаетъ въ Святую пещеру, но въ источникѣ, вмѣсто воды, кипитъ кровь. А сверху, со скалъ свѣсились кольцами черныя змѣи, и одна изъ нихъ, скользкая и холодная, обвила его шею узломъ.

Вскрикнулъ Алимъ отъ боли, открылъ глаза и увидѣлъ надъ собой громаднаго челоуѣка, который давилъ ему грудь и сжималъ горло.

Выскользнулъ Алимъ, но ударъ подъ сердце лишилъ его сознанія. А когда очнулся, то лежалъ уже связаннымъ вмѣстѣ со всей шайкой.

— Здравствуй Алимъ, былъ ты у меня въ гостяхъ, теперь, видишь, я къ тебѣ пришелъ,—говорилъ надъ нимъ кто-то.

Потемнѣло опять въ глазахъ Алима, а когда вновь пришелъ въ себя, былъ день и несли его на носилкахъ вдоль деревенской улицы. Точно вымерла вся деревня. Ни души не было видно, прятались всѣ отъ взора начальника. Посмотрѣлъ начальникъ на Алима, точно что-то спросилъ, и отвѣтилъ Алимъ взоромъ:—Знаю, не будетъ больше джигитовъ въ Крыму.

А къ полудню у сельскаго правленія собрались арбы, къ которымъ были прикованы разбойники. Въ кандалахъ лежалъ Алимъ и съ нимъ кефеджи съ Баталомъ. Все было готово, чтобы тронуться въ путь. Собралась вся деревня, вышелъ изъ правленія начальникъ; плакала, ласкаясь къ отцу, Баталова Шашнэ.

— Не плачь,—сказалъ начальникъ дѣвочкѣ,—скоро отецъ вернется, и, посмотрѣвъ на Алима, добавилъ:—чуть, было, не забылъ, за мною вѣдь долгъ. Помнишь, я обѣщаль, когда Алимъ будетъ въ моихъ рукахъ, сто карбованцевъ тебѣ? Алимъ въ моихъ рукахъ,—деньги твои.

— Отдай ихъ ей,—показалъ Алимъ на дѣвочку.

Арбы медленно двинулись въ путь и уже навсегда увезли изъ горъ Алима.

ГРИБЫ ОТЦА САМСОНІЯ.

(КИЗИЛЬТАШСКОЕ СКАЗАНИЕ.)

Въ тѣ времена, когда Кизильташъ былъ еще киноіей, и все населеніе его состояло изъ десятка монаховъ, епархіальное начальство прислало туда на эпитемію нѣкогого отца Самсонія.

Въ киноіи скоро полюбили новаго іеромонаха, полюбили за его веселый, добрый нравъ, за сердечную простоту и общительность. Въ свой чередъ и отецъ Самсоній привязался къ обители, которою управлялъ тогда великой души челоуѣкъ—игумень Николай. Сроднился съ горами, окружавшими высокой стѣной монастырь; сжился съ лѣсною глушью и навсегда остался въ Кизильташѣ.

Въ монастырь рѣдко кто заглядывалъ изъ богомольцевъ; сосѣди татары относились къ нему враждебно и монахамъ приходилось жить лишь тѣмъ, что они могли добыть своимъ личнымъ трудомъ.

Только раза два-три въ годъ наѣзжала помолиться Богу, а кстати по ягоду и грибы, мѣстная отузская помѣщица съ семьей и тогда дни эти были настоящимъ праздникомъ для всѣхъ монаховъ и особенно для отца Самсонія.

Монахи слышали звонкіе женскіе голоса, общились со свѣжими наѣзжими людьми, которые вносили въ ихъ сѣрую, обыденную жизнь много радости и оживленія. А отецъ Самсоній зналъ, какъ никто, всѣ грибныя и ягодныя мѣста, умѣлъ занять привѣтнымъ словомъ дорогихъ гостей и потому пользовался въ семьѣ помѣщицы особымъ расположеніемъ.

Уѣзжая изъ обители, гости оставляли разные съѣдобные припасы, которые монахи экономно сберегали для торжественнаго случая.

Такъ шли годы, и какъ-то незамѣтно для себя и другихъ молодая, жизнерадостная помѣщица обратилась въ хворую старуху, а отецъ Самсоній сталъ напоминать высохшій на корню грибу, ненадобный ни себѣ, ни людямъ. Почти не сходилъ онъ съ своего крылечка, обвитаго виноградной лозой. И если воскресалъ въ немъ прежній любитель грибного спорта, то только тогда, когда пріѣзжали по грибы старые отузскіе друзья.

И вотъ однажды, когда настала грибная пора, игумень, угощая отца Самсонія послѣ церковной службы обычной рюмкой водки, сказалъ:

— По грибы больше не поведешь.

— Почему?

— Еле ноги волочить. Не дойду, говорить, а былъ ей будто сонъ: въ тотъ годъ, когда по грибы не пойдетъ,—въ тотъ годъ и помретъ. Сокрушается.

Жаль стало отцу Самсонію, не изъ корысти, а отъ чистаго сердца; сообразилъ онъ что-то и сталъ просить:

— А вы ее, отецъ игумень, все-таки уговорите; грибы будутъ сейчасъ за церковью, въ дубнякъ.

— Насадишь, что ли? — усмѣхнулся отецъ Николай и обѣщаль похлопотать.

И дѣйствительно помѣщица, къ общему удивленію, собралась и пріѣхала со всей семьей въ монастырь.

Обрадовались всѣ ей, радовалась и она, услышавъ знакомый благовѣсть монастырскаго колокола. Точно легче стало на душѣ и притихла на время болѣзнь.

— Ну вотъ и слава Богу,—ликоваль, потирая руки, отецъ Самсоній.

— Отдохните, въ церкви помолитесь, а завтра по грибы.

А самъ съ ночи отправился въ грибную балку у лысой горы и къ утру, когда еще всѣ спали, успѣлъ посадить въ дубнякъ, за церковью, цѣлую корзину запеканокъ.

Только что кончилъ свои хлопоты, какъ ударилъ колоколь. Перекрестился отецъ Самсоній и сѣлъ подъ развѣсистымъ дубомъ отдохнуть. Отъ усталости старчески дрожали руки и ноги и колыхалось, сжимаясь, одряхлѣвшее сердце. Но свѣтло и радостно было на душѣ, потому что успѣлъ сдѣлать все, какъ задумаль. Глядитъ, съ верхней скальной кельи спускается суровый схимникъ, старецъ Геласій. Побаивался отецъ Самсоній старца и избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Всегда всѣхъ корилъ Геласій и никто не видалъ, чтобы онъ когда-нибудь улыбнулся.

— Мірской суетой занимаешься. Обманъ пакостный придумываешь. Посвященіе свое забылъ. Тьфу, прости Господи,—отплюнулся старецъ и побрель въ церковь.

Упало отъ этихъ словъ сердце у отца Самсонія, ушла куда-то свѣтлая радость и не вернулась, когда очарованная старуха, срывая искусно насаженную запеканку, воскликнула:

— Ну, значить, еще мнѣ суждено пожить. А я ужъ и не чаяла дотянуть.

— Да что съ тобой, отецъ Самсоній,—добавила она, поглядѣвъ на Самсонія.

— Не здоровится что-то. Состарился, сударыня.

И хотѣлъ подбодриться, какъ видитъ, возвращается Геласій изъ церкви, къ нимъ присматривается. Остановился, погрозилъ пальцемъ.

— Гдѣ копаль, тамъ тебя скоро зароютъ.

Испугался Самсоній пророческому слову старца. Всегда сбывалось оно.

..... скоро зароютъ.

— Да что съ тобой сталось, отецъ Самсоній, — допытывалась помѣщица, уѣзжая изъ монастыря.

А къ ночи отецъ Самсоній почувствовалъ себя такъ плохо, что вызвалъ игумена и повѣдалъ ему о своемъ тяжкомъ нездоровьи, о томъ, какъ корилъ и что предрекъ ему Геласій и какъ спокойно стало у него на душѣ.

— Ну, грѣхъ не великъ,—успокаивалъ добрый игумень,—а за свѣтлую радость людямъ тебя самъ Богъ наградить.

Пошелъ игумень къ Геласію, просилъ успокоить болѣзнующаго, но не вышло ничего. Отмалчивался Геласій и только, когда уходилъ игумень, бросилъ недобрымъ словомъ:

— На отпѣваніе приду.

И случилось все такъ, какъ предсказалъ Геласій.

Недолго хворалъ отецъ Самсоній и почувствовалъ, что пришла смерть. Отсоборовали умирающаго, простилась съ нимъ братія, остался у постели одинъ іеромонахъ и сталъ читать отходную.

Вдругъ видитъ—поднялся на локтяхъ Самсоній, откинулся къ стѣнѣ, а на стѣнѣ висѣла вязка сухихъ грибовъ, и засвѣтились они, точно вѣнецъ вокругъ лика святого. Вздохнулъ глубоко Самсоній и испустилъ духъ.

Разсказали монахи другъ другу объ этомъ и стали коситься на Геласія, а Геласій трое сутокъ, не отходя отъ гроба, клалъ земные поклоны, молился и шепталъ:

— Ушелъ грѣхъ, осталась святость.

Какъ понять—не знали монахи, и была между ними тревога и жуть.

Еще больше пошло толковъ, когда, придя на девятый день къ могилѣ отца Самсонія,—а похоронили его, по указанію схимника, въ дубнякъ, за церковью,—увидѣли, что у могильнаго креста выросли грибы.

Повырывалъ ихъ Агаѳангелъ іеродіаконъ, игумень окропилъ мѣсто святой водой, соборне отслужили сугубую панихиду.

А на сороковой день повторилось то же, и не знали, что думать—по грѣху ли, по святости совершается.

Пошли у монаховъ сны объ отцѣ Самсоніи; стали поговаривать, будто каждую ночь вырастаютъ на могилѣ его грибы, а къ послѣдней звѣздѣ ангелъ Божій собираетъ ихъ, и свѣтится все кругомъ.

Стали замѣчать, что если больному отварить грибъ, сорванный вблизи могилы, то дѣлается лучше.

Такъ говорили всѣ въ одинъ голосъ, и только Геласій схимникъ хранилъ гробовое молчаніе и никогда не вспоминалъ объ отцѣ Самсоніи.

И вотъ, какъ разъ въ полугодіе кончины Самсонія, случилась съ Геласіемъ бѣда. Упалъ, сходя съ лѣстницы, сломалъ ногу и впалъ въ безпамятство. Собрались въ кельѣ старца монахи—не узналъ никого Геласій, а когда игумень хотѣлъ его приобщить, оттолкнулъ чашу съ дарами.

Скорбѣлъ игумень и молилъ Бога вразумить старца. Коснулась молитва души Геласія, поднялись вѣки его, принялъ святые дары, свѣтло улыбнулся людямъ и чуть слышно прошепталъ:

— Помните грибы отца Самсонія. То были святые грибы.

ПОЯСНЕНІЯ КЪ ЛЕГЕНДАМЪ.

ОКАМЕНЪЛЫЙ КОРАБЛЬ.

Легенду эту я слышалъ отъ моей матери—Зефиры Павловны Марксъ, изъ рода Ставра-Цирули, одного изъ древнихъ насельниковъ Феодосійской округи. Подводные камни, которые мѣстные жители называютъ *Окаменѣлымъ кораблемъ*, лежатъ въ Кохтебельскомъ заливѣ, между мысомъ Тапракъ-кая и мысомъ *Кіикъ-Атлама*. *Кохтебель*, нарождающійся курортъ для интеллигента средняго достатка, лѣтъ двадцать назадъ представляла изъ себя пустынный пляжъ, верстахъ въ двухъ отъ котораго лежала бѣдная болгаро-татарская деревушка того же имени. (Въ 19 в. отъ Феодосіи по судакскому шоссе). Болгары пришли сюда при императрицѣ Екатеринѣ II, татары съ начала XIII вѣка, но мѣстность эта была извѣстна еще Плинію († 79 г.), по словамъ котораго здѣсь нѣкогда была пристань *тавровъ*, древнѣйшихъ жителей Тавриды. Легенда объ Окаменѣломъ кораблѣ, въ устахъ мѣстныхъ грековъ, связана съ именемъ *св. Варвары*. Какъ извѣстно, св. Варвара (III вѣкъ), сирійка по происхожденію, дѣйствительно, бѣжала отъ отца, который преслѣдовалъ ее за принятіе ею христіанства, но въ Крыму она никогда не была; и если народное преданіе говоритъ именно о св. Варварѣ, то это показываетъ насколько имя мученицы было популярно въ горахъ Крыма. Быть можетъ легенду нужно приурочить къ началу XII вѣка, когда были перенесены изъ Византіи въ Кіевъ мощи св. Варвары. *Отлукая*—небольшая гора по правую сторону шоссе изъ Кохтебели въ Отузы. У подножья ея продолговатое всхолмье, вершина котораго, до проведенія шоссе въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, была окаймлена поставленными на ребро плитами, а по скату были разбросаны камни, напоминавшіе издали стадо овецъ. Камни пошли на постройку шоссе, но мѣстные жители до сихъ поръ называютъ это мѣсто *Окаменѣлымъ стадомъ*. Слѣдуетъ отмѣтить, что на Керченскомъ полуостровѣ, недалеко отъ д. Кызильхую, существуетъ *Оврагъ окаменѣлыхъ овецъ*, но здѣсь въ основѣ татарской легенды лежитъ наказаніе дочери за ея черную неблагодарность отцу. *Отара*—стадо (*отъ*—трава, *ара*—искать).

ЧОРТОВА БАНЯ (Шайтаны-хаманъ).

Легенду рассказывалъ мнѣ мѣстный помѣщикъ Меѳодій Николаевичъ Казаковъ, со словъ отузскихъ татаръ. *Кадыкъ-койская будка* расположена на 23-й верстѣ по шоссе изъ Феодосіи на Судакъ. На бугрѣ противъ будки виденъ слѣдъ развалины *Шайтаны-хамамъ*. Раньше, до проведенія шоссе, видны были развалины стѣнъ и печи. Шагахъ въ тридцати отъ будки, находится, укрытый въ лѣснякѣ, красивый горный *гротъ* съ чудной, студеной водой. *Шайтанъ*—духъ зла, изгнанный Аллахомъ изъ сонма ангеловъ за то, что онъ не хотѣлъ поклониться Адаму. Съ тѣхъ поръ Шайтанъ мститъ человѣческому роду, толкая его на все противное заповѣдямъ Аллаха. *Курбанъ-байрамъ*—праздникъ жертвоприношенія. Онъ празднуется въ теченіи четырехъ дней въ 12-мъ лунномъ мѣсяцѣ года. Къ этому празднику каждый татаринъ запасается жертвенной овцой, которую въ день праздника закалываетъ послѣ молитвы муллы. Шкура и лучшая часть овцы идетъ муллѣ, кусокъ баранины—бѣднымъ, а остальное на домъ. Татаринъ вѣритъ, что душа невиннаго жертвеннаго животнаго поможетъ душѣ жертвователя войти въ обитель вѣчной отрады. Какъ извѣстно, Магометъ ввелъ этотъ видъ жертвоприношенія взаменъ существовавшаго у арабовъ жертвоприношенія дѣтей. *Ага*—чиновное, должностное лицо. *Имамъ*—мулла, священникъ.

ЭЧКИ-ДАГЪ (Козья гора).

Легенду сообщилъ отузскій татаринъ Аблякимъ-Амитъ-оглы. Гора *Эчкидагъ*, поднимающаяся на высоту 2100 ф., отдѣляетъ отузскую долину отъ козской. По склону Эчкидага идетъ, на протяженіи 5 верстъ, шоссе изъ Отузь къ Судаку. Татары говорятъ, что у вершины горы дѣйствительно существуетъ провалъ безъ дна, который они называютъ *Ухомъ земли* (Хулахъ Іернынъ). Въ лѣсу, которымъ покрыты склоны Эчкидага, еще недавно охотники били дикихъ козъ (*караджа*). Въ моемъ дѣтствѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, дикая коза продавалась въ изобиліи на феодосійскомъ рынкѣ, а въ тридцатыхъ годахъ, по словамъ стариковъ, эта дичь цѣнилась не дороже 75 к. за штуку. *Ткна*—красная краска, которой татарки, по обряду, покрываютъ волосы и пальцы рукъ и ногъ. Подъ именемъ *франковъ* турки разумѣютъ вообще иностранцевъ. *Пашалыкъ*—генералитетъ. Монашескій Орденъ *дервишей* (нищихъ)—особенно чтимъ крымскими татарами. Они считаютъ дервишей—святыми, имѣющими власть изгонять недугъ изъ больныхъ. Во время молитвы, которая сопровождается вскрикиваніями—Богъ все движетъ! (Гувз!), дервиши начинаютъ вертѣться, при чемъ, постепенно учащая темпъ движенія, доходятъ до экстаза. Въ Россіи—служеніе дервишей происходитъ въ одной только Бахчисарайской мечети.

Думбало—огромный барабанъ, въ который бьютъ съ обѣихъ сторонъ, легкимъ деревяннымъ молоткомъ сверху и тросточкой—снизу.

ШАЙТАНЪ И КИЗИЛЬ.

Отузская долина, одна изъ самыхъ красивыхъ въ Крыму, лежитъ на пути изъ Феодосіи въ Судакъ, въ 27-ми в. отъ Феодосіи и въ 25-ти отъ Судака. *Отузъ* по-татарски значить—тридцать. Такое названіе было дано деревнѣ, какъ полагаютъ по числу дворовъ, оставшихся въ 1779 г., по выселеніи грековъ изъ этихъ мѣстъ. До этого выселенія, и въ болѣе древнюю пору, основнымъ элементомъ населенія были греки, о чемъ свидѣлствуютъ развалины церквей св. Георгія и Успенія Богоматери; названіе одной изъ горъ, окружающихъ долину,—*Папастепэ* (Попова гора, гр. *παπάς*—попъ, тат. *тепе*—отдѣльно стоящая гора), а также остатки древне-греческаго укрѣпленія въ устьѣ долины, у берега моря. Окруженная съ трехъ сторонъ горами, находясь въ сторонѣ отъ торговаго движенія, долина эта сохраняла до послѣдняго времени свой особый колоритъ горной округи, съ ея повѣрьями, преданіями и легендами. Но съ проведеніемъ шоссе, съ развитіемъ курортной жизни, стала исчезать замкнутость долины, а съ нею забываются преданія и легенды, а повѣрья уступаютъ мѣсто болѣе реальнымъ воззрѣніямъ. Это обстоятельство побудило насъ собрать дошедшіе до насъ отголоски народнаго сказа и издать ихъ, придерживаясь той формы, въ которую они вылились въ слышанной нами передачѣ.

Повѣрье о Шайтанѣ и кизилѣ сообщила отузская помѣщица Жанна Ивановна Арцеулова, урожденная Айвазовская.

СВЯТАЯ МОГИЛА.

Крымскіе татары чтутъ могилы праведныхъ людей—азизовъ. Признаніе азизомъ совершается обыкновенно послѣ того, какъ нѣсколько почтенныхъ лицъ засвидѣлствуютъ, что видѣли на могилѣ зеленоватый свѣтъ и что надъ поклонявшимися могилѣ совершались чудеса. Если имя святого не сохранилось въ народѣ, то азизъ именуется по мѣстности, гдѣ онъ погребенъ; такъ *Святая могила* на Папастепэ принадлежитъ неизвѣстному азизу. Но въ дѣтствѣ я слышалъ имя хаджи *Курдъ-Тадэ*, которое приурочивалось къ Святой могилѣ, почему я и привожу это имя въ легендѣ. Званіе *хаджи* присваивается лицамъ, посѣтившимъ Мекку. Посѣщеніе этого священнаго города установлено ст. 192-мъ, гл. 2-ой и ст. 91-мъ главы 3-ей Корана. При возвращеніи хаджи изъ Мекки, его встрѣчаетъ вся деревня, съ великимъ преклоненіемъ и провозглашеніемъ *хаджи*, освященнымъ св. Духомъ. *Минаретъ*—каменная или деревянная башенка, съ внутренней лѣстницей и балкономъ, откуда муэдзинъ совершаетъ свой призывъ. *Муэдзинъ*—дьяконъ. Въ часъ молитвы онъ, послѣ омовенія, поднимается на минаретъ (могутъ и другія лица) и,

обходя кругомъ балкончикъ, возглашаетъ нараспѣвъ: «Великій Боже, исповѣдаю, что нѣтъ Бога—кромѣ Аллаха и Магометъ его пророкъ». Затѣмъ, оборачиваясь на востокъ онъ называетъ иновѣрцевъ—дурнымъ народомъ, а на югъ шлетъ призывъ: «О, достойный народъ, приходи къ поклоненію, приходи къ спасенію!» *Намазъ*—молитва. По ученію Магомета намазъ слѣдуетъ совершать пять разъ въ день, а именно: при заходѣ солнца, два часа спустя, передъ разсвѣтомъ, въ полдень и въ три часа пополудни.

ШАЙТАНЪ-САРАЙ (Чортовъ домикъ).

Этотъ домикъ, принадлежащій нынѣ одному армянину, попрежнему, остается нежилымъ. Случай съ кладомъ, найденнымъ чабаномъ въ стѣнѣ развалины церкви Успенья Богоматери, рассказывалъ моему отцу, Александру Карловичу Марксу, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, еодосійскій исправникъ Изнаръ. Развалины церкви на *Келисэ-кая* (церковная гора) сохранились и до нашихъ дней. *Чабанъ*—пастухъ. *Таякъ* (копыто)—посохъ съ крюкомъ, которымъ чабанъ ловить овцу за ногу. *Око*—мѣра вѣса, 3 фунта. *Ураза* или рамазанъ-байрамъ—годовой праздникъ, который начинается съ 10-го новолунія и продолжается три дня. Празднику предшествуетъ мѣсячный постъ, въ теченіе котораго татары отъ восхода солнца и до заката не ѣдятъ, не пьютъ и не курятъ. Постъ установленъ въ память поста Магомета на горѣ Хора, куда онъ удалился на сороковомъ году жизни для поста и молитвы на цѣлый мѣсяць. Относительно *кладовъ* у татаръ существуетъ рядъ повѣрій. Такъ, на примѣръ, есть повѣрье, что если положившій кладъ умретъ, сотворивъ заклѣтье, то такой кладъ переходитъ во власть Шайтана и тогда нашедшій кладъ и воспользовавшійся имъ, не зная заклѣтья, непременно погибнетъ.

СВЯТАЯ КРОВЬ.

Въ двухъ верстахъ отъ д. Козы, въ сторону Судака, находится небольшая деревня Токлукъ. На бугрѣ, при вѣздѣ въ деревню, стоитъ древняя церковка св. Ильи, очень чтимая мѣстнымъ населеніемъ. На каменной плитѣ порога показываютъ слѣдъ крови, пролитой нѣкогда въ ночь Рождества. В. Х. Кондараки въ ч. I-й Универсальнаго описанія Крыма (ст. 251), говоря объ этой церковкѣ, приводитъ легенду объ убіеніи въ ея алтарѣ мусульманами священника при занятіи Феодосіи русскими войсками. Но моя прабабка, мѣстная уроженка, Панцехрія Ставра-Цирули, рассказывала, что священникъ былъ убитъ во времена Темура Аксака. Нашествіе *Темура*, владѣтеля *чагатаевъ*, на Персію и Русь относится, какъ извѣстно, къ 1390 годамъ. *Василопита*—хлѣбъ въ честь св. Василія, начиненный пережаренною на маслѣ мукою съ медомъ. Въ василопиту кладутъ одну или двѣ

серебряныхъ монеты. На новый годъ хозяинъ дома разрѣзываетъ василопиту на куски по числу членовъ семьи и домочадцевъ. Вѣрятъ, что, кому достанется монета, тотъ будетъ счастливъ въ новомъ году. Если же монета попадетъ подъ ножъ, то жизнь кого-либо изъ членовъ семьи будетъ въ томъ году пресѣчена.

ПИСЬМО МАГОМЕТУ.

Легенду эту сообщилъ козскій учитель Меметь-эфенди. П. И. Сумароковъ полагалъ, что д. Козы есть древняя Козія, быть можетъ Гозія или Готія. П. Копень хотѣлъ видѣть въ этомъ случаѣ половецкое имя, дошедшее до насъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Кѣзь—означаетъ впадину, лощину между двумя горами. Это одна изъ горныхъ деревень, гдѣ сохранился во всей неприкосновенности древній укладъ жизни, между прочимъ и свадебный *той-дугунъ*. Богатая свадьба—цѣлое событіе для жителей долины. Свадебный пиръ продолжается недѣлю и больше. Невѣсту везутъ на крытой коврами и разукрашенной мажарѣ (повозкѣ)—*мугудекъ*, въ сопровожденіи конныхъ джигитовъ и всего населенія деревни, при чемъ джигиты получаютъ подарки, шитые золотомъ и шелками платки и полотенца—*юзбезы*. При свадебномъ кортежѣ идутъ музыканты—*чалгиджи*. *Тарапанъ*, составленный изъ каменныхъ плитъ ящикъ, въ которомъ татары давять ногами вино. *Таранъ* (Carpinus Vimba)—рыба изъ породы карповыхъ, популярное блюдо на югѣ. *Леченіе порошкомъ отъ мрамора*, взятаго съ христіанской могилы, примѣняется при лихорадкахъ, горячкѣ и др. истощающихъ болѣзняхъ. На Карадагѣ былъ, по преданію, похороненъ святой человекъ, Кемаль-бабай. Татары рассказываютъ, что за нѣсколько дней до смерти азиза, онъ сказалъ, чтобы его похоронили тамъ, гдѣ упадетъ его палка. Брошенная имъ затѣмъ палка полетѣла на гору, упала у ручья, гдѣ и былъ похороненъ азизъ и куда теперь стекаются больные изъ разныхъ мѣстностей Крыма въ надеждѣ на исцѣленіе. *Многоженство* допускается религіей Магомета, у котораго была двадцать одна жена. Однако, въ ст. 3-мъ главы 4-ой Корана сказано: если боитесь быть несправедливыми, не женитесь болѣе, какъ на трехъ или четырехъ женщинахъ; если все-таки убоитесь этого, то берите одну жену или невольницу. Нынѣ у крымскихъ татаръ многоженство встрѣчается лишь какъ исключеніе. *Азраилъ*—ангелъ смерти, одинъ изъ двухъ, особенно чтимыхъ изъ безчисленнаго сонма ангеловъ. По довѣрію Аллаха онъ исторгаетъ душу изъ человѣческаго тѣла.

КЫЗЪ-КУЛЛЕ (Дѣвичья башня).

Легенду я слышалъ отъ бабушки Алены Ставровны Жизневской, изъ рода Ставра-Цирули. *Сугдея*—Судакъ, древняя греческая колонія Крыма. Эта колонія, въ числѣ другихъ, была въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. подчинена власти Понтійскаго царя *Митридата Діофантомъ*, тѣмъ самымъ полководцемъ, который построилъ Евпа-

торію, назвавъ городъ такъ въ честь своего государя, носившаго прозвище *Евнатора* (т.-е. отъ добраго отца). Сугдейская крѣпость, судя по припискѣ къ греческому синаксарію (житію святыхъ), писанному въ XII-мъ вѣкѣ (изданъ въ 1863 г., арх. Антониномъ), была построена въ 212 г., но верхній замокъ *Кызъ-кулле* (Дѣвичья башня) могъ существовать и раньше для обороны колоніи, которую устроили здѣсь выходцы изъ Милета. Башня эта сохранилась и доселѣ. По поводу *углубленій*, которыя встрѣчаются на древнихъ могильныхъ плитахъ, П. Кеппенъ замѣчаетъ: «сказываютъ, что углубленія, которыя встрѣчаются на надгробныхъ камняхъ, прикрывающихъ могилы дѣвицъ, выдалбливаются для того, чтобы въ нихъ собиралась роса, могущая служить къ утоленію жажды порхающихъ и поющихъ надъ могилами птицъ». (Крымскій сборникъ. О древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ. С.-Пб. 1837, 25.)

РАЗБОЙНИЧЬЯ ПЕЩЕРА.

Кизилташъ лежитъ въ семи верстахъ отъ Отузъ, въ сторону отъ Феодосійско-Судакскаго шоссе. Со времени Севастопольской войны здѣсь учреждень монастырь. Богомольцы послѣ службы обыкновенно посѣщаютъ монастырскія пещеры, изъ которыхъ одна называется Святой, а другая Разбойничьей.

П. Кеппенъ въ 1837 г., когда еще не было монастыря, писалъ, что «близъ Отузъ верстахъ въ шести отъ деревни, нѣсколько вправо отъ дороги таракташской, есть въ скалѣ Кызылташской пещера глубиною на 17 шаговъ, которая иногда привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ. Въ концѣ оной на столѣ, замѣняющемъ алтарь, при образѣ лежитъ обломокъ бѣломраморной плиты величиною вершковъ въ пять, на коемъ изсѣченъ ликъ какого-то святого, судя по вѣнцу, окружающему главу». (П. Кеппенъ. Крымскій сборникъ, 37.) На кустахъ у этой пещеры посѣтитель видитъ множество разноцвѣтныхъ лоскутковъ, которые богомольцы отрываютъ отъ платья больного и вѣшаютъ на кусты, помолившись объ исцѣленіи его у источника въ пещерѣ. *Разбойничья* пещера находится ниже Святой. Ее образуютъ двѣ сброшенныхъ огромныхъ скалы. Преданіе объ этой пещерѣ сообщилъ мнѣ мѣстный грекъ Петръ Егорьевичъ Джеварджи. Это преданіе связано съ именемъ разбойника Алима, хорошо извѣстнаго Крыму по народному разсказу и пѣснямъ. Поютъ о немъ и татарскіе чалгыджи на пирахъ, и мѣстныя гречанки, укачивая дѣтей, какъ говорила мнѣ помѣщица Елисавета Ставровна Должичева, изъ рода Цирули. Алимъ, изъ д. Зуя подъ Симферополемъ, разбойничалъ въ Крыму въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Это былъ послѣдній изъ ряда джигитовъ, съ которыми русской власти пришлось считаться по присоединеніи Крыма къ Россіи. Онъ пользовался огромной популярностью и несомнѣнной поддержкой среди татарскаго населенія края. До безумія смѣлый и дерзкій Алимъ, говорятъ, отваживался вступать въ открытую борьбу съ небольшими отрядами войскъ, былъ не разъ

окруженъ и схваченъ, но каждый разъ бѣжалъ изъ тюрьмы, пока, наконецъ, въ 1850 г., по наказаніи шестью тысячами ударовъ розогъ, былъ сосланъ въ каторгу. *Кефеджи*—содержатель кофейни. Карасубазарскимъ начальникомъ въ то время былъ Павелъ Михайловичъ Жизневскій, славившійся богатырской силой.

ГРИБЫ ОТЦА САМСОНІЯ.

Послѣ сожженнаго въ 1866 г. татарами игумена Парвенія и въ теченіи послѣдующей четверти вѣка настоятелемъ Кизилташской киновіи былъ игумень Николай, о которомъ все окрестное населеніе доселѣ вспоминаетъ съ благоговѣніемъ, какъ о свѣтломъ и гуманномъ человѣкѣ, отличавшемся необыкновенной добротой и отзывчивостью. Отецъ Самсоній жилъ въ киновіи въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія. Эпизодъ съ грибами, украшенный впослѣдствіи легендарными подробностями, имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Окаменѣлый корабль	1
Чортова баня	4
Шайтанъ и кизиль	7
Эчкидагъ—Козья гора.	9
Святая могила	12
Шайтанъ-сарай	15
Святая кровь.	19
Письмо Магомету	21
Кызъ-кулле—Дѣвичья башня	24
Разбойничья пещера	27
Грибы отца Самсонія	30
Поясненія къ легендамъ	33

Легенды были напечатаны въ газетѣ Утро Россіи за 1912-й и 1913-й годы.

Факсимильное издание
Симферополь, «Таврида», 1990

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

ЛЕГЕНДЫ
КРЫМА.

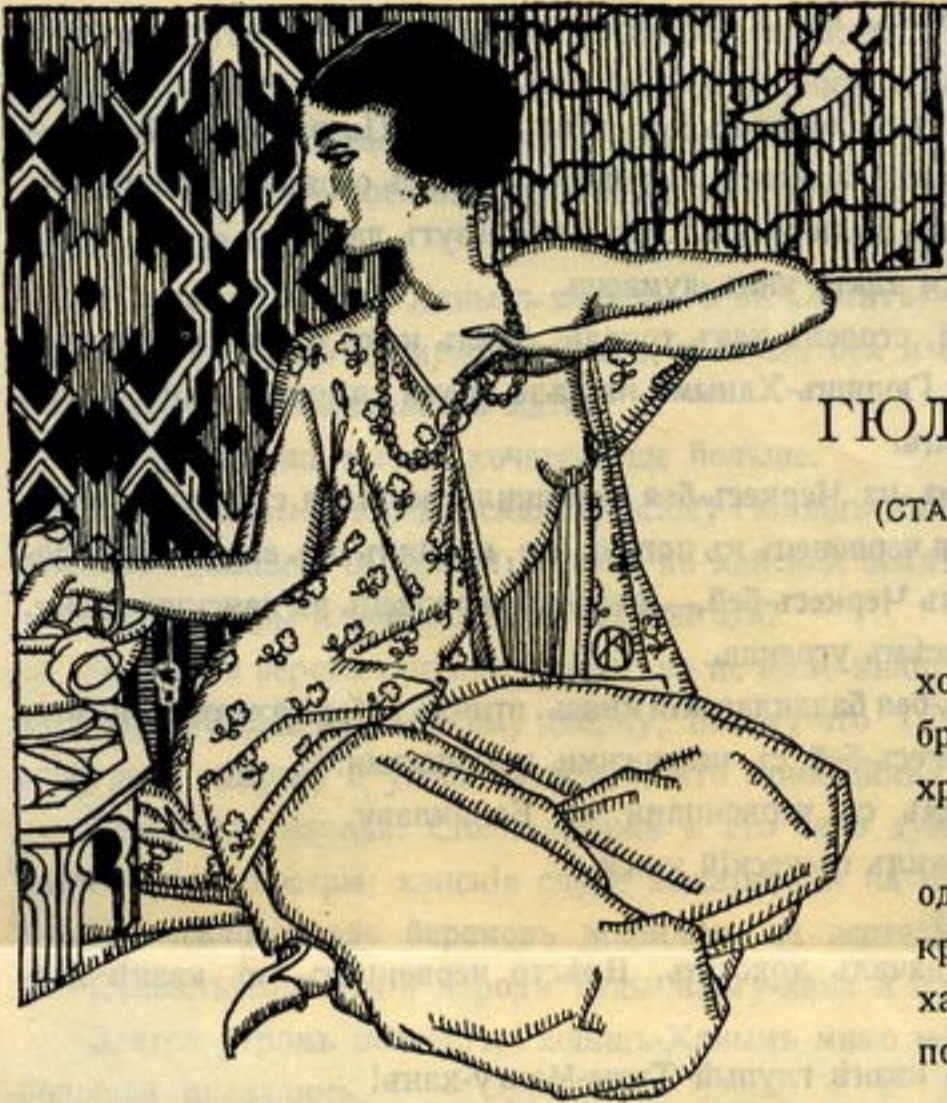
МОСКВА—1915.

Н. Маркс, К. Арцурова.

Маркс, инициатору предпринятого труда.

Второй выпускъ Легендъ Крыма посвящаемъ Аделаиде Валерьевнѣ

Текстъ Н. Маркса, рисунки К. Арцурова.

ГЮЛЯШЪ-ХАНЫМЪ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Туды-Мангу-ханъ былъ похожъ на быка съ вывороченнымъ брюхомъ; къ тому же онъ былъ хромъ и кривилъ на одинъ глазъ.

И всѣ дѣти вышли въ отца; одна Гюляшъ-Ханымъ росла красавицей. Но Туды-Мангу-ханъ говорилъ, что она одна похожа на него.

Самые умные люди часто заблуждаются.

Въ Солгатскомъ дворцѣ хана жило триста женъ, но мать Гюляшъ-Ханымъ занимала цѣлую половину, потому что Туды-Мангу-ханъ любилъ и боялся ее.

Когда она была зла—запиралась у себя, тогда боялся ея ханъ и ждалъ, когда позоветъ.

Зналь, каковъ бываетъ нравъ у женщины, когда войдешь къ ней не во-время.

А въ народѣ говорили, будто ханша запирается неспроста. Обернувшись птицей, улетаетъ изъ Солгатскаго дворца въ Арпатскій лѣсъ, гдѣ кочуетъ цыганскій таборъ Ибрагима.

Попытался было сказать объ этомъ Туды-Мангу-хану главный евнухъ, но побѣлѣло отъ гнѣва ханское око и длинный чубукъ раскололся о макушку старика.

Помнилъ хорошо ханъ, что вмѣстѣ съ Гюляшъ-Ханымъ пришла къ нему удача,—такъ наворожила ея мать. И любилъ ханъ цыганку-жену, потому что первымъ красавцемъ называла его, когда хотѣла угодить.

Улыбался тогда Туды-Мангу-ханъ, и лицо его казалось чубурекомъ, который сочнѣлъ въ курдючномъ салѣ.

И всегда, когда ханъ шелъ на Оръ, онъ бралъ съ собой Гюляшъ-Ханымъ на счастье, чтобы досталось побольше добычи и была она поцѣннѣе.

Одинъ разъ добылъ столько, что понадобилось сто арбъ.

Была удача большая, потому что Гюляшъ-Ханымъ не оставляла хана, даже когда онъ скакалъ на конѣ.

Но арбы шли медленно, а хану хотѣлось поскорѣй домой. Позвалъ онъ Черкесь-бея и поручилъ ему казну и Гюляшъ-Ханымъ, а самъ ускакалъ съ отрядомъ въ Солгаты.

Веселье было ханъ, довольны были жены. Скоро привезутъ дары.

Только не всегда случается такъ, какъ думаешь.

Красивъ былъ Черкесь-бей, строенъ какъ тополь, смѣлъ какъ барсъ, въ глазахъ купалась сама сладость. А для Гюляшъ-Ханымъ настало время слышать, какъ бьется сердце, когда близко красавецъ.

Взглянула Гюляшъ-Ханымъ на Черкесь-бея и рѣшила остаться съ нимъ,—обратилась въ червонецъ. Покатился червонецъ къ ногамъ бея, поднялъ онъ его, но не положилъ его къ себѣ,—былъ честенъ Черкесь-бей,—и заперъ червонецъ въ ханскую казну.

Честнымъ поступкомъ не всѣмъ угодишь.

А ночью напалъ на Черкесь-бея балаклавскій князь, отнял арбы, захватилъ казну.

Еле успѣлъ спастись Черкесь-бей съ немногими всадниками.

И повезли Гюляшъ-Ханымъ съ червонцами въ Балаклаву.

Въ верхней башнѣ замка жилъ греческій князь.

Къ нему и принесли казну.

Открылъ князь казну и началъ хохотать. Въмѣсто червонцевъ—въ казнѣ звенѣлъ рой золотыхъ пчелъ.

— Нашелъ, что возить въ казнѣ глупый Туды-Мангу-ханъ!

Вылетѣлъ рой, поднялся къ верхнему окну; но одна пчела закружилась около князя и ужалила его прямо въ губы.

Поцѣлуй красавицы не всегда проходитъ даромъ.

Отмахнулся князь и задѣлъ крыло пчелы. Упала пчела на полъ, а кругомъ ея посыпались червонцами всѣ остальные.

Поднялъ отъ удивленія высокую бровь балаклавскій князь и ахнулъ: вмѣсто пчелы у ногъ его сидѣла, улыбаясь, ханская дочь; заглядѣлась на него.

Былъ красивъ Черкесь-бей, а этотъ еще лучше. Свѣтилось на лицѣ его благородство и въ глазахъ горѣла страсть.

Околдовало его волшебство женской красоты и оттолкнулъ юноша ногой груды золота.

Когда молодъ человѣкъ, глаза лучше смотрять, чѣмъ думаетъ голова.

Схватилъ ханшу на руки и унесъ къ себѣ.

Три дня напрасно стучали къ нему старѣйшины, напрасно предупреждали, что выступило изъ Солгата ханское войско.

Напитокъ любви самый пьяный изъ всѣхъ; дурѣетъ отъ него человѣкъ.

А на четвертый день улетѣла Гюляшъ-Ханымъ изъ башни. Обернулась птицей и улетѣла къ своимъ, узнала, что приближается къ Балаклавѣ Черкесь-бей.

Скакалъ на бѣломъ конѣ Черкесь-бей впереди своихъ всадниковъ и, услышавъ въ сторонѣ женскій стонъ, сдержалъ коня.

Въ кустахъ лежала Гюляшъ-Ханымъ, плакала и жаловалась, что обидѣлъ ее балаклавскій князь, надругался надъ ней и бросилъ на дорогѣ.

— Никто не возьметъ теперь замужъ.

— Я возьму,—воскликнулъ Черкесь-бей,—а за твою печаль заплатитъ головой балаклавскій князь.

И думала Гюляшъ-Ханымъ по дорогѣ въ Солгатъ—кто лучше, одинъ или другой, и хорошо бы взять въ мужья обоихъ, и князя бея и еще цыгана Ибрагима, о которомъ хорошо рассказываетъ мать.

Когда имѣешь много, хочется еще больше.

А балаклавскій князь искалъ повсюду Гюляшъ-Ханымъ и, когда не нашель у себя, пошелъ, одѣвшись цыганкой, искать въ ханской землѣ.

Черезъ горы и долины шель до Солгата.

На много верстъ тянулся городъ, но не было никого на улицахъ. Весь народъ пошелъ на площадь къ ханскому дворцу, потому что Туды-Мангу-ханъ выдавалъ младшую дочь замужъ и угощалъ всѣхъ, кто приходилъ.

Радовался народъ. Сто чалгиджи и сто одно думбало услаждали слухъ, по горамъ горѣли костры; ханскіе слуги выкатывали на площадь бочки съ бузой и бет-месомъ; цѣлое стадо барановъ жарилось на вертелѣ.

Славилъ солгатскій народъ Туды-Мангу-хана и его зятя Черкесь-бея.

Завтра утромъ повезутъ Гюляшъ-Ханымъ мимо мечети султана Бибарса; будетъ большой праздникъ.

Думала объ этомъ Гюляшъ-Ханымъ, и что-то взгрустнулось ей. Подошла къ рѣшетчатому окошку въ глухой переулочъ и вспомнила балаклавскаго князя.

— Хоть бы пришелъ.

И услышала съ улицы, снизу, старушечій голосъ.

— Хочешь погадаю; вели впустить.

Велѣла Гюляшъ-Ханымъ впустить ворожею и заперлась съ нею вдвоемъ.

— Гадай мнѣ счастье.

Посмотрѣла Гюляшъ-Ханымъ на цыганку. Горѣли глаза безумнымъ огнемъ, шептали уста дикія слова. Отшатнулась ханша. Упали женскія одежды и къ ней бросился балаклавскій князь.

Бываетъ луна бѣлая, бываетъ желтая.

Посмотрѣли люди на небо, увидѣли сразу три луны: одну бѣлую и двѣ въ крови. Подумали—убили двухъ, третій остался.

Вскрикнула Гюляшъ-Ханымъ. Вбѣжалъ Черкесь-бей. Въ долгомъ поцѣлуѣ слились уста. Мелькнуло лезвіе ятагана, и покатались двѣ головы любившихъ.

Оттолкнулъ Черкесь-бей тѣло Гюляшъ-Ханымъ и женился въ ту же ночь на старшей дочери хана.

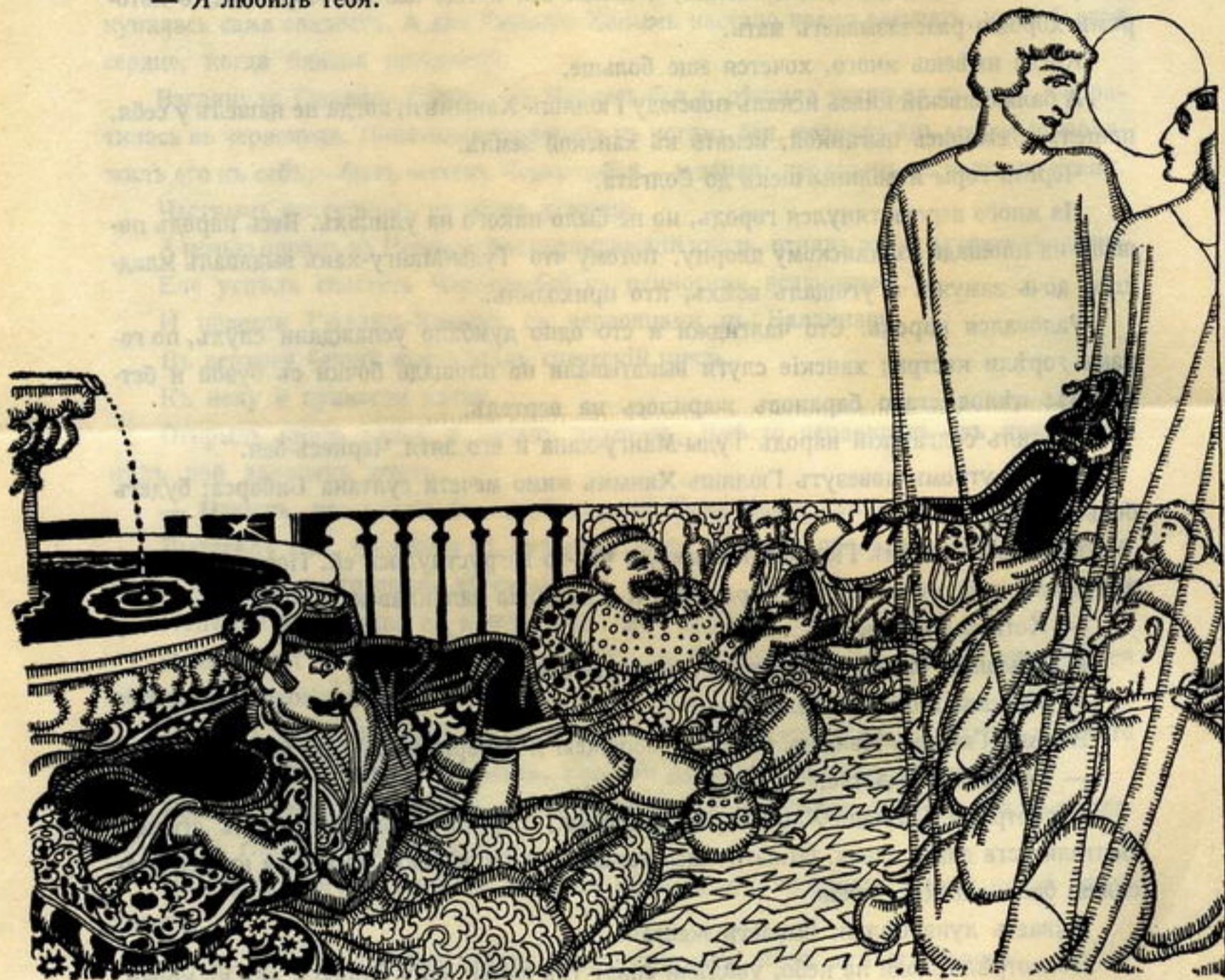
Потому что не долженъ мужикъ жалѣть бабу.

Теперь отъ Солгатскаго дворца остались однѣ развалины. Совсѣмъ забылось имя Гюляшъ-Ханымъ. Но въ осеннюю пору, когда у мѣстныхъ татаръ играютъ свадьбы, въ лунную ночь видятъ, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворецъ хана, встрѣчаются двѣ тѣни. И спрашиваетъ одна:

— Зачѣмъ ты погубилъ меня?

И отвѣчаетъ другая:

— Я любилъ тебя.

ГИБЕЛЬ ГИРЕЯ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Золото и женщина—двѣ гибели, которыя ждутъ
человѣка, когда въ дѣло вмѣшается Шайтанъ.

Если высохла душа, дряблымъ стало тѣло—тогда золото.

Если кипитъ еще кровь и не погасъ огонь во взорѣ—тогда женщина.

Шайтанъ знаетъ, какъ кому угодить, чтобы потомъ лучше посмѣяться.

Казалось, не было на землѣ хана умнѣе солгатскаго; казалось, могущественный Арсланъ-Гирей имѣлъ все, чтобы быть довольнымъ. Сто три жены и двѣсти наложницъ, дворецъ изъ мрамора и порфира, сады и кофейни, безчисленные табуны лошадей и отары овецъ. Чего еще было желать?

Казалось такъ.

Но по ночамъ приходилъ къ Гирею кто-то и тревожилъ его мысль.

— Все есть, только мало золота.

— Откуда взять много золота,—спрашивалъ самъ себя Гирей. И не спалъ до утра.

И вотъ разъ, когда пришли къ нему беки, велѣлъ имъ созвать мудрецовъ со всего ханства.

Не знали беки—для чего, и каждый привелъ своего пріятеля, хотя бы онъ и не былъ мудрецъ.

— Средство хочу,—объявилъ ханъ,—чтобы камень золотомъ становился.

Подумали беки и мудрецы:—Помѣшался ханъ; если бы можно было такъ сдѣлать, давно бы люди сдѣлали.

Однако сказали:—Воля падишаха священна. Дай срокъ.

Черезъ недѣлю попросили:—Если можешь, подожди.

А черезъ двѣ, когда открыли ротъ, чтобы просить новаго срока, ханъ ихъ прогналъ.

Умный былъ ханъ.

— Пойду самъ поискать въ народѣ мудреца,—рѣшилъ онъ.

Беки отговаривали:—Не слѣдуетъ хану ходить въ народъ. Мало ли что можетъ случиться. Можетъ услыхать ханъ такое, чего не должно слышать благородное ухо.

— Все же пойду.

Одѣлся дервишемъ и пошелъ.

Правду сказали беки. Много обиднаго услышалъ Гирей и о себѣ и о бекахъ, пока бродилъ по солгатскимъ базарамъ и кофейнямъ. Говорили и о послѣдней его затѣѣ:

— Помѣшался ханъ, изъ камня золото захотѣлъ сдѣлать. А иные добавляли:—Позвалъ бы нашего Кямилъ—джинджи, можетъ быть, что и вышло.

— А гдѣ живетъ Кямилъ—джинджи?

И ханъ пошелъ къ колдуну; рассказалъ ему, чего хочетъ.

Долго молчалъ джинджи.

— Ну, что же?

— Трудно будетъ... Если все сдѣлаешь, какъ скажу, можетъ, что и выйдетъ.

— Сдѣлаю.

И ханъ поклялся великою клятвою:—Да ослабѣютъ всѣ три печени, если не сдѣлаю такъ.

И повторилъ:—Учь талакъ бошъ олсунъ.

Тогда сѣли въ арбу и поѣхали. Восемь дней ѣхали. На девятый подъѣхали къ Керченской горѣ.

— Теперь пойдѣмъ.

Шли въ гору, пока не стала расти тѣнь. А когда остановились, джинджи началъ читать заклинаніе.

На девятомъ словѣ открылся камень и покатился въ глубину, а за нимъ двѣ змѣи, шипя, ушли въ подземный ходъ. Свѣтилась чешуя змѣй луннымъ свѣтомъ, и увидѣлъ ханъ по стѣнамъ подземелья нагихъ людей, пляшущихъ козлиный танецъ.

— Теперь уже близко. Повторяй за мной: Хель-хала-халь.

И какъ только ханъ повторилъ эти слова, упали впереди желѣзные ворота, и ханъ вошелъ въ другой мѣръ.

Раздвинулись стѣны подземелья, брилліантами заискрились серебряные потолки.

Стоялъ ханъ на грудѣ червонцевъ и цѣлыя тучи ихъ неслись мимо него.

Поднялся изъ земли золотой камень; кругомъ зажглись рубиновые огни и среди нихъ ханъ увидѣлъ дѣвушку, которая лежала на листѣ лотоса.

Завыла черная собака; вздрогнулъ джинджи.

— Не смотри на нее.

Но ханъ смотрѣлъ, зачарованный. Потускнѣли для него брилліанты; грубой мѣдью казалось золото, ничтожными всѣ сокровища міра.

Не слышалъ Гирей ея голоса, но все въ душѣ у него пѣло, пѣло пѣснь нѣжную, какъ аромать цвѣтущаго винограда.

— Скорѣй возьми у ногъ ея вѣтку,—бросился къ нему джинджи,—и все богатства міра въ твоихъ рукахъ.

Поднялась съ ложа царица.

— Арсланъ-Гирей не омрачитъ своей памяти, похитивъ у дѣвушки ея чары. Онъ былъ храбръ, чтобы притти и, придя, онъ полюбилъ меня. И онъ останется со мной.

Потянулись уста царицы навстрѣчу хану, заколебался воздухъ. Полетѣли золотыя искры, вынесли джинджи изъ нѣдръ Керченской горы и перебросили его на солгатскій базаръ.

Окружили его люди.

— Слышалъ? Пропалъ нашъ ханъ,—говорили ему.—Жаль Арсланъ-Гирея.

Но джинджи тихо покачалъ головою.

— Не жалѣйте Гирея,—онъ нашель больше, чѣмъ искаль.

МЮСКЪ-ДЖАМИ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Когда пройдет дождь, старо-крымскіе татары идутъ къ развалинамъ Мюскъ-джами, чтобы вдохнуть аромать мускуса и потолковать о прошломъ. Вспомнить Юсуфа, который построилъ мечеть.

Когда жилъ Юсуфъ? Кто знаетъ когда. Можетъ быть еще когда Эски-Крымъ назывался Солгатомъ.

Тогда по городу всюду били фонтаны, по улицамъ двигались длинные караваны, и сто гостиниць открывали ворота проѣзжимъ. Тогда богатые важно ходили по базару, а бѣдные низко имъ кланялись и съ благодарностию ловили брошенную монету.

— Алла-разы-олсунъ, ага.

Но былъ одинъ, который не наклонялся поднять брошеннаго и гордо держалъ голову, хотя и былъ носильщикомъ тяжестей.

Мозоли на рукахъ не грязнятъ души.

Да будетъ благословенно имя Аллаха!

Носильщикъ Юсуфъ не боялся говорить правду, богатымъ и бѣднымъ все равно. Ибо время—рѣшето, черезъ него пройдетъ и бѣдность и богатство.

— Богатые, говорилъ Юсуфъ, у васъ дворцы и золото, товары и стада, но свѣсть укралъ кто-то. Нѣтъ сердца для бѣдныхъ; разрушается мечеть, скоро рухнетъ сводъ. Отдайте часть.

— Пэкъ-эй, такъ, такъ, думали про себя бѣдняки, но богатые сердились.

— Ты кто, чтобы учить? Посмотрѣли бы, если бы былъ богатъ.

Покатилась слеза изъ глазъ Юсуфа, и взглянулъ онъ на небо. Плылъ по небу Божій ангель.

И сказала Юсуфу ангелу:

— Хочу имѣть много золота, чтобы построить новую мечеть; и чтобы помочь тому, кто въ нуждѣ, хочу быть богаче всѣхъ.

Унесъ ангель мысль сердца Юсуфа выше звѣздъ, выше свѣта; унесъ. А люди, злые люди хотѣли бросить его въ пропасть въ Аргамышскомъ лѣсу. Много костей человѣческихъ тамъ на днѣ, если только есть дно.

И поспѣшилъ уйти отъ нихъ Юсуфъ на площадь. На площади остановился караванъ, потому что умеръ внезапно погонщикъ верблюда, и нужно было замѣнить его.

— Можетъ быть ты сможешь погонять верблюда,—спросилъ хозяинъ каравана.

— Можетъ быть смогу,—отвѣтилъ Юсуфъ и нанялся погонщикомъ.

И ушелъ съ караваномъ за Индолъ, на Индъ.

Кто не слыхалъ объ этой странѣ!

Въ камняхъ тамъ родится лучистый алмазь; на днѣ моря живетъ драгоцѣнный жемчугъ; изъ снѣжныхъ горъ везутъ ткань легче паутины, и корни травъ пьютъ изъ земли аромать и отраву.

Много лѣтъ провелъ Юсуфъ въ этой странѣ; спускался съ горъ въ долины и поднимался опять въ горы.

Благословилъ ангель пути его, росло богатство хозяина, но Юсуфъ оставался бѣднякомъ.

Когда къ рукѣ не липнетъ грязь, не прилипаетъ и золото. Удивлялся хозяинъ:—Гдѣ найти такого?

Одинъ разъ привезъ Юсуфъ хозяину мѣшокъ алмазовъ, какихъ никогда не видалъ хозяинъ. И не взялъ себѣ ни одного.

Подумалъ тогда хозяинъ о своемъ сынѣ, отъ котораго зналъ только обманъ, и сказалъ близкимъ:

— Вы слышите, если умру, Юсуфу, а не сыну—мое богатство.

И вскорѣ умеръ.

Такъ бываетъ. Сегодня живъ, а завтра умеръ; вчера не было, сегодня пришло.

И сталъ Юсуфъ богаче всѣхъ купцовъ своего города.

Была пятница, когда его караванъ приблизился къ Солгату. Тысяча верблюдовъ шли одинъ за другимъ.

И никто не подумалъ, что это караванъ Юсуфа.

Не узнали его, когда подошелъ къ мечети.

Не догадались, когда сказалъ:

— Вотъ упалъ сводъ.

Молчали.

— Иногда молчишь, когда думаешь, когда стыдно станеть—тоже молчишь.

Такъ подумалъ Юсуфъ и сказалъ:

— Не отдадимъ ли части богатства?

Закричали солгатскіе беки:

— Если имѣешь, отдай!

Усмѣхнулся Юсуфъ.

— Юсуфъ обѣщаль сдѣлать такъ.

Тогда подумали,—не онъ ли Юсуфъ.

— Бываютъ чудеса.

А на другой день сотни рабочихъ пришли на площадь, гдѣ была мечеть, чтобы сломать старыя стѣны.

— Прислалъ Юсуфъ-ага.

И, по слову Юсуфа, стали подвозить со всѣхъ сторонъ молочный камень, слоновую кость, золотую черепицу.

— Такой мечети не было въ Крыму, говорили въ народѣ и называли Юсуфа отцомъ праведныхъ, узнавъ что, по заказу его, пришелъ въ Кафу корабль съ мускусомъ, и приказалъ онъ бросать ароматный порошокъ въ кладку стѣнъ новой мечети.

— Чтобы, когда пройдетъ дождь, съ паромъ отъ земли поднималось къ небу и благовоніе отъ подножья Мюскъ-джами.

Прошло двѣ зимы, и къ празднику жертвъ была готова мечеть.

Къ небу шли бѣлыя башни минаретовъ, сверкали золотомъ скаты крышъ, порфиновые пояса бѣжали по сводамъ.

— Абдуль-гази Юсуфъ, Юсуфъ отецъ праведныхъ, иди принести первую жертву! Заклалъ Юсуфъ жертвеннаго барана и отдалъ бѣднѣйшему носильщику.

— Такимъ былъ Юсуфъ, когда просилъ ангела о богатствѣ, чтобы построить мечеть. И взглянулъ Юсуфъ на небо. Плыло свѣтлое облако и, остановившись надъ мечетью, осыпало землю бриллиантовымъ дождемъ.

Тогда благовоніе мускуса поднялось отъ подножья мечети.

И упалъ народъ передъ Юсуфомъ на колѣни.

— Юсуфъ, ты достоинъ быть повелителемъ Солгата.

Но Юсуфъ покачалъ головой.

— Власть—пропасть между людей.

И остался навсегда съ бѣдными, потому что, раздавъ все, сталъ самъ опять бѣднякомъ.

Но народъ забылъ хановъ и бековъ, и не забылъ Юсуфа.

И когда, послѣ дождя, старо-крымскіе татары собираются къ развалинамъ Мюскъ-джами, чтобы вдохнуть въ себя ароматъ мускуса, всегда вспоминаютъ праведнаго Юсуфа.

СУЛТАНЪ-САЛЭ.

(ДЖАНКОЙСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

И сто лѣтъ назадъ развалины Султанъ-Салэ стояли такими же, какъ теперь. Бури и грозы не разрушили ихъ.

Видно, хорошіе мастера строили мечеть Султана-Салэ и зоркій глазъ наблюдалъ за ними.

А былъ Салэ раньше простымъ пастухомъ, и хата его была послѣдней въ Джанъ-коѣ.

Какой почетъ бѣдняку! И не смѣлъ онъ переступить богатаго порога.

Но разъ, выгоняя коровъ на пастьбу, Салэ зашелъ на ханскій дворъ и увидѣлъ дочь бека.

Есть цвѣты, красота которыхъ удивляетъ, иные плоды заставляютъ забыть всякую горечь. Но у цвѣтовъ и плодовъ нѣтъ черныхъ глазъ, которые загораются любя; нѣтъ улыбки, что гонитъ горе, и въ движеніи нѣтъ ласки, отражающей рай пророка.

Салэ понялъ это, когда поднималась по лѣстницѣ Ресамханъ.

Съ тѣхъ поръ пересталъ ѣсть и пить бѣдный пастухъ, а старуха мать потеряла покой.

— Что случилось, спрашивала она сына, и молчалъ Салэ.

Но внезапно умерла Ресамханъ отъ рыбьей кости, и когда узналъ объ этомъ Салэ, не стало въ лицѣ его кровинки. Тогда открылось все матери, и поняла она, отчего обезумѣлъ сынъ, ея бѣдный Салэ, который ночью принесъ тѣло дѣвушки, вырытое изъ могилы.

Жемчугъ бываетъ разный. Жемчугъ слезъ, которыя родились въ любви, самый чистый изъ всѣхъ.

Плакалъ Салэ, обнимая тѣло, и отъ дыханія ли любви, отъ горячихъ слезъ его—стало теплымъ тѣло.

Бросился Салэ къ матери. И въ простотѣ сердца сказала мать, что не умирала Ресамханъ и, устранивъ кость, оживила дѣвушку.

Но какъ только Ресамханъ открыла глаза, поспѣшилъ Салэ укрыться отъ ея взора, ибо самый малый камешекъ можетъ смутить чистоту водъ хрустальнаго ручья.

Тронула сердце дѣвушки такая любовь, а великій Аллахъ далъ ей не одну красоту. Долго помнилъ потомъ народъ въ Джанъ-коѣ мудрость Ресамханъ.

И поняла она, что есть и чего нѣтъ въ пастухѣ.

— Пусть поидеть, сказала она старухѣ, въ Кефедѣ, на пристань; тамъ сидитъ Ахметъ-ахай; онъ дастъ Салэ на копѣйку мудрости, на копѣйку другой.

Проникъ въ душу пастуха Ахметъ-ахай своимъ взоромъ, когда пришелъ Салэ къ нему на пристань и далъ совѣтъ.

Одинъ:—Помни, не то красиво, что красиво, а то красиво, что сердцу мило.

И другой:—Цѣни время, не спрашивай того, что тебя не касается.

Улыбнулась Ресамханъ, когда мать пастуха рассказала о совѣтѣ Ахметъ-ахая.

— Пусть такъ и дѣлаетъ. И я скажу. Въ Кефедѣ стоятъ корабли. Хорошо будетъ, если возьмутъ Салэ на большой корабль. Въ чужихъ краяхъ онъ узнаетъ больше, чѣмъ знаютъ наши, и тогда первый бекъ не постѣснится принять его въ домъ.

Вздохнулъ Салэ, просилъ мать укрыть Ресамханъ, пока не вернется, и, нанявшись на корабль, отправился въ дальнія страны, и не вернулся назадъ, пока не узналъ моря, какъ зналъ раньше степь.

Въ степи—ширь и въ морѣ—ширь, но не знаетъ степь бурной волны, и тишь степная не страшитъ странника.

Когда корабль Салэ былъ у трапезундскихъ береговъ, повисли на немъ паруса, и много дней оставался онъ на мѣстѣ.

Тогда послали Салэ и другихъ на берегъ найти воду.

У черной скалы былъ колодезь, и корабельные поспѣшили спустить въ него свои ведра, но не вынули ихъ, потому что кто-то отрѣзалъ веревку.

— Нужно посмотрѣть—кто, сказалъ Салэ. Однако изъ страха никто не полѣзъ.

— Не полѣзу—все равно пропаду,—подумалъ Салэ и спустился къ водѣ.

У воды, въ пещерѣ, сидѣлъ старикъ, втрое меньше своей бороды; передъ нимъ красавица арабка кормила собаку, а вокругъ стояло тридцать три кола и на всѣхъ, кромѣ одного, торчали человѣческія головы.

— Собаныхъ-хайръ-олсунъ, привѣтствовалъ Салэ старика. И на вопросъ—какъ сюда попалъ, присѣвъ на корточки, рассказалъ, какъ случилось.

Усмѣхнулся старикъ.

— Если у тебя есть глаза, ты долженъ видѣть, куда попалъ. Какъ же ты не удивился и не спросилъ, что все это значитъ.

— Есть мудрый совѣтъ, отвѣчалъ Салэ, не спрашивай того, что тебя не касается.

Шесть разъ икнулъ волшебникъ, и встала торчкомъ его борода.

— Вижу, ты большой мудрецъ. Скажи тогда—что красивѣе; арабка или собака. Не задумался Салэ.

— Не то красиво, что красиво, а то красиво, что сердцу мило.

Плюнулъ въ ладонь старикъ и, замахнувшись ятаганомъ, снесъ головы арабкѣ и собакѣ.

— Когда разъ ночью пришелъ къ женѣ, я нашель чужого, и, по моему слову, женщина стала собакой, а мужчина женщиной. Ты видѣлъ ихъ. Потомъ приходили люди, не отвѣтили какъ ты. Зато бараньи головы ихъ на колу, а твоя останется на плечахъ.

И старикъ наградилъ Салэ. Кромѣ воды, вынесъ Салэ изъ-подъ земли ведро разныхъ камней.

Не бросилъ ихъ назадъ въ колодець, какъ совѣтовали корабельные, а послалъ съ первымъ случаемъ къ матери въ Джань-кой.

Пожалѣла мать, что камни, а не деньги, подумала—потерялъ Салэ разумъ, но Ресамханъ сказала старухѣ, чтобы позвала богатаго караима, и караимъ отдалъ за камни много золота, столько золота, сколько не думала старуха, чтобы было на свѣтъ.

А черезъ годъ возвращался Салэ домой и на пути въ Джань-кой встрѣтилъ табуны лошадей, и атары овецъ, и стада скота, и когда спрашивалъ—чьи они, ему отвѣчали:

— Аги Салэ.

— Вѣрно новый богачъ въ Джань-коѣ, думалъ Салэ и не подумалъ о себѣ.

Много лѣтъ не былъ Салэ въ Джань-коѣ и не узналъ деревни; и упало у него сердце, когда не увидѣлъ своей хаты, а неподалеку отъ мѣста, гдѣ она была, стоялъ на пригоркѣ большой домъ, должно быть тоже Аги-Салэ.

Когда пѣтухъ пьетъ воду, онъ за каждый глотокъ благодаритъ Аллаха. Такимъ былъ Салэ съ тѣхъ поръ, какъ ожила Ресамханъ. Теперь поникъ онъ головою и въ печали сѣлъ у ограды новаго дома.

Но когда ждешь кого—зорко видитъ глазъ, и увидѣла Ресамханъ Салэ у ограды и послала старуху мать позвать Салэ въ его новый домъ.

Если падаешь духомъ, вспомни о Салэ и улыбнись его счастьемъ. Можетъ быть и къ тебѣ придетъ оно.

Первымъ богачомъ сталъ Салэ на деревнѣ, первымъ щеголемъ ходилъ по улицѣ, а когда садился на сѣраго коня, выходили люди изъ домовъ посмотрѣть на красавца-джигита.

Увидѣлъ его старый бекъ изъ башни ханскаго дворца, послалъ звать къ себѣ, три раза звалъ, прежде чѣмъ пришелъ къ нему Салэ, а когда пришелъ, позвалъ бека къ себѣ въ гости.

Угощаль Салэ старика и не зналь старикъ, что подумать. Никто, кромѣ Ресамханъ, не умѣль такъ приготовить камбалу, поджарить каурму.

— Если бы Ресамханъ была жива, отдалъ бы ее за тебя.

И тогда открыль Салэ беку свою тайну, и сорокъ дней и ночей пироваль народъ на свадьбѣ Аги Салэ.

Черезъ годъ родился у бека внукъ и стали называть его Султаномъ-Салэ.

А когда Султанъ-Салэ сталъ старымъ и не было уже въ живыхъ его отца, построиль онъ, въ его память, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде хата, такую мечеть, какой не было въ окрестности.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ; не только люди—перемѣнились камни; въ Джанъкоѣ не стало татаръ и давно уже живутъ греки, а стѣны мечети Султанъ-Салэ стоятъ, какъ стояли, гордя своими арками и поясами.

Видно, хорошіе мастера строили ихъ и зоркій глазъ наблюдалъ за ними.

КЕМАЛЬ-БАБАЙ— ДЪДУШКА КЕМАЛЬ.

(КАРАДАГСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Не искалъ почета, не искалъ золота; искалъ правду. Когда увидѣлъ—ушла правда, тогда умеръ Кемаль-бабай. Сколько лѣтъ было Кемаль-бабаю, не знали. Думали—сто, можетъ быть, двѣсти.

Онъ жилъ такъ долго, что вся деревня стала родней; онъ жилъ такъ много, что дряхлое ухо не различало шума жизни, а глазъ пересталъ слѣдить за ея суетой.

Иногда о немъ забывали, и только, когда весеннее солнце заливало золотомъ лучей вершины Карадага, вспоминали, что онъ живъ.

— Опять идетъ на гору.

Кемаль-бабай шель, чтобы омыть лицо весенней струей изъ родника.

Навстрѣчу неслись гимны аромата цвѣтовъ; легкій бризь игралъ, лаская землю; радость бытія наполняла существо.

Кемаль-бабай прислушивался къ доходящимъ ощущеніямъ и въ нихъ искалъ себя.

Старый, дряхлый Кемаль-бабай, ноги котораго еле двигаются и руки съ трудомъ поднимаются для молитвы, ты ли тотъ самый Кемаль, который въ бурную ночь плылъ между скалъ къ кораблю, чтобы предупредить объ опасности. Смѣлый Кемаль, не боявшійся самымъ сильнымъ и богатымъ говорить въ лицо слово правды; Кемаль, котораго изгнали изъ девяти странъ, ибо, кто говоритъ правду, того изгоняютъ изъ девяти государствъ, какъ потомъ сталъ говорить народъ.

Катилась жизнь твоя, Кемаль, какъ бурная рѣка, пока не нашель пріюта въ бѣдной деревушкѣ.

Кто знаетъ коранъ лучше муллы, кто понимаетъ арабскую книгу, кто побывалъ въ Меккѣ и Стамбулѣ—тотъ мудрый человѣкъ. А мудраго человѣка не тронуть въ деревнѣ.

И вотъ долго живетъ Кемаль подъ Карадагомъ, много весень прошло; и каждую весну идетъ на гору, къ ручью, гдѣ дѣлаеть на деревѣ зарубку.

Потомъ сочтеть—сколько лѣтъ ждалъ правду на землѣ. Потому что все ждеть ее чистый духомъ чловѣкъ.

Такъ думалъ Кемаль-бабай, спускаясь въ долину, когда вечерняя синева бѣжала по склонамъ вслѣдъ за уходящимъ свѣтомъ дня.

Такъ шли годы, много уже зарубокъ на дубѣ, до вѣтвей дошли.

И вотъ пришло время зноя, какого не знали раньше. Солнце выжгло траву, иссушило листь; вымерли ручьи: воздухъ жегъ дыханіе.

Молились въ мечети; спрашивали Кемаль-бабая:

— Что будетъ?

— Покажется мѣсяць, пойдетъ дождь, землю зальетъ. Горе будетъ.

Ждали люди. Сверкнулъ серебристый серпъ на безоблачномъ небѣ,—не похоже было на дождь.

— Плохой пророкъ Кемаль-бабай.

Но за ночь набѣжавшія тучи потушили огни звѣздъ, блеснула разгнѣванная молнія, загрохоталъ перекатомъ по горамъ громъ; понеслись по землѣ странные голоса и дикимъ ревомъ загудѣлъ ливень. Не было еще такого.

— Правду сказалъ Кемаль-бабай!

Испугались люди.—Горе будетъ, сказалъ.

И насталь ужась.

Хлынулъ на деревню бѣшенный потокъ съ горъ и унесъ въ море всѣхъ, кто не успѣлъ бѣжать. Обезумѣлъ богатый Велли. Клялся все вернуть, что отнял у сосѣда,—и домъ и садъ, если найдется дочь. Старый Муслядинъ умолялъ помочь ему,—всѣ долги простить. И было чистое сердце у нихъ. И вспоминали имя Аллаха, даже кто никогда не произносилъ его. Ибо было горе кругомъ, и не надѣялись на себя.

Молились въ мечети; ждали, что скажетъ Кемаль-бабай.

Какъ въ арабской книгѣ читалъ Кемаль-бабай въ ихъ сердцахъ; зналъ, что думали и, казалось ему, что стала близка правда.

Вышелъ на крыльцо, посмотрѣлъ туда, гдѣ завернулся въ облако Карадагъ. Чудился ему свѣтъ зеленый, какъ чалма Пророка.

Смотрѣли люди—не видѣли.

Прислушался Кемаль-бабай. Сверху, съ неба ли, съ горъ,—неслись радостные голоса.

Слушали люди—не слышали.

А черезъ день тамъ, куда глядѣлъ Кемаль-бабай, засверкалъ солнечный лучъ.

Прошла бѣда, пришли въ себя люди.

Многихъ не стало. Взяли себѣ сосѣди ихъ землю и благодарили Аллаха, что не ихъ постигла гибель.

Почувствовалъ Кемаль-бабай, что убѣгаетъ правда и началъ корить людей.

Больше всѣхъ обидѣлъ бѣдныхъ кохтебельскій мурзакъ, больше всѣхъ корилъ его; запретилъ деревенскимъ ходить къ нему.

А когда иные пошли тайкомъ,—отвернулся отъ нихъ въ мечети.

— Кто съ ворономъ пируетъ, у того не бываетъ чистаго клюва!

Растерялся мурзакъ, не зналъ, что дѣлать. Досталъ изъ сундука кисеть съ червонцами и понесъ ночью къ Кемаль-бабаю.

— Не срами только.

Швырнулъ червонцы Кемаль-бабай.

— Уходи!

Упалъ мурзакъ передъ старикомъ, сталъ просить.

— Скоро умрешь, на всю деревню сдѣлаю поминки, на могилѣ столбъ съ чалмой поставлю; много денегъ дамъ имамамъ; скажутъ имамы:—Кемаль-бабай былъ святой, Кемаль-бабай—азись. Все сдѣлаю, похвали людямъ меня.

Понялъ Кемаль-бабай слова мурзака, отвернулся отъ него. Закипѣлъ гнѣвомъ мурзакъ, какъ ужаленный бросился на старика и началъ бить его.

— Скажи, что сдѣлаешь, какъ хочу. Или убью тебя.

— Убей, хрипѣлъ Кемаль-бабай, переставая дышать.

Пришли на утро люди и увидѣли, что умираетъ Кемаль-бабай. Ничего не сказалъ, что случилось съ нимъ. Зналъ, что не нужно больше корить мурзака. Зналъ, что ночью занемогъ мурзакъ и больше жить не будетъ.

Спросили люди: не надо ли чего и гдѣ схоронить его.

— Тамъ, гдѣ упадетъ моя палка.

— Вѣроятно бредитъ старикъ, думали.

Но, собравъ послѣднія силы, поднялся Кемаль-бабай, перешагнувъ порогъ бросилъ кверху свою палку, зашатался и испустилъ духъ.

А палка высоко взвилась къ небу и полетѣла на Карадагъ.

Побѣждали за ней и нашли у ручья.

Тамъ и схоронили святого.

И, схоронивъ, сосчитали, сколько было зарубокъ на деревѣ.

— Девяносто девять...

Рѣшили, что было Кемаль-бабаю сто лѣтъ и сдѣлали сотую.

Настало хорошее время. Горы покрылись зеленой травой. Быстро оправились тощія стада. Не возвращались на ночлегъ домой, ночевали въ горахъ, и по ночамъ чабаны видѣли зеленый свѣтъ на могилѣ Кемаль-бабая. Посылалъ мулла провѣрять,—сказали, что правда.

— Уже не въ самомъ ли дѣлѣ азись Кемаль-бабай?

Ждали чудесь.

И случились чудеса.

Изъ Отузь, Козъ и Капсихора привозили больныхъ. Многимъ помогало.

Тогда имамы объявили Кемаль-бабая азисомъ.

И немощные стали приходять со всѣхъ сторонъ Крыма.

Приходят и теперь. Привозят больных из Алушты и Ускюта, из Акмечети и Бахчисарая. Говорят, всё помогает, кто приходит с чистой душой.

Всю жизнь искал правды Кемаль-бабай; кто придет к нему с правдой, тому поможет онъ.

Потому что Кемаль-бабай—азись, святой.

ТИХІЙ ЗВОНЪ.

(ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ ВЪ КАРАДАГЪ.)

Сказаніе о Карадагскомъ монастырѣ, немѣвшемъ по бѣдности колоколовъ, и о звонѣ св. Стефана, который услышали съ моря, когда правитель страны Анастась освободилъ невинно осужденнаго,—живетъ понынѣ среди рыбаковъ.

Отвѣсными спадами и пропастями надвинулся Карадагъ на безпокойное море, хотѣлъ задавить его своею тяжестью и засыпать тысячью подводныхъ камней.

Какъ разъяренная, бросается волна къ подножью горнаго великана, бѣлой пѣной вздымается на прибрежныя скалы и, въ безсиліи проникнуть въ жилище земли, сбѣгаетъ въ морскія пучины.

Дышетъ мощью борьбы суровый Карадагъ, гордой пѣсней отваги шумятъ черныя волны, красота тихой глади рѣдко заглянетъ въ изгибъ береговъ.

Только тамъ, гдѣ зеленымъ откосомъ сползаетъ ущелье къ заливу, чаще вѣетъ миромъ покоя, свѣтлѣй глубина синихъ водъ, манитъ нѣгой и лаской привѣтливый берегъ.

Обвиль виноградъ въ этомъ мѣстѣ сѣрые камни развалинъ древняго храма, желтый шиповникъ смѣшался съ пунцовымъ піономъ и широкой орѣхъ тѣнитъ усталого прохладой въ знойный день.

Въ свѣтлыя ночи встаютъ изъ развалинъ видѣнья давнихъ лѣтъ; церковная пѣснь чудится въ легкомъ движеніи отлива; точно серебрится въ лунныхъ лучахъ исчезнувшій крестъ.

Изъ ущелья, въ бѣлыхъ пятнахъ тумана, выходятъ тѣни людей; въ черныхъ впадинахъ скалъ зажигаетъ свѣтлякъ пасхальныя свѣчи; шелестятъ по листьѣ голоса неясною сказкой.

Міръ таинственныхъ грезъ подходитъ къ міру видѣній, и для чистой души, въ сочетаніяхъ правдивыхъ, исчезаетъ грань мѣсть и время.

Колыхаясь огромный корабль отдѣляется отъ скалъ и идетъ въ зыбь волны. На кормѣ у него, въ ореолѣ лучей, уходящій на мученичeskій подвигъ святитель Стефанъ; отразились лучи по волнѣ серебристымъ отсвѣтомъ.

Оглянулся святитель на землю: затемнилась гора. Черной мантией укрылъ Карадагъ глубины пропастей, черной дымкой задернулись воды залива. Молился Стефанъ. Легкій бризъ доносилъ до земли святыя слова и внимали имъ тѣни у развалины храма.

Изъ толпы отдѣлилась одна; свѣтъ звѣзды побѣжалъ по мечу правителя Оуль Анастаса. Со скалы взбилъ крылами мощный орелъ; содрогнулся рой видѣній.

Изъ пещеры взлетѣла сова. Раздалось погребальное пѣнье оттуда, и плачевной волной понеслось. Догорающій свѣтъ, отголосокъ костра рыбаковъ, по тропинкѣ скользнулъ и на ней промелькнула тѣнь старца.

Плакалъ старецъ,—въ Свѣтлую ночь совершилось въ Оулахъ убійство,—на кровавый искусь осудилъ Анастасъ неповинныхъ.

Оборвались откуда-то камни, долго бѣжали по кручамъ оврага; въ шорохѣ ихъ былъ слышенъ неясственный ропотъ.

Надъ скалой загорѣлась краснымъ свѣтомъ звѣзда, отразилась багрянцемъ въ заливѣ, упала тонкимъ лучомъ на шипъ дикихъ розъ и кровинкой казалась въ піонѣ.

И вздрогнула тѣнь Анастаса, опустила свой мечъ; скатилась съ піона кровинка; взвилась бѣлая чайка съ утеса, понеслась надъ горой: видно откроются двери Оульской тюрьмы.

Зажглась въ небесахъ звѣздная сѣть, бѣлымъ свѣтомъ обвила луна Карадагъ, одѣлась гора въ ризу блеска отъ отсвѣта звѣздъ.

Заискрилось море миллиономъ огней.

По зыби морской, отъ развалинъ стариннаго храма, развернулся коверъ брилліантовъ и надъ нимъ хороводъ свѣтлыхъ душъ, въ прозрачномъ вѣнцѣ облаковъ, пѣлъ пасхальный канонъ:

— Христось анэсти!

На мгновение мелькнулъ въ уходящей дали Стефановъ корабль и оттуда, гдѣ онъ исчезъ, понесся волной тихій пасхальный звонъ.

Радость свѣтлаго дня доносилъ тихій звонъ до земли; перекатами эха были подхвачены въ горахъ Карадага, перекинуты на сѣверъ неясной мечтой; у костра пробудилъ рыбаковъ.

И исчезъ мѣръ видѣній.

„ЧЕРШАМБЕ“

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Бѣдный Сеить-Яя. Я помню его доброе лицо въ глубокихъ морщинахъ, сѣдѣющую бороду, сгорбленный станъ и необыкновенную худобу, и какъ онъ подзывалъ, бывало, меня, когда я проходилъ, мальчикомъ, мимо его сада, чтобы выбрать мнѣ самый крупный бузурганъ или спѣлую сладкую рябину.

— Ничего, кушай.

И начиналъ напѣвать свою грустную пѣсенку—Чершамбе-Чершамбе.

Всѣ знали эту Чершамбе и отчего поетъ ее Сеить-Яя, бѣдный Сеить-Яя, который давно уже не въ своемъ умѣ.

Не помнили, когда пришелъ Сеить-Яя въ деревню. Говорили только, что еще тогда замѣчали за нимъ странное.

Трудно было найти, кто бы лучше его сдѣлалъ прищепъ, положилъ катавлякъ, посадилъ чубуки.

Онъ былъ всегда въ работѣ, рѣдко заходилъ въ кофейню, казался тихимъ, безобиднымъ. Но кто ближе былъ къ нему, хорошо зналъ, какъ умѣетъ Сеить-Яя подмѣтить все смѣшное, и потому многіе не любили его.

Вспоминали, какъ срамилъ онъ почтеннаго Пурамета, который, когда выходилъ изъ дому, всегда трогалъ уголь:—Тронь два раза на всякій случай.

Отворачивался сотскій Аблязь, когда встрѣчалъ Сеить-Яя, потому что, когда умерла его тетка, онъ разсказалъ въ кофейнѣ, какъ выли наканунѣ на верхней деревнѣ собаки. Всѣ знали, что это бываетъ, но Сеить-Яя сказалъ громко:

— Умнаго въ сотскіе выбрали!

У Муртазы пала лошадь. Поздравляли Муртазу. Народъ вѣритъ, что пожалѣлъ Аллахъ человѣка, если вмѣсто него взялъ лошадь. Ворчалъ Сеить-Яя:

— Мало у Аллаха дѣла, чтобъ заниматься вашими дѣлами. Скоро бублики печь вамъ будетъ.

Качалъ головою мулла:

— Плохо Сеить-Яя кончить, не знаетъ языкъ, что болтаетъ.

И назваь его дурнемъ, когда услышалъ, что посмѣялся Сеить-Яя надъ пятницей.

Въ пятницу шли пожилые въ мечеть и позвали съ собою Сеить-Яя. Усмѣхнулся Сеить-Яя.

— Идите, идите, я въ среду приду.

— Плохо его дѣло,—сказали старики,—видно, Аллахъ отнял у него разумъ. Дурень Сеить-Яя.

И стали люди, кто сторониться, кто потѣшаться надъ нимъ и никто не хотѣлъ отдавать свою дочь за него замужъ.

А время пришло Сеить-Яя жениться, и многіе замѣтили, что сталъ тосковать онъ. Замѣтила это и хозяйка, у которой Сеить-Яя служилъ въ работникахъ, и рѣшила посватать одну вдовушку изъ казанскихъ.

Не любятъ наши татары чужихъ. У тѣхъ дѣвушки ходятъ открытыми, не стыдятся разговаривать съ мужчинами, городское платье начинаютъ носить.

Но Сеить-Яя согласился.—Хотя и казанская, а женщина. Большой огурецъ, малый огурецъ—все огурецъ.

— Сватай,—сказалъ онъ хозяйкѣ, и вечеромъ пошелъ къ дому, гдѣ жила вдовушка.

Сидѣла вдовушка на порогѣ и жевала мастику. Посмотрѣлъ на нее изъ-подъ рукава Сеить-Яя.

— Хороша, жаль, что не закрывается. Спокойнѣй было бы.

Постоялъ еще, облокотившись о косякъ.

— Когда будетъ ночь, приходи въ хозяйкинъ садъ.

Присвистнулъ и ушелъ къ себѣ.

Не спалъ въ эту ночь Сеить-Яя, не спала и вдовушка. Ворочалась на войлокѣ, вздыхала; ястыкъ жаркой казалась. И когда смолкли голоса на деревнѣ, накинула платокъ и пошла подъ орѣшину.

Подъ орѣшиной свадьбу можно устроить, не то что маленькой женщинѣ спрятаться; однако скоро нашель ее Сеить-Яя.

— Буду тебя сватать, пойдешь за меня?

Колебалась отвѣтить. Пожалуй, люди засмѣютъ, пошла замужъ за дурня.

Но Сеить-Яя умѣлъ хорошо ласкать; къ тому же принесъ цѣлый платокъ сладкой, съ орѣхомъ, баклавы и не боялся шепнуть на ухо стыдное слово.

И согласилась вдовушка.

— Пойду.

Веселымъ сталъ Сеить-Яя, двойную работу хозяйкѣ дѣлалъ. И думала хозяйка:

— Навѣрно, поладилъ.

А по пятницамъ, когда всѣ татары отдыхали, устраивалъ свое хозяйство; складывалъ соба на дворѣ, чтобы печь хлѣбъ; мастерилъ сарайчикъ для коровы.

— Сѣно гдѣ возьмешь?—спрашивала хозяйка.

— Накошу на Юланчикѣ.

Дивилась хозяйка:

— Да ты въ умѣ ли?

Потому что всѣ знали, какое мѣсто Юланчикъ. Не даромъ люди назвали его Змѣинымъ гнѣздомъ. Въ камышахъ жила змѣя, которая, свернувшись, казалась, копной сѣна, а когда шла полемъ, дѣлала десять колѣнъ и больше. Правда, убили ее янычары. Акмелизскій ханъ выписалъ ихъ изъ Стамбула. Но остались отъ нея дѣтеныши. Потому, что когда принесли въ деревню голову убитой, то она, какъ балахуръ-сипеть, кишѣла змѣенышами. И, когда перепуганные люди разбѣжались въ стороны, полетѣли змѣеныши въ свое гнѣздо и обратились въ джиновъ. Таракташскій джиджи видѣлъ ихъ въ пьяномъ хороводѣ.

И никто не ходилъ на Юланчикъ.

Но Сеить-Яя не боялся.

— Это люди все объ Юланчикѣ выдумали. Никакихъ джиновъ нѣтъ и шайтана нѣтъ, можетъ, ничего нѣтъ.

— Тогда коси себѣ, дурень.

И пошелъ Сеить-Яя на Юланчикъ.

Оттого, что не ходили люди туда, стояла трава по поясъ, а изъ-подъ косы выскакивали зайцы, выпархивали птицы.

— Накошу сѣна, приду охотиться, подумалъ Сеить-Яя. И только подумалъ, какъ увидѣлъ черезъ балку на бугрѣ черную собаку съ хвостомъ вверхъ.

Завыла собака. Передразнилъ ее Сеить-Яя.

— Вой, вой, я тоже умѣю.

И не увидѣлъ ее больше. Но нашла черная туча, закрыла солнце, погнала по землѣ сѣрую тѣнь.

Сеить-Яя рѣшилъ отдохнуть и прилежъ подъ дикой грушей.

— На поль-зимы накосилъ; зайцевъ набью—шубу женѣ сдѣлаю; дичи набью—хозяйкѣ отнесу; хозяйка свадьбу поможетъ справить.

И заснулъ Сеить-Яя, не слышалъ, какъ налетѣлъ изъ Бариколя пыльный вихрь, какъ закрутилъ скошенную траву, какъ завылъ голодною собакой. Показалось только ему, что вдали играетъ музыка.

Открылъ глаза и застылъ отъ ужаса.

Летѣла на него козлиная свадьба. Впереди три горбатыхъ козла, съ человѣчьимъ лицомъ, дудѣли на камышевыхъ дудкахъ; за ними старый козель съ вывернутыми рогами билъ въ думбало коровьей ногой. Цѣлымъ стадомъ скакали черные козлы и среди нихъ на верблюдѣ сидѣла-вертѣлась, съ бубномъ въ рукѣ, его невѣста. Хотѣлъ броситься къ ней Сеить-Яя, но замѣтила она это и скрылась въ горбъ верблюда. И завизжали, запрыгали по всему камышу голые цыплята, и почернѣло отъ нихъ окрестное поле, и понеслась свадьба дальше.

Помутилось въ глазахъ Сеить-Яя. Вспоминалъ онъ потомъ только, что позади всѣхъ бѣжалъ горбатый уродъ, кланялся ему и кричалъ оборачиваясь:

— Чершамбе, чершамбе!..

Прибѣжалъ обезумѣвшій Сеить-Яя въ деревню и не нашель своей невѣсты. Ушла куда-то и больше не возвращалась.

Цѣлыхъ двадцать лѣтъ жилъ послѣ того Сеить-Яя въ хозяйкиномъ саду и только по пятницамъ приходилъ въ деревню спросить, не видѣли ли его невѣсты; подходилъ къ мечети и ждалъ, когда выйдетъ мулла. Въ плохой одежонкѣ, скорбный и исхудалый, Сеить-Яя становился передъ нимъ на колѣни и молилъ:

— Сдѣлай такъ, чтобы пятница средой была, тогда найду невѣсту. Вѣдь горбатый джинъ на свадьбѣ кричалъ: чершамбе, чершамбе.

И, возвращаясь къ вечеру въ свой садъ, грустный и сгорбившійся, Сеить-Яя глухимъ голосомъ напѣвалъ свою печальную пѣсенку:

— Чершамбе, Чершамбе.

КУРБАНЪ-КАЯ— ЖЕРТВЕННАЯ СКАЛА.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

По долинь отовсюду видна эта скала. Она отвернулась от деревни и склонилась къ старокрымскому лѣсу. Точно задумалась.

А если подойти къ ней на восходѣ солнца съ той стороны, станетъ видно, какъ на скалу взбирается огромный человекъ, одной рукой ухватился за ея вершину, а другой упирается въ расщелину, и весь прижался къ сѣрому камню, чтобы не свалиться въ пропасть.

Говорять,—то окаменѣлый пастухъ, чабанъ.

Такъ говорятъ, а правда ли, нѣтъ,—кто знаетъ.

Когда наступаетъ праздникъ жертвъ, Курбанъ-байрамъ, наши старики смотрять на Курбанъ-каю и вспоминають о чабанѣ.

Чабановъ прежде много было; каждый зажиточный татаринъ имѣлъ свою атару. Только лучше Муслядиновой не было въ долинь, потому что чабаномъ у Муслядина былъ Усеинъ, а такого чабана не знали другого. Зналъ чабанъ Усеинъ каждую тропинку въ горахъ, каждую прогалину въ лѣсу, каждый ключъ въ лощинѣ.

И Муслядинъ былъ такъ доволенъ имъ, что обѣщаль ему свою дочь.

Но Эмнэ была одна у Муслядина, а, когда имѣешь одну дочь, чего не сдѣлаешь для нея.

Въ сердцѣ же Эмнэ жилъ давно другой, молодой Рефеджанъ, Арыкъ-Рефеджанъ, какъ звали его въ деревнѣ за тонкій станъ.

Узнавъ объ этомъ чабанъ Усеинъ, озлобился на Рефеджана, а черезъ недѣлю такъ случилось, что упаль Рефеджанъ со скалы и убился на мѣстѣ.

Насталъ Курбанъ-байрамъ, принесъ чабанъ Усеинъ хозяину жертвеннаго барана и, когда сказали ему, что убится Рефеджанъ, усмѣхнулся только.

— Каждому своя судьба.

И когда зарѣзалъ курбана, омыль въ его крови руки, усмѣхнулся еще разъ.

— Отъ отцовъ дошло: кто самъ упадетъ, тотъ не плачетъ.

Понравилось мудрое слово Муслядину и подмигнулъ онъ чабану, когда проходила по двору Эмнэ.

Тогда послалъ чабанъ старуху, которая жила въ домѣ, поговорить съ Эмнэ.

— Хочеть, чтобы ты полѣзь на ту скалу, гдѣ убится Рефеджанъ. Взлѣзешь,— пойдеть за тебя, сказала старуха.

Почесалъ голову Муслядинъ.

— Никто туда не могъ взлѣзть.

— А я взлѣзу.

— Хвастаешь.

Обидѣлся чабанъ Усеинъ и поклялся:

— Если не взлѣзу, пусть самъ стану скалой.

И видѣла Эмнэ, какъ на закатѣ солнца сталъ взбираться чабанъ по скалѣ, какъ долѣзь почти до самой вершины и какъ вдругъ оборвался отъ нея огромный камень и въ пыльной тучѣ покотился внизъ.

Пошли люди туда, думали разбился чабанъ, но не нашли его, а когда на восходѣ солнца пришли снова, то увидѣли чабана, обратившагося въ огромный камень.

Говорять, когда долѣзь чабанъ до вершины скалы, то увидѣлъ тѣнь Рефеджана и окаменѣлъ отъ страха.

И сказали наши татары, что на Курбанъ-байрамъ принесъ чабанъ самъ себя въ жертву Аллаху, и назвали скалу—Жертвенной скалой, Курбанъ-кая.

Такъ говорятъ, а правда ли, нѣтъ,—кто знаетъ!

АНТАРАМЪ.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Когда Седракъ-начальникъ, Седракъ-Бахръ-башъ, рѣшилъ жениться, всѣ говорили: не будетъ толку. Человѣку за шестьдесятъ, а невѣста не поднимала еще глазъ на мужчину. И жалѣли Антарамъ.

Но Седракъ-начальникъ нашель горный цвѣтокъ, лучше котораго не видѣлъ, и не хотѣлъ, чтобы онъ достался другому.

А что рѣшалъ Седракъ-начальникъ, отъ того никогда не отступалъ.

И Седракъ-начальникъ женился на Антарамъ.

Чалкинцы поздравляли:

— Послалъ Богъ счастье.

Но между собой говорили:

— Запретъ старикъ бѣдную Антарамъ. Къ чему и богатство!

И заперъ Седракъ-начальникъ молодую жену въ своемъ чалкинскомъ балатѣ, гдѣ били фонтаны и ломились подъ тяжестью плодовъ фруктовыхъ деревья, но куда никто не проникалъ кромѣ старухъ и стариковъ.

Такъ не видѣли чалкинцы Антарамъ цѣлый годъ, а когда увидѣли на праздникѣ Сурпъ-хача въ Эскикрымскомъ монастырѣ, не узнали ее. Не улыбалась больше Антарамъ и стала похожа на святую Шушанику.

Благословилъ ее послѣ службы старый архимандритъ и, такъ, чтобы не услышали другіе, сказалъ:

— Не грусти. Все въ волѣ Божіей.

И избралъ ее, чтобы раздавала награды борцамъ, которые пришли изъ Эски-Крыма, Карадага и Чалковъ показать свою удалъ и силу.

Узнали борцы, кто будетъ раздавать награды, и въ кругу собравшагося народа началась борьба молодежи, какой давно не видѣли.

Не жалѣли себя молодцы. Какъ тигры бросались другъ на друга, и напряженные мускулы ихъ казались выкованными изъ желѣза.

Особенно восхищаль всѣхъ Георгій изъ Чалковъ. Онъ въ мигъ укладывалъ на землю неопытнаго противника и, поднявъ его на вытянутыхъ рукахъ, держалъ долго надъ головой.

Загорѣлись глаза у Антарамъ и отдала она ему первую награду—арабскій дир-гемъ и шелковую ткань для праздничнаго наряда. Преклонился предъ нею Георгій и чуть слышно вымолвилъ:

— Имись окись, сердце мое!

Кивнулъ на поклонъ небрежно головой Седракъ-начальникъ, отплюнулся въ сторону.

— Молодость только и годится, чтобы хвастать своими мускулами, оттого, что не чѣмъ больше.

И поспѣшилъ увезти Антарамъ въ свои Чалки.

Потянулся второй годъ хуже перваго. Тосковала Антарамъ, и отъ тоски стала еще прекраснѣе.

Мускусь бронзоваго тѣла ея пьянилъ старика, а тѣни думки на лицѣ затемняли у него разсудокъ.

Жизнь бы отдалъ за нее Седракъ-начальникъ, умеръ бы, обнявъ ея колѣни, и мучилъ ее безъ конца безумной ревностью, и ненавидѣлъ всѣхъ людей, на которыхъ она могла посмотрѣть.

Чтобы не оставлять жены безъ себя, онъ рѣдко выходилъ изъ балата и оттого казался чалкинцемъ еще болѣе неприступнымъ и суровымъ.

И вдругъ дошла вѣсть, что на Кохтебель напали арнауты, вырѣзали армянъ, сожгли церковь, убили священника.

Взволновались Чалки, и всѣ, кто могъ, стали отправлять женъ и дѣтей въ дальнія деревни. Пришлось и Седраку-начальнику разстаться съ Антарамъ. Окруживъ всадниками, онъ отправилъ ее къ старому другу, въ котораго вѣрилъ, и сталъ ждать вѣстей.

Писала Антарамъ. Но письма не глаза,—не прочтешь въ нихъ, что прочтешь въ глазахъ.

И мучился Седракъ-начальникъ отъ ревности еще больше, чѣмъ прежде. Перемѣнилъ людей при Антарамъ, послалъ старуху слѣдить, съ кѣмъ она больше говоритъ, на кого охотно смотритъ.

Вернулась старуха.

— Напрасно оставилъ при ней Георгія. Самъ себѣ бѣду дѣлаешь.

Въ ту же ночь полетѣлъ гонецъ за Георгіемъ, а на утро прибылъ Георгій съ письмомъ отъ Антарамъ.

Прочелъ Седракъ-начальникъ письмо и сталъ бѣлѣе стѣны. Въ первый разъ упрекала его Антарамъ, въ первый разъ жаловалась на судьбу.

— Зачѣмъ не вѣришь людямъ, зачѣмъ отозвалъ Георгія? Онъ самый вѣрный слуга. Зачѣмъ обидѣлъ меня?

Сверкнулъ злобой косою глазь Седрака-начальника, и приказалъ онъ Георгію отвезти письмо въ станъ арнаутовъ. Зналъ—чѣмъ кончится дѣло.

И вернулъ Антарамъ въ Чалки.

Не посмотрѣлъ на нее, когда она вошла въ домъ; заперъ въ глухую башню, а ключъ швырнулъ въ пропасть.

— Теперь люби своего Георгія.

И цѣлыя ночи неслись стоны изъ башни, и рвалъ сѣдые волосы Седракъ-начальникъ, и боялись люди подходить къ нему.

А на третью ночь затихли стоны и показалось Седраку-начальнику, что подошла къ нему тѣнь Антарамъ и стала гладить его больную голову.

— Я умерла,—шептала тѣнь,—и скоро уйду отсюда, и пришла къ тебѣ только, чтобы успокоить тебя. Антарамъ не измѣнила тебѣ и, когда другіе люди не любили тебя, Антарамъ берегла твою старость. Хотѣлъ Георгій убить тебя, Антарамъ сказала: Искупилъ грѣхъ своей мысли. Если любишь, отдашь жизнь за него. И поклялся Георгій сдѣлать такъ. Невинна Антарамъ. Клялась она быть вѣрной тебѣ, такой и умерла.

Бросился Седракъ-начальникъ къ башнѣ, разбудилъ людей, велѣлъ взломать двери.

Вбѣжали люди въ башню и увидѣли Антарамъ мертвой.

Три дня не пилъ и не ѣлъ Седракъ-начальникъ, стоялъ у остывшаго тѣла; самъ положилъ его въ могилу, самъ засыпалъ землею и своими руками построилъ часовню на могилѣ, хотя и не былъ каменщикомъ. А когда окончилъ работу, тутъ же и умеръ.

И была на часовнѣ высѣчена надпись:

«Построилъ часовню на могилѣ жены начальникъ крѣпости Седракъ. Замучилъ бѣдную напрасно. Господи, прости ему тяжкій грѣхъ».

Лѣтъ тридцать назадъ работавшіе въ Чалкахъ инженеры нашли у источника Бахръ-башъ-чокракъ, подъ Эчкидагомъ, развалины часовни и камень съ высѣченною надписью на старо-армянскомъ языкѣ.

Прочли:

«Построилъ часовню на могилѣ жены начальникъ крѣпости...»

Время стерло остальные слова.

Видно, простилъ Господь Седраку его тяжкій грѣхъ.

«ДЕЛИКЛИ-КАЯ».

(КОЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Развѣ есть на свѣтѣ черешня вкуснѣе козской и гдѣ найдется сари-армутъ болѣе нѣжный и сочный!

Въ Крыму не встрѣтишь тоньше стана у юноши, и не знаютъ другія земли дѣвушекъ, которыя умѣютъ ходить такъ легко, какъ козскія, по скаламъ и обрывамъ.

Смотрить посѣдѣвшій Эльтигенъ на дѣтей долины, на солнечномъ лучѣ любитъся ими, а когда къ вечеру, побѣжитъ отъ горъ къ деревнѣ синяя тѣнь, прислушивается къ голосу стариковъ, которые собираются посидѣть у кофейни.

— Лучше прежде было.

— Лучше было,—твердитъ девяностолѣтній Муслядинъ, сидя на корточкахъ рядомъ съ имамомъ.

— Когда нужно дождь былъ; когда не нужно—не былъ; червякъ листь не ѣлъ; пчелы—да были, козы—да были; двѣ пары буйволовъ у каждаго было. Хорошо было.

Слушаютъ Муслядина козскіе татары и вздыхаютъ.

— Прежде лучше было.

Въ наступившихъ сумеркахъ вспыхиваютъ тамъ и сямъ огоньки у курящихъ, и бѣлесоватые клубы табачнаго дыма застилаютъ по временамъ сосредоточенныя, серьезныя лица.

— Воды много было, замѣчаетъ кто-то.

— А?—не слышитъ его Муслядинъ.

— Дыры въ Деликли-кая, говоришь, не было. Не было, не было. Потомъ сдѣлалась, когда Кызь-буллаги открылся.

— Говори,—проситъ кефеджи, наклоняясь къ самому уху старика.—Люди слушать хотятъ.

Сдвигаетъ Муслядинъ на затылокъ тяжелую барашковую шапку, чтобы облегчить шишку, которая выросла надъ ухомъ, какъ арбузь на баштанѣ.

Сверху, по шоссе надъ деревней, у Деликли-кая, звенить почтовый колокольчикъ. Затихъ колокольчикъ, точно, чтобы не мѣшать Муслядину вести свой рассказъ.
— Ну?

Слушали его не разъ деревенскіе и все же хотять послушать. Хочется слушать о чудесномъ въ этотъ тихій, лѣтній вечеръ, когда сошла на землю прохлада, а загорѣвшіяся на глубокомъ небѣ безъ числа звѣзды отвлекаютъ мысль отъ заботъ трудового дня.

Не торопясь, съ остановками, покуривая изъ длинной черешневой трубки, говоритъ Муслядинъ о томъ, что слышалъ отъ отца и дѣда.

Задумываются слушатели; увель ихъ Муслядинъ въ какой-то другой міръ, и въ воображеніи ихъ незамѣтно оживаютъ три сѣрыя скалы Эльтигена. Чудится, что въ средней изъ нихъ, Деликли-кая, нѣтъ больше сквозной щели, и живутъ въ ней попрежнему три сказочныхъ духа. И каждый поетъ свою пѣсню, а людямъ кажется, что шумитъ гора. Если гулко—ждутъ дождя, если стонетъ—бури. Предупреждаютъ духи людей, потому что, какъ въ давнія времена, любятъ свою деревню.

Тогда прислушивались люди къ голосу ихъ и читили своихъ покровителей.

Тогда духи приходили къ людямъ и любили ихъ. Отъ любви росло блаженство духа, передавалось сердцу человѣка. Добрѣ дѣлались люди.

Звенить снова почтовый колокольчикъ у Деликли-кая и, оторвавъ на минуту слушателей отъ міра грезъ, замираетъ гдѣ-то въ лѣсной чащѣ.

Когда самому хорошо, хочешь, чтобы было и всѣмъ хорошо. Такъ устроена душа. И въ былое время козскіе люди не пропускали нищаго и странника, чтобы не приютить и не накормить его. А когда уходили внизъ, въ сады, на работу, оставляли кого-нибудь, чтобы было кому принять прохожаго.

И вотъ разъ ушли всѣ на работу; остались старухи и мальчуганы, да три дѣвушки, которыя спѣшили шить приданое, чтобы было готово къ мѣсяцу свадебъ.

Было жарко и дѣвушки, захвативъ работу, ушли въ лѣсъ искать прохлады. Притихъ Эльтигенъ. Покинули духи свои скалы, и, обратившись въ нищихъ, подошли къ дѣвушкамъ.

Увидѣли дѣвушки слѣпого, хромого и горбатаго, поклонились имъ.

— Если голодны,—накормимъ васъ.

Подъ широкимъ дубомъ, который стоитъ и теперь, развязали узелки съ таранью, чеснокомъ и лепешками и стали угощать бѣдняковъ.

— Кушайте.

Бли нищіе, благодарили, а когда кончили,—въ узелкахъ не стало меньше.

— Кушайте хорошенько,—говорили дѣвушки,—и отдали нищимъ желтые сари-армуты, которые оставили было для себя.

Улыбнулись странники.

— Великъ Аллахъ въ своихъ твореніяхъ. Да исполнить сердце ваше радостью.

И спросили дѣвушекъ,—нѣтъ ли у нихъ какихъ-либо тайныхъ желаній. Задуманное въ хорошую минуту можетъ исполниться.

— Подумайте.

Посмѣялись между собою дѣвушки, и одна сказала:

— Хотѣлось бы скорѣе дошить свое приданое.

— Вернешься домой и увидишь, что сбылось твое желаніе,—улыбнулся горбатый.

— А я бы,—захохотала другая,—хотѣла, чтобы бабушка на меня не ворчала.

— И это устроится,—кивнулъ головой хромой.

— Ну, а ты?—спросилъ слѣпой третью.

— Ты что бы хотѣла?

Задумалась третья.

— Все равно не сдѣлаешь.

— Скажи все-таки.

И сказала дѣвушка:

— Хотѣла бы, чтобы въ горѣ открылся источникъ, чтобы бѣжала въ деревню холодная ключевая вода; чтобы путникъ, испивъ воды, забывалъ усталость, а наши деревенскіе, когда настанутъ жары, освѣжаясь въ источникѣ, славили милость Аллаха.

— Ну, а для себя чего хотѣла бы?—спросилъ слѣпой.

— А мнѣ, мнѣ ничего не надо. Все есть.

Открылъ отъ удивленія глаза слѣпой и отразились въ нихъ глаза голубого неба.

— Скажи имя твое.

— Феррахъ-ханымъ,—отвѣчала дѣвушка.

— Случится такъ, какъ пожелала, и имя твое долго будетъ помнить народъ.

Повернулся слѣпой къ Деликли-кая, высоко поднялъ свой посохъ и ударилъ имъ по утесу.

Съ громомъ треснула Деликли-кая, дождемъ посыпались каменные глыбы, темнымъ облакомъ окуталась гора. А когда разошлось облако, увидѣли въ ней сквозную щель и слышали, какъ вблизи зашумѣлъ падающій со скалы горный потокъ.

Добѣжали первыя капли ручья до ногъ Феррахъ-ханымъ и омыли ихъ.

А нищѣ исчезли, и поняли дѣвушки, кто были они.

Сбылось слово нищаго. Народъ долго помнилъ Феррахъ-ханымъ, и когда она умерла, могилу ея огородили каменной стѣной.

Лѣтъ шестьдесятъ назадъ Муслядинъ еще видѣлъ развалины этой стѣны и читалъ арабскую надпись на камнѣ.

— Не прилѣпляйся къ міру, онъ не вѣченъ, одинъ Аллахъ всегда живъ и вѣченъ.

Уже давно замолчалъ старый Муслядинъ, а никому изъ слушателей не хотѣлось уходить изъ міра сказки жизни.

Поднялся, кряхтя, Муслидинъ, чтобы итти домой.

— Пора.

Поднялся и имамъ.

— Шумить Деликли-кая. Можетъ быть, дождь будетъ.

— Нужень дождь, воды нѣтъ,—замѣтилъ кефеджи.

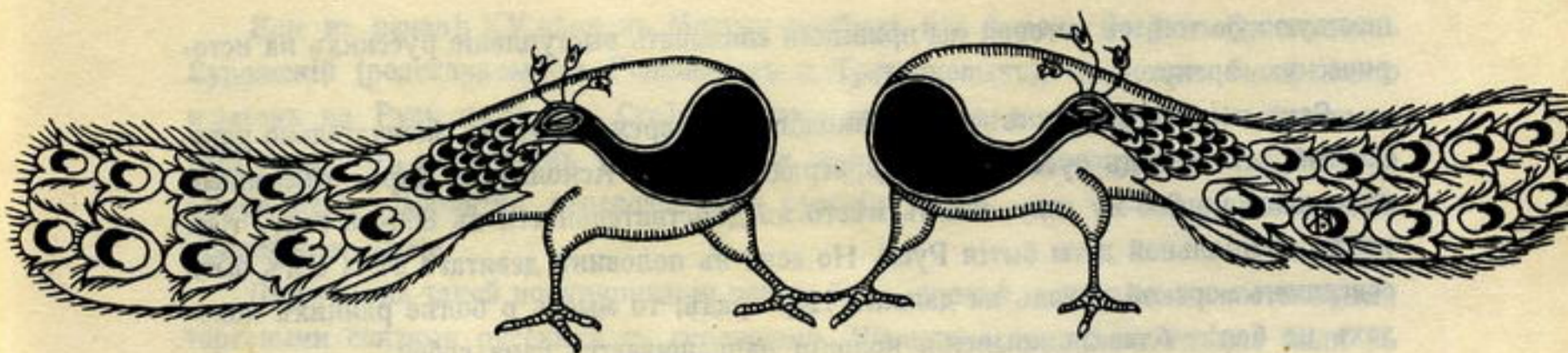
— Нужень, нужень,—поддержали его, поднимаясь татары.

— Опять Феррахъ-ханымъ нужна,—улыбнулся молодой учитель.

Но на него строго посмотрѣли старики.

— Когда Феррахъ-ханымъ была—было много воды; теперъ мало стало, хуже люди стали, хуже дѣвушки стали. Когда дурными стануть—совсѣмъ высохнутъ Кызларъ-хамамы.

ПОХОДЪ БРАВЛИНА.

(СУРОЖСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Въ нашихъ старыхъ рукописныхъ сборникахъ, минеяхъ и торжественникахъ встрѣчается разсказъ, какъ, вскорѣ по кончинѣ св. Стефана Сурожскаго, стало быть въ концѣ VIII или въ началѣ IX вѣка,—на Сурожъ, теперешній Судакъ, напалъ русскій князь Бравлинъ. Онъ пришелъ изъ Новгорода, и, прежде чѣмъ осадить Сурожъ, опустошилъ все побережье Чернаго моря, отъ Корсуня до Керчи. Десять дней продолжалась осада Сурожа, но на одиннадцатый, когда удалось взломать Желѣзныя ворота, городъ палъ и былъ преданъ грабежу. Съ мечомъ въ рукѣ, самъ Бравлинъ бросился къ св. Софіи, гдѣ покоились въ драгоценной ракъ мощи святого Стефана, разсѣкъ двери храма и захватилъ его сокровища. Но тутъ случилось чудо. У раки святого постигъ князя параличъ. Понявъ кару свыше, Бравлинъ вернулъ храму все захваченное, и, когда это не помогло, приказалъ своимъ воинамъ очистить городъ, отдать святому Стефану всю награбленную въ Крыму церковную утварь и, наконецъ, рѣшилъ креститься. Приѣмникъ святого Стефана архіепископъ Филаретъ, въ сослуженіи мѣстнаго духовенства, тутъ же совершилъ крещеніе князя, а затѣмъ и его бояръ. Послѣ этого Бравлинъ почувствовалъ облегченіе, но полное исцѣленіе получилъ лишь, когда, по совѣту духовенства, далъ обѣтъ освободить всѣхъ плѣнныхъ, захваченныхъ на крымскомъ побережьѣ. Внеся богатый вкладъ святому Стефану и почтивъ своимъ привѣтомъ мѣстное населеніе, князь Бравлинъ удалился изъ Сурожскихъ предѣловъ.

Таково содержаніе легенды, которая представляетъ для насъ, русскихъ, несомнѣнный интересъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Сурожская легенда говоритъ объ историческомъ фактѣ, неизвѣстномъ намъ ни по лѣтописи, ни по другимъ источникамъ. Она называетъ имена дѣйствующихъ лицъ и мѣсто дѣйствія, устанавливаетъ приблизительную дату событія, и всѣмъ этимъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на эпоху, на полстолѣтія пред-

шествующую той, съ которой мы привыкли связывать выступленіе русскихъ на историческую арену.

Самъ по себѣ фактъ отвѣчаетъ возможностямъ времени. Нынѣ окончательно установлено, что походъ русскихъ на Царьградъ временъ Аскольда и Дира, отнесенный лѣтописью къ 866-му году, имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности въ 860-мъ году, т.-е. ранѣе официальной даты бытія Руси. Но если въ половинѣ девятаго вѣка могъ быть совершонъ морской походъ на дальній Царьградъ, то мысль о болѣе раннихъ походахъ на болѣе близкія крымскія колоніи напрашивается сама собой.

Пусть передъ нами только легенда, носящая яркую религіозную окраску, но если ея показанія не противорѣчатъ исторической обстановкѣ, то нѣтъ оснований отвергать иллюстрируемый ею фактъ. Вѣдь, какъ показалъ недавно обнародованный отрывокъ изъ житія Василія Новаго, самыя фантастическія произведенія агіографической литературы передаютъ иногда безусловно точно отчетъ о событіи.

Наша Сурожская легенда связана съ именемъ Стефана Сурожскаго. Св. Стефанъ—лицо историческое и память о немъ закрѣплена минологіемъ *) Василія конца X вѣка. По этому минологію св. Стефанъ пострадалъ за иконы при царѣ Константинѣ Копронимѣ (741—775 г.), и нѣтъ никакого сомнѣнія, что это его подпись дошла до насъ въ протоколѣ пятаго засѣданія на седьмомъ вселенскомъ Никейскомъ соборѣ 787-го года («Стефанъ, недостойный епископъ города Сугдайскаго, охотно принимая все выше описанное, подписался». Сугдею или Сугдаю русскіе называли Сурожемъ).

То обстоятельство, что греческая церковь не празднуетъ памяти этого святого, не должно смущать изслѣдователя, такъ какъ Стефанъ Сурожскій былъ мѣстный святой, и чествованіе его могло не выходить за мѣстные крымскіе предѣлы. А что въ Крыму, и именно въ Сурожѣ, онъ былъ почитаемъ,—доказываетъ Сугдейскій синаксарій XII вѣка, найденный въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ библиотекѣ греческой богословской школы на островѣ Халки (близъ Константинополя).

Въ немъ помѣщено краткое житіе Стефана Сурожскаго и на поляхъ сдѣланы помѣтки послѣдующими обладателями рукописи XIII и XV вѣковъ, помѣтки, относящіяся къ интересамъ и событіямъ мѣстной сурожской жизни. Изъ этихъ помѣтокъ можно заключить, что память св. Стефана праздновалась, какъ у насъ теперь, 15-го декабря, что мощи его покоились въ алтарѣ св. Софіи, и что въ Сурожѣ въ честь его была построена церковь, которую, вмѣстѣ съ св. Софіею, разрушилъ въ 1327-мъ году нѣкій Агачъ Пасли. Уцѣлѣли ли при этомъ мощи св. Стефана и сохранялись ли онѣ послѣ того въ Сурожѣ до времени окончательнаго разгрома города турками, въ концѣ XV вѣка, не выяснено.

Но если мы не знаемъ ни одного подробнаго греческаго житія Стефана Сурожскаго съ приведеніемъ посмертныхъ чудесъ и въ томъ же числѣ чуда съ русскимъ княземъ Бравлинымъ, то такія житія святого въ древнерусской литературѣ XV—XVI вѣка не составляютъ исключенія.

*) Мѣсяцесловъ.

Еще въ началѣ XV вѣка въ Москву прибылъ изъ Сурожа Стефанъ Васильевичъ Сурожскій (родоначальникъ Головиныхъ и Третьяковыхъ), и, можетъ быть, онъ-то и завезъ на Русь житіе св. Стефана, какъ остроумно догадывается В. Васильевскій въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Житіи свв. Георгія Амострискаго и Стефана Сурожскаго». Вѣроятно, переводомъ на русскій языкъ онъ и популяризировалъ привезенное житіе.

Для успѣха такой популяризаціи почва была вполне подготовлена постоянными торговыми связями русскихъ съ сурожцами. Шелковые сурожскіе товары были въ большомъ ходу, а въ Новгородѣ былъ особый Сурожскій дворъ. Русскіе жили въ Сурожѣ, какъ сурожане на Москвѣ, и имя сурожанина не даромъ запечатлѣно въ нашихъ былинахъ.

Изъ помѣтокъ на поляхъ сурожскаго синаксарія мы знаемъ, что сурожане чествовали память новоявленныхъ русскихъ святыхъ, князей Давида и Романа, тѣмъ понятнѣе было чествованіе на Руси греческаго сурожскаго святого.

Надо думать, что русское житіе Стефана появилось именно въ XV вѣкѣ, а не раньше, такъ какъ въ составъ его вошло заимствованіе изъ житія Петра митрополита, а митрополитъ Петръ умеръ въ началѣ XV вѣка. Такое житіе отъ XV вѣка дошло до насъ въ сборникѣ Румянцовскаго музея № 435 и страницы этого сборника, относящіяся къ походу Бравлина, мы приводимъ ниже.

Съ этого же времени на житіе Стефана начинаютъ дѣлаться посылки. Такъ въ жизнеописаніи преп. Дмитрія Прилуцкаго, составленномъ во второй половинѣ XV вѣка, какъ отмѣтилъ В. О. Ключевскій, приведенъ рассказъ изъ Стефанова житія.

Въ XVI вѣкѣ житіе Стефана Сурожскаго рассматривается уже какъ важный историческій документъ, и приведенный въ немъ рассказъ о походѣ князя Бравлина принимается какъ фактъ. Такъ Степенная книга царскаго родословія говоритъ:

«Иже и преже Рюрикова пришествія въ словенскую землю, не худа бяша держава словенскаго языка; воинствоваху бо и тогда на многія страны, на Селунскій градъ и на Херсонъ и на прочихъ тамо, якоже свидѣтельствуеть нѣчто мало отъ части въ чудесѣхъ великомученика Дмитрія и святого архіепископа Стефана Сурожскаго».

Однако въ послѣдующее время довѣріе къ исторической цѣнности житія падаетъ, и эпизодъ съ княземъ Бравинымъ не входитъ ни въ печатный прологъ 1642-го года, ни въ Минеи-Четыи Дмитрія Ростовскаго. Постепенно легенда о походѣ на Сурожъ ускользаетъ изъ историко-литературнаго кругозора, и забывается настолько основательно, что, только благодаря найденному Востоковымъ одному рукописному сборнику съ легендой, наши историки снова вспомнили о ней съ половины XIX вѣка.

Разбирая и оцѣнивая достовѣрность этой легенды, приходили къ самымъ различнымъ заключеніямъ. Одни принимали, другіе отрицали ее, третьи приурочивали, сообщаемый въ легендѣ фактъ, къ болѣе позднимъ временамъ. Составилась цѣлая литература предмета. Куникъ и Геденовъ, Иловайскій, Макарій, Филаретъ и Порфирій, Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ посвятили легендѣ свои строки. Но особенно обстоятельно, съ полною тщательностью, разобралъ вопросъ В. Васильевскій. Ана-

лизируя матеріалъ, Васильевскій заключаетъ, что русскій излагатель легенды несомнѣнно кое-что добавилъ отъ себя сверхъ того, что было въ греческой рукописи, не той, которая дошла до насъ съ краткимъ житіемъ Стефана, а другой, содержавшей житіе съ посмертными чудесами до насъ не дошедшей. Такъ, приспособляясь къ тогдашнимъ литературнымъ вкусамъ русскаго общества, онъ внесъ добавленія изъ житій Іоанна Златоуста и Петра Митрополита. Однако авторъ славяно-русской редакціи Стефанова житія въ отношеніи фактической стороны строго держался греческаго источника. Онъ не сдѣлалъ промаха ни въ наименованіи храма, гдѣ почивали мощи, ни въ другихъ случаяхъ и сохранилъ имя Бравлина, не пытаясь даже пояснить русскому читателю это малопонятное для него имя.

Такія попытки впрочемъ дѣлались позднѣе переписчиками русскаго Стефанова житія. Такъ въ сборникѣ Румянцовскаго музея № 434—XVI вѣка вмѣсто: *князь Бравлинъ*—написано: *князь бранливъ*. Конечно, если бы въ начальной редакціи стояло *бранливъ*, то это слово, не вызывая недоразумѣній, удержалась бы переписчиками и не перешло въ непонятное имя Бравлина *).

Итакъ, у насъ нѣтъ основанія допускать, что легенда о походѣ Бравлина сочинена авторомъ русскаго житія Стефана Сурожскаго, а не почерпнута имъ изъ греческаго источника. Если вспомнить, что кромѣ житія св. Стефана въ русскій церковный обиходъ вошла и служба святому съ двумя канонами, что въ одной изъ стихиръ службы Стефанъ величается защитникомъ сурожанъ и хранителемъ града, что тамъ же воспѣвается фактъ, когда нападавшіе на Сурожъ потерпѣли неудачу и посрамленіе и что служба святому была, очевидно, составлена въ Сурожѣ, гдѣ покоились его мощи, гдѣ былъ въ честь его построенъ храмъ и гдѣ праздновалась его память,—то все это только подтверждаетъ, что въ полномъ греческомъ житіи должны были заключаться посмертныя чудеса святого и въ томъ числѣ и чудо съ княземъ Бравлинымъ, напавшимъ на Сурожъ.

Авторъ этого полнаго греческаго житія св. Стефана, вѣроятно, жилъ въ относительно близкое къ нему время, потому что до него дошли всѣ подробности его жизни и народный рассказъ о посмертныхъ чудесахъ, съ сохраненіемъ въ точности именъ и названій, исторически правильныхъ.

И нельзя сомнѣваться, что передавая посмертное чудо съ княземъ Бравлинымъ, онъ имѣлъ въ виду хорошо извѣстный ему историческій, а не вымышленный фактъ нападенія русскихъ на Сурожъ.

На Сурожъ, какъ и на все побережье Крыма, въ тѣ времена не разъ нападали варварскіе отряды, грабили и опустошали богатые берега. Объ этомъ свидѣтельствуется, напримѣръ, итальянская легенда о перенесеніи мощей св. Климента, историческій характеръ которой не подлежитъ сомнѣнію; а житіе Георгія Амастридскаго, которое дошло до насъ въ греческой рукописи, устанавливаетъ, что нападенія русскихъ на черноморское побережье имѣли мѣсто ранѣе 842 г.

*) Къ тому же заключенію приводитъ сопоставленіе текстовъ Торжественниковъ Румянцовскаго Музея № 434 и 435.

Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что какой-то русскій князь Бравлинъ въ концѣ VIII-го или въ началѣ IX-го вѣка, сдѣлавъ успѣшный набѣгъ на побережье Крыма, дѣйствительно осадилъ и взялъ Сурожъ, и вполне допустимо, что, подь непосредственнымъ впечатлѣніемъ своего соприкосновенія съ христіанскимъ міромъ, приобщился и самъ къ нему.

Кого же авторъ грекъ той эпохи могъ имѣть въ виду подь именемъ русскихъ или россовъ?

Греческій писатель X-го вѣка Левъ Діаконъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что императоръ Никифоръ послалъ Калокира къ тавро-скиѳамъ, называемымъ обыкновенно россами, и что Калокиръ, пришедши въ Скиѳію, понравился начальнику тавровъ (Святославу). Надо думать, что и авторъ Стефанова житія, говоря о русскихъ, имѣлъ въ виду тѣхъ же тавро-скиѳовъ, обитавшихъ въ Приднѣпровьѣ, въ Тмутаракани и въ Тавридѣ.

Надъ этими тавро-скиѳскими племенами господствовали хозары, но господство хозаръ было непрочное, такъ что подвластные имъ народы имѣли возможность дѣйствовать въ иныхъ случаяхъ вполне самостоятельно.

Въ 839 году, по словамъ Бертинской лѣтописи, въ Ингельгеймъ къ Людовику Благочестивому прибыли черезъ Константинополь, вмѣстѣ съ послами Императора Феофила, послы отъ имени какого-то Хакана и заявили, что ихъ зовутъ русскими.

Хаканъ? Былъ ли то ихъ прямой государь или хазарскій каганъ—верховный властитель, трудно сказать.

Но и это посольство отчасти говоритъ за то, что сообщаемая сурожскою легендою свѣдѣнія о походѣ русскаго князя Бравлина на Крымъ и Сурожъ—не выдумка, а исторически вполне допустимый фактъ.

Само непонятное имя Бравлина не носитъ ли вестготскаго отпечатка? (Извѣстенъ, на примѣръ, вестготскій епископъ Брулинень).

Легенда указываетъ и мѣсто, откуда пришелъ нашъ Бравлинъ; это—Новгородъ. Одни догадываются, что русскій излагатель самъ отъ себя добавилъ въ греческое свѣдѣніе о походѣ названіе русскаго города, гдѣ былъ особый Сурожскій дворъ; другіе допускаютъ, что писатель-грекъ имѣлъ въ виду не русскій Новгородъ, а тотъ Неаполисъ (Новгородъ), который упомянутъ въ декретѣ Діофанта и который находился вблизи нынѣшняго Симферополя.

Мы рѣшили привести сурожскую легенду въ томъ ея освѣщеніи, въ которомъ она представляется современными намъ изслѣдователями, имѣя въ виду, что въ широкихъ кругахъ русскаго общества легенда эта мало извѣстна и что знакомство съ научными трудами изслѣдователей не всѣмъ доступно.

Память о св. Стефанѣ и доселѣ чтима въ Судакскомъ округѣ. Верстахъ въ пятнадцати отъ Судака, въ Кизильташскихъ горахъ, ютится монастырь его имени, русскій монастырь пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, но монахи увѣряютъ, что монастырь построенъ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ во времена, близкія къ Стефану, былъ

построенъ храмъ въ честь этого святого. Имя Стефана распространено и въ русскомъ и въ инородческомъ населеніи общины, но народъ не сохранилъ памяти ни о св. Софїи, гдѣ покоились мощи святого, ни о храмѣ его имени въ Судакѣ; остались памятны лишь Желѣзные ворота. Неподалеку отъ нѣмецкой колоніи, въ сторону Новаго свѣта, выходъ изъ ущелья и доселѣ носить имя желѣзныхъ воротъ, а вблизи можно найти остатки старинныхъ построекъ.

Не здѣсь ли нужно предположить мѣстоположеніе Сурожа время св. Стефана и похода на Сурожъ русскаго князя Бравлина?

ПОЯСНЕНІЯ КЪ ЛЕГЕНДАМЪ.

ГЮЛЯШЪ-ХАНЫМЪ—ГОСПОЖА ГЮЛЯШЪ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Легенда относится къ тому времени, когда побережье Крыма отъ Судака до Балаклавы находилось въ рукахъ грековъ, а вся степная часть полуострова—во власти татаръ, т.-е. ко времени послѣ первой половины XIII вѣка, времени вторженія въ Крымъ татаръ. Въ этотъ періодъ, до утвержденія династіи Гираевъ (въ первой половинѣ XV вѣка) главнымъ центромъ татарскаго владычества въ Тавридѣ былъ городъ *Солгатъ*, теперешній Старый-Крымъ. Отсюда, напримѣръ, золотоордынскіе ханы вели сношенія съ египетскомамелюкскимъ султаномъ. Памятникомъ такихъ сношеній явилась мечеть, построенная султаномъ *Бейбарсомъ* (1281—1288 г.). «Уроженецъ Кипчака, египетскій султанъ Бибарсъ, желая увѣковѣчить свое имя и прославить мѣсто своего рожденія, построилъ великолѣпную мечеть, стѣны которой были покрыты мраморомъ, а верхъ—порфиромъ». (Jos de Guignes. Histoire générale de Huns etc. Paris, 1756, т. II, р. 643.). *Туданъ-Мангу-Ханъ*—лицо историческое. Это онъ отправлялъ въ Египетъ нарочитое посольство съ просьбою пожаловать ему какой-нибудь мусульманскій титулъ. Отъ его времени дошла старокрымская монета (1284 г.). Ханы не всегда жили въ Солгатѣ, и въ ихъ отсутствіе городомъ правили намѣстники. Однимъ изъ такихъ намѣстниковъ являлся *Черкезь-бей*, жившій, впрочемъ, въ болѣе позднюю эпоху, судя по договору 1380-го года между генуэзцами и татарами. Старокрымскіе *беи* или *беки* пользовались огромными правами, такъ они имѣли право чеканить свою монету, сносятся съ другими странами и т. д. *Оръ* (по татарски—*ровъ*)—теперешній Перекопъ. Старая крѣпость была построена на перешейкѣ, который былъ перерѣзанъ рвомъ.

Арпатъ—деревня между Судакомъ и Алуштой. *Чубуреки*—пирожки съ рубленой бараниной, поджаренные на курдючномъ салѣ. Это любимое блюдо татаръ. *Буза*—

напитокъ, приготовляемый изъ проса. *Чалгиджи*—музыкантъ. *Думбало*—большой барабанъ. *Бетмасъ*—медь, приготавливаемый изъ виноградныхъ выжимокъ. *Ханскій* дворецъ былъ построенъ на берегу р. Серень-су, протекающей въ южной части города. Зданіе существовало еще въ концѣ XVIII вѣка, когда въ немъ жилъ епископъ Гумилевскій († 1792 г.). Теперь отъ дворца остались развалины внѣшней стѣны, внутренняя же площадь продана городомъ частному лицу.

Легенду эту, какъ и послѣдующую, я слышалъ отъ бывшаго завѣдывающаго Феодосійскимъ музеемъ древностей—Степана Ивановича Веребрюсова. Въ нѣсколькой редакціи она помѣщена въ Легендахъ Крыма—В. Х. Кондараки.

ГИБЕЛЬ ГИРЕЯ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Династія *Гираевъ* утвердилась въ первой половинѣ XV вѣка, по выдѣленіи Крымскаго юрта въ особое ханство. *Арсланъ-Гирей* (Арсланъ-левъ) правилъ ханствомъ всего около двухъ лѣтъ (ок. 1744 г.). Рукопись мурзы Мурата Аргинскаго говоритъ о немъ: «Зная, что кто лишитъ жизни одного человѣка, все равно какъ бы лишилъ ея всѣхъ, воздерживался насколько могъ уничтожать тварь Божью». Въ Бахчисарафѣ, на ханскомъ кладбищѣ, имѣется памятникъ съ слѣдующею надписью: «Онъ (Богъ) всегда живъ и вѣченъ. Мудрый Асафъ, онъ былъ въ дѣлахъ военныхъ лихой наѣздникъ, на полѣ брани геройствомъ превосходилъ весь родъ Чингисовъ. Самъ Марсъ жаждалъ острія меча его, упитаннаго кровью. Возможно ли сравнить мужество его съ храбростью Неримана. Грозный видъ его убивалъ современныхъ ему тигровъ, раньше, чѣмъ онъ величественно, какъ левъ, вступалъ на поле брани. Но, покорствуя священному гласу—вернись, онъ скончался. Пусть міръ облечется въ трауръ и раздеретъ воротъ своего кафтана. Поэтъ Хифзи, прекраснымъ, алмазнымъ полустипшемъ изобразилъ его хронограму: Рай—воздаяніе Арсланъ-Гирей хану». († 1767 г.). *Джинджи*—духовидецъ, волшебникъ. «Учь толакъ бошь олсунъ», т.-е. «да оскудѣютъ всѣ три моихъ печени», въ смыслѣ—«да лишусь возможности женъ и дѣтей». Сказать вслухъ это великое заклятіе у крымскихъ татаръ—достаточный поводъ для развода. Недавно въ Отузахъ былъ такой случай. Дядя одного татарина заѣхалъ къ племяннику и не засталъ дома его жены. Она была у своей матери, съ которой дядя былъ въ ссорѣ. Племянникъ сказалъ, что пошлетъ за женой. Дядя улыбнулся и выразилъ сомнѣніе, чтобы она пріѣхала, такъ какъ мать едва ли отпуститъ, узнавъ, что въ гостяхъ дядя. Такъ и случилось. Молодая женщина не вернулась домой даже тогда, когда того потребовалъ отъ нея лично мужъ. И вотъ, вскипѣвъ, молодой человѣкъ произнесъ громко приведенное заклятіе. Молодая женщина сочла себя обезчещенной и потребовала немедленнаго развода. Когда затѣмъ, черезъ нѣсколько

времени, молодые люди, любившие друг друга, одумались, они рѣшили опять пожениться. Но для этого потребовалось совершить весьма сложную процедуру, а именно, женщина должна была выйти на одну ночь замуж за договореннаго для того какого-то бѣдняка и затѣмъ, получивъ разводъ путемъ произнесенія того же заклятія, вышла замужъ за перваго мужа.

Легенда о гибели Гирея связана съ тѣми свѣдѣніями о катакомбныхъ богатствахъ Керчи, которыя несомнѣнно давно были извѣстны населенію Крыма.

МЮСКЪ-ДЖАМИ—МУСКУСНАЯ МЕЧЕТЬ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Развалины мускусной мечети сохранились. Онѣ образуютъ параллелограмъ, сводъ надъ которымъ поддерживался столбами по три съ каждой стороны. Вокругъ мечети, еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, были видны красивые, мѣстами съ позолотой, арабески. Надвходная надпись говоритъ: «Да будетъ благодареніе Всевышнему за руководство на путь истины и милость Божія на Мухаметъ и его преемникахъ. Строитель сей мечети, въ дни царствованія великаго хана Мухамета-Узбека, (да будетъ владычество его вѣчно) смиренный рабъ, нуждающійся въ милости Божьей, *Абдуль-Гази-Юсуфъ*, сынъ Ибрагима Узбекова, 714 гиджри» (1314 г.). Золотоордынской ханъ Узбекъ (1313—1342 гг.), по свидѣтельству арабскихъ писателей, проявилъ особую ревность въ утверженіи мусульманства въ его владѣніяхъ. Самъ Узбекъ ханъ не жилъ въ Солгатѣ (Старый-Крымъ) и лишь наѣзжалъ туда. Съ именемъ *Юсуфа*, помимо настоящей легенды, въ народной памяти сохранилось преданіе объ основаніи самого Солгата. Крымскій историкъ Сеидъ-Мухамедъ-Риза († 1756 г. въ своемъ сочиненіи «Семь планетъ въ извѣстіяхъ о царяхъ татарскихъ» *) рассказываетъ: «Въ прежнее время мѣстность, на которой расположенъ городъ, принадлежала къ Кафской пристани (Феодосійской), служа сборнымъ пунктомъ для купцовъ персидскихъ и франкскихъ, привозившихъ сюда разные европейскіе и азіатскіе товары, которыми наполнялись и пестрѣли шалаши, палатки, деревянные дома и саманныя мазанки. Благодаря превосходному климату и чудному воздуху, населеніе и постройки быстро умножились и мало-по-малу возникъ къ югу отъ Кафы, при подошвѣ высокой горы Аргамышъ, цѣлый городъ, обнесенный ради безопасности крѣпостной стѣной и названный Солгатомъ. Въ ту пору одинъ богатый купецъ предпринялъ постройку большой мечети и, изъ усердія къ Богу, къ матеріальнымъ затратамъ присоединилъ и личный трудъ. Одѣтый въ старое платье онъ вмѣстѣ съ рабочими таскалъ глину. Вдругъ проѣзжаетъ мимо купецъ съ двадцатью вьюками мускуса. Строитель мечети полюбопытствовалъ узнать, что за товаръ везутъ. Торговецъ по-

*) Напечатано Каземъ-бекомъ въ Казани въ 1832 г. (ср. 77, 78).

глядѣль на грязную рабочую одежду его, презрительно отвѣтилъ: «подходящаго для тебя товара нѣтъ». Смущенный такимъ отвѣтомъ торговца, строитель заплатилъ тотчасъ же стоимость мускуса и велѣлъ свалить его въ размѣшанную глину, сказавъ рабочимъ: «*салъ* (сваливай), *катъ* (мѣси)». Оттого и самый городъ назвали Салкатомъ». Объ этомъ древнемъ Солгатѣ Jos. de Guignes, въ своей *Histoire générale de Huns etc.* (р. 343) говоритъ: «Всадникъ едва могъ объѣхать его на добромъ конѣ въ полдня. Было много зданій, достойныхъ удивленія, особенно высшихъ училищъ, гдѣ преподавались всякія науки *). Караваны изъ Ховарезми (Хивы) безопасно проходили въ Крымъ, употребляя на путь три мѣсяца. Жители наживали торговлей огромныя богатства, но по скупости, заполняя золотомъ сундуки, ничего не удѣляли бѣднякамъ».

Мускусъ—ароматичный, коричневаго цвѣта порошокъ, добываемый изъ мускусной крысы (Азія) и Гималайскаго оленя, самца, подъ брюхомъ котораго имѣется мѣшечекъ съ этимъ веществомъ. Мускусъ, оцѣниваемый теперь отъ 960 рублей до 1280 рублей за киллограмъ, считался въ древности драгоцѣннѣйшимъ препаратомъ, благодаря его цѣлебнымъ свойствамъ, въ особенности для облегченія страданія роженицъ. Можетъ быть, въ связи съ этимъ мускусъ пріобрѣлъ литургическое значеніе. Папы, до начала XVI вѣка, вступая во владѣніе Латеранскимъ дворцомъ, получали въ даръ кошелекъ съ двѣнадцатью драгоцѣнными камнями и мускусомъ, который считался символомъ добродѣтели и милосердія къ бѣднымъ. Въ свою очередь папы, выражая особенное благоволеніе царственнымъ особамъ, дарили золотую розу съ мускусомъ. Какъ говоритъ Н. В. Чарыковъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о Павлѣ Минезіи, въ 1675 г. былъ данъ указъ сибирскому приказу о посылкѣ въ Римъ къ аббату Скарлату 3 ф. мускусу добраго, въ вознагражденіе за собраніе свѣдѣній по описанію святынь Рима (260, 681 ст.). Судя по нашей легендѣ о Мускусной мечети въ Солгатѣ, литургическое значеніе мускуса было не чуждо міру мусульманскому. По словамъ татаръ стѣны Мускусной мечети и теперь послѣ дождя издають аромать. *Аргамышъ*—горный хребетъ верстъ въ 8 въ длину; на одной изъ вершинъ его имѣется проваль, схожій съ жерломъ вулкана, не болѣе сажени въ поперечникѣ. Мѣстный приставъ Н. М. Яворскій опускалъ веревку въ 50 саж. длины, но не досталъ дна, а, по словамъ старокрымцевъ, если бросить просо, то оно выйдетъ въ прудахъ Шубаша, за нѣскольکو верстъ отъ города. По преданію въ этотъ проваль сбрасывали преступниковъ. *Индель*—путь въ Индію. *Верблюды* завезены въ Крымъ татарами изъ средней Азіи. Это нѣжное животное, послѣ эмиграціи степныхъ татаръ, стало быстро исчезать въ Крыму. *Алла-разы-олсунъ*—благодарю.

Настоящую легенду рассказывалъ мнѣ старокрымскій мулла.

*) Развалины одного изъ нихъ сохранились и доселѣ.

СУЛТАНЪ-САЛЭ.

(ДЖАНКОЙСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

По шоссе, на пути изъ Феодосіи въ Отузы, въ мѣстности, называемой Султановкой, недалеко отъ греческаго поселка Джанкой (Душа-деревня) хорошо сохранились развалины мечети Султанъ-Салэ. Съ этими развалинами связана легенда, которую я слышалъ отъ отузскаго поселянина Абдуль-Кадыра Зекерья—оглы. *Кефедэ-Кафа* (Феодосія). *Сабаньхъ хайръ олсунъ*—доброе утро. *Отара*—стадо (*отъ*—трава, *ара*—искать). *Ага*—должностное, чиновное лицо, или вообще важное лицо. *Каурма*—разваренная въ собственномъ соку баранина съ картофелемъ, нѣчто въ родѣ густого супа. Титуль *Султана*, со времени родоначальника Гераевъ—Хаджи—Герая, получилъ второстепенное значеніе, и султанами назывались ханскіе княжичи.

КЕМАЛЪ-БАБАЙ—ДЪДУШКА-КЕМАЛЪ.

(КАРАДАГСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Кохтебель, быстро растущій курортъ, на пути изъ Феодосіи въ Отузы, лѣтъ со-рокъ назадъ представлялъ изъ себя болгаро-татарскую деревушку, а до переселе-нія сюда болгаръ, находился въ рукахъ татаръ. Послѣднихъ въ настоящее время осталось всего нѣсколько семействъ и они уже не въ силахъ поддержать разрушающуюся мечеть. Кохтебель лежитъ у подножія Карадага, на одной изъ вершинъ котораго указываютъ святую могилу. Объ этой могилѣ упоминаетъ академикъ Пал-ласъ въ путешествіи по Крыму 1793—94 годахъ. Онъ говоритъ и о поклоненіи этой могилѣ со стороны татаръ. И въ наши дни привозятъ сюда больныхъ, даже изъ даль-нихъ деревень въ надеждѣ на исцѣленіе у могилы праведнаго человѣка *азиса*.

Признаніе азисомъ совершается обыкновенно послѣ того, какъ нѣсколько по-чтенныхъ лицъ удостовѣрятъ, что видѣли на могилѣ зеленоватый свѣтъ, и что чудеса исцѣленія имѣли мѣсто въ дѣйствительности. *Мурза*—сокращенное и нѣсколько видоизмѣненное арабско-персидское *эмиръ-задэ*, *эмировичъ*. Популярный титуль мирзадэ пережилъ всѣ другія почетныя приставки къ именамъ татаръ, знатнаго происхожденія и дошелъ до нашего времени, какъ *мурза* или *мурзакъ*. По переходѣ въ русское подданство мурзаки были признаны потомственными дворянами. Еще въ 70-хъ годахъ въ Кохтебелѣ жили мѣстные помѣщики—мурзаки. *Имамъ*—священникъ.

Легенда о Кемаль-бабаѣ хорошо извѣстна всѣмъ окрестнымъ татарамъ.

ТИХІЙ ЗВОНЪ.

(ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ ВЪ КАРАДАГЪ.)

Карадагъ—суровая горная вершина, которою замыкаются на востокъ крымскія горы. Это—древній вулканической очагъ, не разъ испытавшій на себѣ смѣну вулканическихъ и нептуническихъ силъ. Образование складки крымскихъ горъ и послѣдующіе смывы и разрушенія придали Карадагу какой-то хаотической видъ и забредшій въ эти мѣста путникъ невольно останавливается, пораженный суровою красотой массива, его сбросами и сдвигами, выброшенными въ море скалами, перспективой морской синевы и зелеными склонами внутренней долины. По преданію, и судя по развалинамъ, по склонамъ Карадага ютилось нѣсколько церквей и монастырей. По поводу одного изъ нихъ, основаннаго св. Стефаномъ, епископомъ Сугдейскимъ (Судакъ), среди рыбаковъ-грековъ держится сказаніе о тихомъ звонѣ въ пасхальную ночь. Это сказаніе я слышалъ въ дѣтствѣ отъ моего дяди Иллариона Павловича Жизневскаго, по происхожденію грека, изъ мѣстныхъ насельниковъ. Какъ извѣстно изъ житія св. Стефана, онъ управлялъ Сугдея-Ѳульской епархіей въ періодъ иконоборства (подъ Ѳулами нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ теперешнюю д. Отузы). Св. Стефанъ, горячій защитникъ иконопочитанія, много претерпѣлъ въ Константинополѣ, куда былъ вызванъ византійскимъ правительствомъ. Легенда приурочена ко времени отпращиванія епископа на его религіозный подвигъ. Въ приложеніи къ настоящему выпуску легендъ Крыма приведена Сурожская легенда о походѣ на Сурожъ (Судакъ) русскаго князя Бравлина, относящаяся къ прославленію св. Стефана, имя котораго и доселѣ чтимо среди мѣстнаго христіанскаго населенія. *Христось анэсти*—Христось воскресе.

ЧЕРШАМБЕ.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Легенду рассказывали мнѣ проживающіе въ Отузахъ поселянинъ Аблекимъ Амить-оглы и помѣщица Жанна Ивановна Арцеулова. Герой легенды Сеить-Яя жилъ въ Отузахъ лѣтъ сорокъ назадъ и я хорошо помню его доброе, грустное лицо. *Чершамбе* — среда. Недѣльный праздникъ у татаръ — *пятница*. *Гибель лошади* или другого животнаго въ то время, какъ въ домѣ кто-либо боленъ, считается въ нашей мѣстности благоприятнымъ для заболѣвшаго знаменіемъ. Говорятъ, что Аллахъ въ этомъ случаѣ щадитъ человѣческую жизнь, довольствуясь душою животнаго. Суевѣріе *дотрагиванія до угла* существуетъ еще во многихъ мѣстахъ. Проводя свое дѣтство въ Отузахъ, я слышалъ отъ товарища дѣтства, деревенскаго мальчика, грека, что, уходя изъ дому, нужно непременно незамѣтно для другихъ дотронуться до угла, чтобы во время отсутствія изъ дому все было благополучно. При этомъ я могъ передать эту тайну лишь одному человѣку, иначе

дотрагиваніе до угла теряло свою волшебную силу. *Соба*—печь. *Ястыкъ*—головная подушка. *Балахуръ-сипеть*—корзинка-улей. *Юланчикъ* по татарски—гнѣздо змѣй. Такъ называется мѣстность на пути изъ Отузь въ Старый Крымъ. Отсюда вытекаетъ р. Юланчикъ, идущая въ Кохтебельскому заливу.

КУРБАНЪ-КАЯ—ЖЕРТВЕННАЯ СКАЛА.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Курбанъ-кая, напоминающая издали сахарную голову, замыкаетъ одинъ изъ гребней въ верхней части Отузской долины. Если подойти къ скалѣ по дорогѣ въ лѣсъ, то можно различить тѣневые очертанія человѣческой фигуры, ползущей по скалѣ. *Курбанъ-байрамъ*—праздникъ жертвъ празднуется въ 62-ой день послѣ Рамазанъ-байрама, какъ то было установлено Магометомъ. Праздникъ этотъ установленъ въ память жертвоприношенія Авраама и взамѣнъ человѣческихъ жертвъ. Праздникъ продолжается четыре дня, причемъ въ первый день каждый зажиточный татаринъ закалываетъ курбаннаго барана. Принося такимъ образомъ жертву, жертвователь произноситъ *дува* (молитву); если же онъ не знаетъ словъ молитвы, то произноситъ кто-либо другой, держа жертвователя за ухо. Шкура курбана и лучшая часть его жертвуется муллѣ, часть раздается бѣднымъ, остальное съѣдается въ кругу близкихъ лицъ. *Арыкъ*—оса. Легенду рассказывали мнѣ отузскіе татары въ разныхъ вариантахъ. Я привелъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ.

АНТАРАМЪ.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Чалки—незаселенная сейчасъ долина, смежная съ отузской, по климатическимъ условіямъ и красотѣ мѣстности обѣщаетъ въ будущемъ стать однимъ изъ лучшихъ крымскихъ курортовъ. По преданію, въ Чалкахъ существовало нѣкогда значительное армянское поселеніе; а развалины часовни у источника *Бахрѣ-башъ-чокракъ* (источникъ Мѣдной головы), сохранились и доселѣ. Найденную у источника плиту съ надписью на староармянскомъ языкѣ прочелъ мѣстный палеографъ Степанъ Никитычъ Лазовъ, отъ котораго я и слышалъ легенду объ Антарамъ. Детали легенды сообщила проживавшая въ Отузахъ Александра Лазаревна Батаева. Часть армянъ, по завоеваніи Арменіи татарами въ 1262 г., была переселена въ раіоны Астрахани и Казани, но затѣмъ переселенцамъ разрѣшили перейти въ Крымъ. (Зап. Одесс. Общ. ист. и древ. Т. IV, стр. 92). Слѣды ихъ поселеній сохранились на протяженіи отъ Старога Крыма до Козь. Въ Карадагѣ, полуистертая надпись на развалинѣ церкви св. Стефана, свидѣтельствуешь, что эта церковь была построена армянами въ 1400-мъ году (ibid. Т. X, ст. 446). Въ Старомъ Крыму (Эски-Крымъ) сохранились разва-

лины шести армянскихъ церквей, а монастырь *Сурпъ-Хачъ* (Святого Креста) функционируетъ и въ наши дни. Правда, обстановка его крайне убога, въ монастырѣ живетъ одинъ больной, неслужащій архимандритъ и сторожъ, психически больной, но еще въ моемъ дѣтствѣ въ храмовый праздникъ сюда стекалась масса народа со всѣхъ окрестностей монастыря, совершалось торжественное богослуженіе, происходила борьба, закалались въ жертву бараны; послѣднее исполняется благочестивыми армянами и теперь. Воспоминанія объ *арнаутахъ* живутъ среди татаръ, какъ о народѣ жестокомъ и беспощадномъ.—У нихъ была желѣзная душа, говорятъ татары. *Арнауты*-албанцы—потомки древнихъ пеласговъ, нѣкогда составляли цвѣтъ турецкаго войска.

ДЕЛИКЛИ-КАЯ.

(КОЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Деликли-кая—щелистая скала, средняя изъ трехъ скалъ, составляющихъ группу *Эльтигена* (по-татарски значитъ—*Стекающійся*). Она находится въ верхней части Козской долины, на пути изъ Отузь въ Судакъ. Предполагаютъ, что въ древности долина была заселена греками. Это подтверждаютъ остатки греческихъ церквей. Одна изъ нихъ, св. Ильи, нынѣ возстановлена. *Козы*—теплая, богатая садами долина, даетъ прекрасное, крѣпкое вино и вкусные сладкіе фрукты. Легенду о Деликли-кае рассказывалъ мнѣ мой дѣдъ, козскій грекъ Егоръ Ставровичъ Цирули. *Кызь-буляги*—источникъ дѣвушекъ, называютъ также Дѣвичьей баней—*Кызларъ хамамъ*. *Буйволь*—древнѣйшій насельникъ Крыма, отличающійся большой, по сравненію съ быкомъ, силой, за послѣдніе годы совсѣмъ исчезаетъ изъ нашихъ мѣстъ. Такъ въ Отузахъ осталась всего одна пара, въ Козахъ—двѣ-три.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Гюляшъ-Ханымъ	1
Гибель Гирея	5
Мюссъ-джами	8
Султанъ-Салэ	11
Кемаль-бабай	15
Тихій звонъ	19
Чершамбе	22
Курбанъ-кая	26
Антарамъ	29
Деликли-кая	31
Походъ Бравлина	35
Поясненія къ легендамъ	41

Легенды были напечатаны въ газетѣ «Утро Россіи» за 1913-й годъ.

Факсимильное издание
Симферополь, «Таврида», 1990

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА.

ОДЕССА — 1917.

Посвящаемъ эту книгу свѣтлой памяти Николая Федоровича Агапьева, отдавшаго служенію книгъ свои послѣднія силы.

Н. Марксъ, И. Захаровъ, Н. Агапьева.

Недавно сошедшій въ могилу старый педагогъ Н. Ф. Агапьевъ посвятилъ всего себя Пушкинской народной читальнѣ въ Москвѣ и устройству при ней лекцій.

ЭЛЬКЕНЪ-КАЯ, ПАРУСЪ-СКАЛА.

(Керченская легенда).

Поднимай парусъ, старый корабль, крѣпи снасти. Будеть штормъ!
 Много штормовъ пережилъ Ерги Пеарасъ, не думаль, что впереди
 еще самый страшный.

Давно не выходиль онъ въ море и жилъ въ покоѣ на старости лѣтъ.

Каменные склады въ гавани ломились отъ его товаровъ ; мраморный дворецъ Пеараса считался красой Пантикапеи, а юноша-сынъ заставлялъ сильнѣе биться женскія сердца.

Пора было выбрать для него достойную, и Ерги Пеарасъ, казалось, нашель одну.

По волѣ отца сынъ часто навѣщаль домъ купца изъ Кафы, но возвращался отъ невѣсты всегда задумчивый и печальный.

— Любовь, видно, такая госпожа, смѣялся старикъ, что если кто подчинится ей, она схватитъ за волосы и отведетъ на рынокъ невольниковъ. Вотъ и тебя тоже.

Не спорилъ сынъ, думая о той, которую любилъ.

Та, другая, жила въ дальней деревнѣ, куда сынъ Ерги Пеараса навѣщаль, чтобы купить пшеницу.

Морщинки уже побѣжали по ея лицу и голосъ не звучаль по дѣвичьи.

Но въ глазахъ жилъ веселый смѣхъ и каждое движеніе ея звало на радость.

И, встрѣтивъ ее, юноша почувствовалъ, какъ подернулись глаза пьянымъ туманомъ, и цѣпи любви, сильнѣе оковъ, обвили его, какъ преступника.

А она узнала слезы отъ счастья и горе отъ любви и поняла, что поздній призывъ жизни можетъ быть сильнѣе смерти.

— Кому, какъ не мнѣ, горевать, кому, какъ не мнѣ, тосковать; у веѣхъ подъ окномъ поють соловьи, но весна обошла мою дверь.

И думала о своемъ мальчикѣ, котораго отняли у нея въ давніе дни. И вспоминала рыбака-мужа, и ревнивый нравъ его, и жестокую расправу съ нею.

Его звали также Ерги, но, кромѣ рыбачьей ладьи, у него не было ничего другого, и жилъ онъ на побережьѣ Сугдеи, далеко отъ пантикапейскихъ береговъ.

Не дѣлилась женщина своею скорбной думой съ юношей, боялась затмить свѣтлую минуту встрѣчи.

И безъ того часто печалень былъ онъ, и слеза сбѣгала съ его глазъ.

И замѣчая это, она прижималась къ его устамъ въ замирающемъ поцѣлуѣ и, обвивая его станъ нѣжной рукою, напѣвала старую пѣсенку :

— Любовь безъ горя, любовь безъ слезъ,

То же, что море безъ бурь и грозъ.

А между тѣмъ отецъ торопилъ своего сына: корабль уже былъ готовъ, чтобы итти въ Кафу за невѣстой.

Ждали только попутнаго вѣтра—поднять паруса. И когда вѣтеръ зашумѣль отъ Камышь-буруна, Ерги Пеарасъ позваль сына.

— Пора выходить въ море.

Хотѣлъ сказать что-то сынъ, но увидѣлъ суровое лицо отца, и замерло его слово.

Къ ночи вышелъ корабль изъ гавани, и тогда слуга подалъ старику свитокъ.

— Тебѣ отъ сына.

Прочелъ Ерги Псарасъ.

Если бы ураганъ, который поднялся въ груди его, могъ вырваться на волю, онъ сравнялъ бы всю землю на пути отъ Пантикапеи до Кафы. И если бы свинецъ тучъ, нависшихъ надъ Митридатомъ, опустился на голову старика, онъ не показался бы болѣе тяжелымъ, чѣмъ правда, которую узналъ Ерги Псарасъ изъ письма сына.

— Пусть будетъ трижды проклято имя этой женщины. И лучше своей рукой убить сына, чѣмъ онъ станетъ мужемъ своей матери. Поднимай паруса, старый корабль, служи послѣднюю службу.

И Ерги Псарасъ кричалъ корабельщикамъ объ отчалѣ.

— Съ ума сошелъ старикъ, ворчали люди.

— Штормъ, какого не бывало, а корабль, какъ дырявое рѣшето.

Но звякнули поднятые якоря, и рванулось впередъ старое судно.

Какъ въ былые дни, самъ Ерги направлялъ его бѣгъ, и забыли оба, что одинъ дряхлѣе другого.

Гудѣлъ ураганъ. Ваметная волна захлестывала борта, отъ ударовъ ея трещалъ корабельный станъ.

— Въ трюмахъ течь, крикнулъ шкиперъ.

Вадрогнулъ Ерги, но, увидѣвъ впереди мачтовый огонь, велѣлъ только прибавить парусовъ.

Точно влетѣлъ на воздухъ его корабль, однимъ взмахомъ прорѣзалъ нѣсколько перекатовъ волны; вмѣстѣ съ бѣшеннымъ валомъ упалъ въ бездну, почти коснувшись морского дна и снова бросился на огромный, какъ гора, гребень.

И съ вершины его увидѣлъ Ерги Псарасъ, всего въ нѣсколькихъ локтяхъ отъ себя, корабль сына.

И былъ мигъ, когда оба корабля, ставъ рядомъ, коснулись бортами.

Бѣлая молнія разсѣкла черное небо, страшнымъ ударомъ расколола береговой утесъ, разбила край Опукъ-кая и обрушила его въ заливъ тысячью обломковъ.

Покрылся заливъ бѣлой пѣной, сквозь тучи пробился свѣтъ луны, и узналъ Ерги сына и женщину съ золотистыми волосами. Узналъ Ерги эти волосы и крикнулъ сыну, пересиливая ураганъ:

— Она твоя мать, будьте прокляты оба!

Налетѣлъ новый шкваль, уходившій гребнемъ къ небу, бросилъ

всѣхъ на дно развернувшейся пучины, и исчезли они навсегда въ морскихъ нѣдрахъ.

Такъ было.

Вѣрьте.

А на томъ мѣстѣ, гдѣ случилось, увидѣли люди потомъ двѣ скалы и приняли ихъ за корабли, догоняющіе другъ друга.

Пробѣгаютъ суда мимо этихъ скалъ, видятъ ихъ люди и принимаютъ попрежнему за корабли, а подойдя ближе, улыбаются своему обману.

И не знаютъ, что въ обманѣ—правда.

СТАРЫЙ ХРАМЪ.

(Керченская легенда).

Теперь старый керченскій храмъ ушелъ въ землю, сгорбился, какъ старикъ, который несетъ на плечахъ много лѣтъ.

Кругомъ выросли богатые, высокіе дома; грохочутъ фабрики; вытянулись, какъ шея жирафы, заводскія трубы. И среди нихъ затерялся старый храмъ; мало слышенъ, плохо виденъ. И все же не хочетъ перестать жить.

И, можетъ быть, переживетъ насъ, какъ пережили многихъ.

Керченскіе греки въ тишинѣ вечера любятъ слушать мелодичный звонъ его колоколовъ; они чтутъ его старыя святыни; поклоняются иконѣ, которая дошла отъ дней, когда впервые служилъ въ храмѣ пантикапейскій епископъ.

Объ этихъ дняхъ не забыли, хотя и прошли съ тѣхъ поръ многія сотни лѣтъ. Не забыли, потому что то, что случилось, бываетъ и теперь.

Говорятъ, въ ночь подъ великій праздникъ стояли тогда у амвона двѣнадцать братьевъ, и тысячная толпа христіанъ не знала, кто изъ нихъ прекраснѣй. Такъ красивы и стройны были все двѣнадцать, такую доблестью и отвагою дышали ихъ лица. И свѣтомъ чистой совѣсти.

Ибо исполненный долгъ даетъ ее людямъ, а братья построили храмъ Предтечѣ, какъ обѣщали матери.

— Помяни, Господи, душу ея въ царствѣ свѣта.

И епископъ, наклоняясь надъ престоломъ, поминалъ имя матери и не поминалъ двухъ другихъ: не былъ христіаниномъ отецъ, а имя безумной сестры не вѣщалось въ храмѣ.

Но скорбѣлъ о томъ престолослужитель и шепталъ трижды святую молитву, когда доносился жалобный стонъ отъ окна алтарной абсиды.

Сливался тотъ стонъ съ голосомъ декабрьскаго шторма, и было не по себѣ многимъ. Взививалъ ураганъ, чтобы заглушить стенанья мятущейся души, и вздрагивали бровью братья отъ боли и гнѣва.

Казалось, съ порывомъ бури проникалъ въ храмъ туманный образъ

сестры, въ струйкахъ кадилаго дыма вилея по колоннамъ и, не доходя до престола, угасаль въ мерцаньи догорающихъ лампадъ.

Чтобы облегчить сердце, братья думали о чистой душѣ матери, о свѣтломъ часѣ ея кончины.

Съ свѣтильникомъ въ рукѣ, прежде чѣмъ проститься съ земнымъ, завѣщала она дѣтямъ поднять надъ Пантикапесей крестъ.

— Во имя Крестителя.

И поклялись они сдѣлать такъ, и пока не воздвигнуть храма, забыть радости жизни и счастье ликующихъ грезъ.

Двѣнадцать братьевъ и сестра, чище которой не было въ мірѣ лиліи.

Нужны были годы вѣры и труда, чтобы исполнить обѣтъ. Съ именемъ Христа, камень за камнемъ, братья воздвигали стѣны. А сестра приносила имъ пищу, омывала раны и нѣжной заботой своей отражала душу матери.

Но на Митридатовой горѣ жилъ старый жрецъ, ненавидѣвшій христіанъ, и сынъ его, начальникъ Горной части, былъ послѣдователемъ отца.

Онъ былъ красивъ, точно самъ Аполлонъ вдохнулъ въ него часть своей красоты, и смѣлый взоръ его проникалъ въ сердце женщины.

Оттого братья боялись, чтобы не увидѣлъ онъ сестры, чище которой не было лиліи, какъ думали они.

Подходила работа къ концу, становилось радостнѣе на душѣ у братьевъ, и только скорбная тѣнь на лицѣ дѣвушки печалила ихъ.

— Все груститъ по матери.

Не знали, что случилось.

Въ лѣтнюю ночь, когда морекой заливъ горѣлъ въ брилліантахъ отраженій, сидѣла она на ступеняхъ Босфорскаго схода, глядѣла въ глубокое небо и говорила съ звѣздой.

— Гдѣ ты, мама?

И вздрогнула въ испугѣ и въ смущеніи, когда красавецъ юноша коснулся ея плеча.

Его длинныя кудри падали черными кольцами, и одно изъ нихъ коснулось ея лица. Коснувшись, обвѣяло чувствомъ жгучей ласки.

— Кто ты, зачѣмъ ты здѣсь?

Не отвѣтилъ на это юноша, или не поняла она его. Шопоть страсти, какъ туманъ, застилаетъ глаза; отъ него, какъ отъ сладкаго яда, замираетъ сердце.

— Уйди, я чужая тебѣ.

И дѣвушка вырвалась изъ его объятій.

Не сказала ничего на другой день братьямъ, только перестала ходить въ лѣтнюю ночь на ступени Босфорскаго схода, чтобы не встрѣтить больше дерзкаго.

Она ненавидѣла его и вспоминала его рѣчь, боясь позабыть хоть слово.
— Ты будешь моя, говорилъ онъ, и билось сердце отъ голоса власти.
— Оставь свою печаль, убѣждали братья, скоро поднимемъ крестъ; уже радуется свѣтлый духъ матери.

И отъ этихъ словъ еще тяжелѣй становилось на душѣ дѣвушки. Точно кто подломилъ цвѣтокъ, а люди, не замѣчая, говорили о жизни.

Часто не помнила она себя, и когда падалъ въ окно лунный свѣтъ, какъ блѣдный призракъ, тянулась къ нему. Былъ ли то сонъ, но казалось ей, что чернокудрый юноша опять обнимаетъ ее, жжетъ огнемъ холодныя уста, прижимаетъ къ себѣ, и оттого пугѣетъ сердце. И кто-то другой сталъ жить въ ней. И, думая объ этомъ, она не думала уже ни о чемъ больше.

Не спѣшила къ братьямъ, позабыла для нихъ слово ласки. И разъ совсѣмъ не пришла.

Удивились братья.

— Что могло помѣшать?

И, когда спустились сумерки, поспѣшили домой.

Было смутно на душѣ; какъ разсвѣтъ дня передъ казнью, коснулся ужасъ предчувствія.

Уже открылись землѣ свѣты ночи, когда братья подошли къ дому.

— Отчего не пришла накормить насъ? спросилъ старшій братъ, увидѣвъ сестру на порогѣ.

Молчала дѣвушка, безъ слезъ плакали глаза.

— Отчего не пришла?

Хотѣла отвѣтить, но мертвеннымъ шопотомъ шевелились уста.

Въ саду звякнулъ мечъ. Оглянулись туда.

Стройный юноша, у котораго змѣйками сбѣгали по плечамъ кольца черныхъ волосъ, укрылся въ тѣни платана.

— Сынъ жреца!

Тогда бросился къ дѣвушкѣ старшій братъ.

— Это онъ?

Словно упавшая одежда, беззвучно опустилась передъ нимъ дѣвушка.

— Анаема есто си!

И взмахомъ ноги онъ откинулъ ее далеко за порогъ.

Пролетѣлъ въ это время пыльный вихрь, подхватилъ лишнюю песчинку и унесъ къ морскому заливу.

Въ тотъ день, когда подняли надъ храмомъ крестъ, на церковной площади собрались все христіане города, а вдали отъ нихъ стояла кучка нехристіанъ, но не было среди нихъ сына жреца. Онъ навсегда ушелъ изъ города.

А вечеромъ, когда луна посеребрила поднятый крестъ, отъ залива надвинулся бѣлый туманъ, хотѣлъ коснуться креста, и унесся въ морскую даль.

Можетъ быть, то не былъ туманъ, а поднималась изъ пучины несчастная душа.

И когда, подъ великій праздникъ, въ храмъ служилъ впервые епископъ, это она носилась въ вихрѣ урагана вокругъ храма.

Прошло немного времени послѣ того, и на городъ напалъ отрядъ варваровъ.

Пантикапейцы храбро защищали свой городъ, и не мало юношей погибло у его стѣнъ. Погибли и двѣнадцать братьевъ строителей.

Ихъ похоронили въ общей могилѣ у храма и на память вѣкамъ прикрыли могилу плитой.

— Куфи автис іе и ги. Миръ имъ.

Миръ не сошелъ на могилу. Въ ночь подъ великій праздникъ прилетаетъ туда тѣнь сестры, бѣлымъ колеблющимся свѣтомъ приникаетъ къ изголовью могилы, которая уже не видна людямъ, и тогда плачетъ кто-то въ церковной оградѣ голосомъ безысходной тоски.

Но не вѣритъ народъ въ безысходность горя.

Есть слухъ, что долженъ вернуться юноша съ кольцами черныхъ волосъ.

Не тотъ, что загубилъ несчастную. Другой, сердце котораго поетъ свѣтлый канонъ. Онъ придетъ къ могилѣ, въ ночь подъ великій праздникъ, подниметъ тяжелую могильную плиту, чтобы мятущаяся тѣнь могла слиться съ тѣнью братьевъ.

Какъ никогда, сами собой зазвучатъ въ ту ночь колокола стараго храма.

И разнесутъ по землѣ мелодію мира и любви.

МЫСЬ ИЛЬИ.

(Феодосійская легенда).

Чѣмъ ближе къ Ильину дню, тѣмъ ниже нависаютъ облака, душнѣе становится воздухъ и чаще ночныя грозы.

А въ Ильинъ день затемнятся облака, забѣгають змѣи молній и трескомъ громовыхъ раскатовъ напомнить о себѣ пророкъ.

Бѣда попасть тогда въ море. Хорошо, если только сорветъ снасти. Иной разъ закружить судно, швырнетъ на скалу и щепками выброситъ у мыса Ильи.

Помолись, морякъ, на церковь пророка—не случилось-бы несчастья.

А видна та церковь съ большой дали, хотя и не велика она. Такая, какія строили въ давнія времена.

Въ тѣ времена, когда вѣрили въ Верхнюю силу и знали свою слабость передъ Нею. Хотя и были смѣлы, пожалуй, смѣлѣй, чѣмъ теперь.

Не выдумали люди, что Илья, сынъ Тамары, построившій церковь, въ открытое море ходилъ на дощанкѣ.

А когда сталъ богатымъ и завелъ свой корабль, въ самую страшную бурю не боялся оставить гавань и въ декабрьскій штормъ поднималъ паруса.

Но разъ случилось выйти подъ пророка Илью. Освирѣпѣло въ тотъ день море, озлились небеса и попрятались люди въ жилища. А Илья Тамара поднялъ сразу флакосъ и тринесту и бѣлой чайкой унесся въ волну.

Кто рискнулъ-бы сдѣлать это теперь? Развѣ сумасшедшій.

Далеко ушелъ Тамара въ море, не стало видно береговъ. Не зналъ онъ опасности и не вѣрилъ въ рыбацью сказку объ Ильѣ.

— И молнія, и громъ отъ облаковъ.

И когда подумалъ такъ, накатился на судно валъ выше мачты на много мѣрь.

— Васта темони, клади руль, крикнулъ Тамара рулевому, но оторвался руль, и понеслось судно по волѣ вѣтра къ береговой скалѣ.

Понялъ Илья, что близка гибель, и въ испуганной душѣ шевельнулось сомнѣніе, не караетъ-ли его пророкъ за невѣрье.

И въ ту-же минуту пронесся съ сѣвера на югъ громовой раскатъ, и надъ мысомъ, гдѣ теперь церковь Ильи, въ пламени и тысячахъ искръ опустилась огненная колесница.

— Илья! воскликнулъ Тамара, и подумалъ въ душѣ:—На томъ мѣстѣ, гдѣ видѣлъ его, построю ему церковь, хотя-бы пришлось для того продать корабль.

— Матим биетин, своей вѣрой клянусь въ томъ.

Не успѣла остыть эта мысль, какъ примолкла гроза и вѣтеръ съ берега погналъ волну въ море, а съ нею и Тамаринъ корабль.

— Васта темони, прозвучалъ надъ Тамарой чей-то грозный голосъ— и увидѣлъ себя Тамара стоящимъ у руля, который, подплывъ къ судну, сталъ на свое мѣсто.

Къ вечеру достигъ Тамара Сугдеи, сдалъ товаръ и, нагрузившись новымъ, вернулся въ Кафу.

Не рассказавъ, однако, никому о случившемся, пожалѣлъ продать корабль и рѣшилъ заработать прежде больше денегъ и тогда построить храмъ.

Сначала рѣшилъ такъ, но вскорѣ передумалъ.

— Не можетъ быть, чтобы все это случилось. Просто прикилось. Колокитья!

И, успокаивая себя такъ, онъ со временемъ забылъ о своей клятвѣ.

Все шло хорошо; за десятки лѣтъ ни одинъ изъ кораблей его не потерпѣлъ крушенія, и Илья Тамара сталъ богатѣйшимъ купцомъ Кафы.

Однако, въ душѣ, помимо воли, жило что-то, что напоминало о случаѣ въ молодыхъ годахъ. Не любилъ Тамара смотрѣть на гору, гдѣ было ему видѣніе, и избѣгалъ выходить въ море подъ Ильинъ день.

Но однажды, незадолго до этого дня, пришлось ему возвращаться отъ Амастридскихъ береговъ.

— Да будетъ благословенно имя Георгія, патрона той страны!

Попутный вѣтеръ рѣзко несъ корабль и вдали стали уже синѣть Таврскія горы.

И вдругъ сразу стихъ вѣтеръ, точно смело его съ моря, и корабль попалъ въ мертвый штиль.

Больше всего боялся его моряки, но наступалъ Ильинъ день, когда по всему Понту носится вѣтеръ, и Тамара спокойно лежалъ на кормѣ.

Онъ подчитывалъ барыши и, кончивъ подчеты, улыбнулся торговой удачѣ.

— Не нужно быть знатнымъ, не нужно быть ученымъ, чтобы хорошо жить. Нужно только быть умнѣе другихъ, чтобы пользоваться ихъ глупостью. Алю пулунде грамата, алю полите гноеие!

— Скверная мысль, сказалъ кто-то въ душѣ его,— и вдрогнулъ Тамара.

Поднялся съ ложа, посмотрѣлъ на берегъ. Оттуда медленно надвигались тучи, и зарница сверкала зловѣщимъ глазомъ.

Побѣжала по морю предвѣтренная рябь, за нею береговикъ погналъ волну.

Корабль поднялъ все паруса и взялъ носъ на востокъ, гдѣ была Кафа, но, попавъ въ странное теченіе, не могъ далеко уйти.

А вѣтеръ быстро крѣпчалъ, недобрымъ шумомъ гудѣло море, воздухъ шипѣлъ и свисталъ, завывая.

Не выдержала порыва главная мачта и обломилась.

— Плохо дѣло!

И въ послѣднемъ сумеречномъ свѣтѣ увидѣли гору, гдѣ когда-то случилось видѣніе.

Вспомнилъ о немъ Тамара и смутился духомъ. Настала темь, нельзя было видѣть своей руки; ливень заливалъ потоками палубу; волна

била черезъ борта и въ трюмахъ показалась течь. Истрепались въ клочья штормовые паруса; не слушался корабль руля, какъ гнилая нитка, оборвалась якорная цѣпь, когда нагнало корабль къ берегамъ и попытались бросить якорь.

— Одно чудо можетъ спасти!

И молили люди о чудѣ; умоляли Илью смягчить гнѣвъ; обѣщали весь первый уловъ отдать на свѣчу ему.

А Тамара упалъ на колѣни и въ сердцѣ своемъ поклялся исполнить, что обѣщаль когда-то въ своей юности.

Огненная молнія разѣкла небо, опалила воздухъ, озарила корабль и скалы, среди которыхъ онъ носился; въ послѣднемъ зигзагѣ скользнула по мачтѣ и загорѣлась сіяніемъ впереди судна.

Кто-то грозный и гнѣвный поднялъ надъ кораблемъ руку. Сверкаль молніями его взглядъ; въ бѣшенномъ порывѣ рвалась борода; готовы были открыться уста для гибельнаго слова.

— Элейсонъ имас, Кириѣ! Помилуй насъ!

Опустилась рука проклятія и указала погибавшимъ путь спасенія.

Въ сторонѣ зажглись кафекиѣ огни и... потухло сіяніе.

Какъ убитые, заснули дома корабельные. Не заснулъ только старикъ Тамара. Стоялъ у городского храма и шепталъ слова тропаря:

— Почитающихъ тебя, Илья, исцѣли.

Стоялъ всю ночь и утромъ нашли его тамъ-же. Не узнали его, такъ измѣнился онъ. Покоемъ величія дышало лицо и близостью Неба свѣтились глаза.

И когда черезъ годъ иконный мастеръ писалъ образъ пророка Ильи для новаго храма, который построилъ на горѣ Тамара, это съ него онъ списалъ ликъ пророка.

Оттого не видно гнѣва въ пророческихъ глазахъ и нѣтъ страха, когда смотришь на икону.

Умеръ Тамара большимъ старикомъ и подъ конецъ дней избѣгалъ говорить о пережитомъ, но люди читали объ этомъ въ чистомъ взорѣ его.

Ибо взоръ души человѣческой проникаетъ часто глубже, чѣмъ подсказываетъ рѣчь.

МАМАЕВА МОГИЛА.

(Старокрымская легенда).

Вмѣстѣ съ стужей несетъ сѣверный вѣтеръ снѣжный буранъ и окутываетъ бѣлымъ покровомъ старокрымскія вехолмья и поляны.

На лунномъ свѣтѣ играетъ искрами Мамаевъ курганъ, точно кто шевелится на его вершинѣ; а когда закружитъ снѣжный вихрь, кажется, будто поднимается большой бѣлый медвѣдь.

Съ полночи завоетъ вьюга и начнетъ медвѣдь свой бурливый ревъ; а какъ только первый свѣтъ различитъ бѣлую нить отъ черной, уйдетъ уваломъ съ Мамаева кургана.

И тогда изъ нѣдръ могильнаго холма слышно ржаніе коней и скрежетъ зубовъ и голосъ проклятій.

У подножія Мамаева кургана закрыта отъ вѣтра могила „азиса“, могила святого, того дервиша, который приходилъ къ Мамаю въ началѣ и концѣ его дней.

Въ началѣ, когда поднималась слава шахи-хана. Въ концѣ, когда закатилась его звѣзда.

Быль день и была ночь. И исполнилось то, что должно было быть. Въ золотомъ шатрѣ, въ кашемировомъ халатѣ, усеянномъ огнемъ

бриллиантовъ, сидѣлъ Мамай, когда увидѣлъ его дервишъ въ первый разъ въ далекой сѣверной степи.

Гордый своимъ гнѣвомъ шахи-ханъ отвернулся отъ улемовъ и мурзъ, которые склонились передъ нимъ въ трепетъ страха.

А дервишъ, въ отрепьяхъ, шелъ на востокъ поклониться священной Каабѣ.

Замѣтилъ его Мамай и приказалъ позвать.

— Ты исходилъ мѣрь. Скажи, какъ великъ онъ, и много-ли времени надо, чтобы покорить его?

— Мѣрь безпредѣленъ, отвѣчалъ дервишъ, — и безпредѣльно людское желаніе, но могуществу самаго сильнаго человѣка естъ предѣлъ.

Усмѣхнулся Мамай.

— Кажется, ты не знаешь, съ кѣмъ говоришь?

Но дервишъ не смутился.

— Даже великій повелитель—все же человѣкъ, ничтожный передъ Аллахомъ.

— Аллахъ на небѣ, разсердился Мамай, — и не вмѣшивается въ земныя дѣла. Оставь свои сказки для глупыхъ людей.

Покачалъ дервишъ головой.

— Жалко мнѣ тебя.

Слишкомъ дерзокъ былъ отвѣтъ, и сверкнулъ шахи-ханъ гнѣвомъ.

— Чтобы ты мнѣ больше не показывался на глаза. Иначе куски твоего тѣла я брошу на кормъ медвѣдямъ.

Поклонился дервишъ Мамаю.

— Буду помнить твои слова. Не забудь и ты.

И ушелъ.

Много странъ исходилъ послѣ этого дервишъ, много дней провелъ въ пути. Достигъ духомъ высокихъ ступеней и забылъ немощи тѣла.

Научился ничѣмъ не дорожить, и оттого, казалось, сталъ богатымъ, не боялся сильныхъ и сдѣлался тѣмъ сильнѣе ихъ.

И жалѣлъ Мамаю, хотѣвшаго покорить мѣрь.

Доходили о немъ слухи. Мамаевы войны — какъ рѣка; не сдержатъ ничѣмъ рѣки. И люди передъ Мамаемъ — какъ листья, которымъ пришла пора упасть.

— Забылъ Мамай, что смертенъ, какъ все, думалъ дервишъ.

И не удивился, когда узналъ, что погибло войско его и только съ немногими спасся онъ въ южныя степи.

— Если убьютъ — мѣрь не одѣнетъ печальныхъ одеждъ, никто не раздеретъ ворота у кафтана.

Но не настала еще часъ. Мамаю улыбнулось лицо Аллаха и успѣлъ онъ уйти въ предѣлы Кафы. Тамъ ему обѣщали приютъ.

Когда пришелъ туда дервишъ, на базарахъ и площадяхъ говорили о Мамаѣ и богатствахъ его, сокрытыхъ въ Шахъ-Мамаѣ въ подземельяхъ ханской ставки.

Будто долго Мамаевы рабы носили туда сундуки съ сокровищами и оружіемъ, и когда засыпали входъ, ханъ приказалъ умертвить ихъ, чтобы никто не зналъ, гдѣ зарыты его богатства.

А по ночамъ къ воротамъ Кафы подходили Мамаевы люди, чтобы посмотрѣть, бодрствуетъ-ли стража, и въ народѣ говорили, будто задумалъ Мамай завладѣть Кафой.

И въ самую темную ночь, когда снѣжная буря загнала всѣхъ въ жилища, у крѣпостной стѣны жалобно прокричала сова. И когда дважды повторился ея крикъ—Мамаевы люди бросились къ стѣнамъ крѣпости.

Но не спала крѣпостная стража и истребила всѣхъ нападавшихъ; всѣхъ, кромѣ одного, который кричалъ совой передъ нападеніемъ.

Избѣгъ Мамай смерти и скрылся въ тайникѣ водохранилищъ.

И когда, озябшій и голодный, онъ дрожалъ отъ страха смерти, кто-то пошевелился вблизи.

Окликнулъ Мамай и узналъ голосъ дервиша и молилъ спасти его.

— Ты вѣрно забылъ, что запретилъ мнѣ являться на глаза тебѣ, сказалъ дервишъ, вспомнивъ золотой шатеръ и гнѣвъ шахи-хана, и склоненныхъ передъ нимъ улемовъ и мурзъ.

Содрогнулось отъ униженія сердце Мамаю, но, пересиливъ себя, онъ отвѣтилъ:

— Тогда тебѣ говорилъ повелитель, а теперь проситъ иззябшій, голодный человекъ.

И исполнилъ дервишъ, о чемъ просилъ его Мамай, — вывелъ за городъ по канавѣ для стока горныхъ водъ.

Еще не наступилъ разсвѣтъ, когда подошли къ дорогѣ на ханскую ставку.

Чудилась Мамаю погоня за нимъ, говорилъ онъ дервишу:

— Ускорь шаги, слышны голоса. Догонять—убьютъ.

Но вѣтеръ донесъ изъ деревни предутренній крикъ пѣтуха, и дервишъ остановился, чтобы совершить намазъ.

— Нашелъ время молиться, — закричалъ на него Мамай, и хотѣлъ идти дальше одинъ, но не зналъ хорошо дороги и боялся заблудиться.

Взглянулъ на него дервишъ. На раннемъ утреннемъ свѣтѣ казалось мертвеннымъ лицо Мамаю, и пожалѣлъ онъ его.

— Моли пророка послать миръ твоей душѣ.

И дервишъ говорилъ о томъ, какъ непрочно величіе людей и какъ безумно стремленіе къ нему.

И словами своими сталъ онъ ненавистенъ Мамаю, и не могъ Мамай терпѣть больше униженія передъ нимъ.

— Глупый рабъ, я вырвалъ-бы твой языкъ, если бы было время.

И, выхвативъ ножъ, онъ всадилъ его въ горло дервиша, а чтобы не узнала его погоня, сорвалъ съ убитаго одежду и надѣлъ ее на себя.

А съ бугра несло нѣсколько всадниковъ, и передовой, замѣтивъ бѣгущаго въ отрепьяхъ человекъ, принялъ его за бѣглаго раба. И когда бѣжавшій не остановился на его окрикъ, онъ размозжилъ ему палицей голову.

А на утро шахмамайцы нашли оба трупа, одинъ вблизи другого, и похоронили ихъ тамъ, гдѣ нашли.

Но, проникнутые покорностью къ повелителю, насыпали надъ нимъ высокій курганъ, чтобы люди не могли потревожить царскаго праха.

И сохранился Мамаевъ курганъ до нашихъ дней, а рядомъ съ нимъ — могила азиса.

Въ зимнюю непогоду, когда сѣверный вѣтеръ нагонитъ снѣжный буранъ, лучше не ходите мимо кургана.

Можетъ напугать злой медвѣжьей ревъ и похолодѣетъ сердце отъ Мамаева стога.

СОЛДАТКИНЪ МОСТЪ

(Старокрымская легенда).

Теперь пройти ночью не страшно, кругомъ застроено. А раньше былъ пустырь и надъ обрывомъ стояла кузня, а въ кузнѣ жилъ цыганъ-кузнецъ.

Биль молотомъ кузнецъ по наковальнѣ, летѣли въ стороны искры. Скалилъ зубы цыганъ, хохоталъ.

— Хватить по головѣ, мозги, какъ искры, разлетятся.

— А, чтобъ тебѣ! — говорили люди и избѣгали безъ надобности ходить къ кузнецу.

Неподалеку жила молодая солдатка. Мужъ ушелъ на войну въ Туретчину, и два года не было вѣсти о немъ.

— Вѣрно, убили, а не то — такъ просто померъ.

Приглянулась солдатка цыгану, сталъ онъ къ ней захаживать. Когда орѣховъ, когда чего другого носилъ.

Уклонялась солдатка отъ ласки и не хотѣла, чтобы цыганъ вовсе пересталъ ходить къ ней.

Вертѣлась, вертѣлась и забеременѣла.

— Что будемъ дѣлать, если солдатъ вернется? — боялась солдатка.

А цыганъ хохоталъ:

— Ребенка подь мость—и концы въ воду. Чего, дура, робѣешь.

И пришло время родить. Мучилась, мучилась солдатка и родила дочечку.

Бѣленькую, не на цыгана, на солдата похожую.

— Не моя дочь,—вѣрно, съ кѣмъ сблудила.

Толкнулъ женщину ногой и унесъ дѣвочку къ мосту; привязалъ къ ней камень и швырнулъ въ мѣсто поглубже.

И ударили въ это время въ ночной пасхальный колоколь.

Вскрикнуло дитя и замолкло.

— Куда ты дѣвалъ дѣвочку, допытывалась солдатка. — Хоть бы покрестили ее, нехристь ты этакій!

— Покрестилъ самъ ее, хохоталъ злѣе прежняго цыганъ.

Недолго пожила солдатка и померла; все хотѣла позвать свою дочечку, но не знала, какъ позвать, потому что не было у нея христіанскаго имени.

Прошло много лѣтъ. Изъ молодого цыганъ старымъ сталъ, и такимъ неприятнымъ, что не дай Богъ на ночь ветрѣтиться. Не заснешь потомъ.

Въ народѣ дурно говорили о немъ. Было много обидъ всякихъ. И одинъ парень не стерпѣлъ, хватилъ его молотомъ по головѣ и разлетѣлись мозги, какъ искры отъ наковальни.

А вскорѣ развалилась и цыганская кузня.

Судили парня и засадили въ острогъ. Но въ ночь подъ Пасху за-
вѣвался надзиратель, и убѣжалъ парень изъ острога.

Убѣжалъ и спрятался подъ мостъ.

Искали—не нашли.

— Убѣжалъ, видно, въ горы.

Лежить парень подъ мостомъ и слышитъ, какъ ударилъ пасхальный
колоколь.

Перекрестился парень.

— Христосъ воскрес!

И почудилось ему, будто изъ тины за мостомъ кто то отвѣтилъ:

— Во истину.

Примолкнулъ парень, боялся шевельнуться. Стихнулъ вѣтеръ, вы-
глянула изъ за тучъ луна, освѣтила мѣстность.

И увидѣлъ парень, какъ вмѣстѣ съ туманомъ поднялась отъ ручья
дѣвушка въ бѣломъ и потянулась къ нему.

— Кузнецова дочь я, имени нѣтъ у меня, потому что некрещенной
бросили. Мучусь я. Похристосуйся со мной, и помру я тогда христиан-
кой. Такъ сказано мнѣ.

Поднялись у парня волосы дыбомъ, и бросился онъ бѣжать отъ
моста. И сколько времени бѣжалъ—не помнилъ, и куда бѣжалъ—не
сообразалъ.

Очнулся въ острожной больницѣ, рассказалъ все, что случилось
съ нимъ. Только никто не повѣрилъ, а за побѣгъ дали ему сто плетей.

Однако, хоть не повѣрили, все же стали говорить одинъ другому
о некрещенной дочери солдатской, и подъ слѣдующую Пасху никто не
пошелъ черезъ мостъ.

Разговѣлся острожный надзиратель и сталъ хвастать, что поидеть
на мостъ и ничего съ нимъ не случится.

И пошелъ.

Идетъ, а у самого сердце бьется. Кто шелъ позади—поотсталъ,
а впереди собака воетъ, и пасхальный звонъ похороннымъ кажется.

Сталъ подходить къ мосту: не мостъ, а снѣжная бѣлизна.

Присмотрѣлся и видитъ—красавица стоитъ, волосы длинные рас-
пущены.

Стоитъ въ одной рубахѣ, дрожить, руки впередъ простираетъ.

— Пошли, говорить, ко мнѣ такого, чтобы еще ни съ кѣмъ не по-
христосовался. Похристосуется со мной, помру христианкой, и мать на
мѣсто въ гробу ляжетъ.

Не слушалъ дальше надзиратель, убѣжалъ къ себѣ въ острогъ и
со страха заперъ самъ себя въ одиночную.

И съ тѣхъ поръ стало всемъ извѣстно, что каждый годъ въ пасхальную

полночь ищетъ дѣвушка у моста, чтобы ктонибудь похристосовался съ нею, съ первой. И не можетъ найти такого храбраго, чтобы не боялся спасти ее, хотя бы пришлось самому умереть.

Застроился городъ; кругомъ моста стали дома. Живутъ въ нихъ новые люди и не знаютъ, что случилось нѣкогда у моста.

Только одна старуха помнить, какъ рассказывала ей о несчастной солдатской дочкѣ бабка ея и будто бы, рассказывая, добавляла:

— Все же дождалась несчастенькая. Вернулась съ чужбины душа солдатская, возвратился старый солдатъ взглянуть на свои мѣста. Подъ Пасху, въ самую полночь вступилъ онъ на мостъ.

Бросилась къ нему дѣвушка и рассказала все.

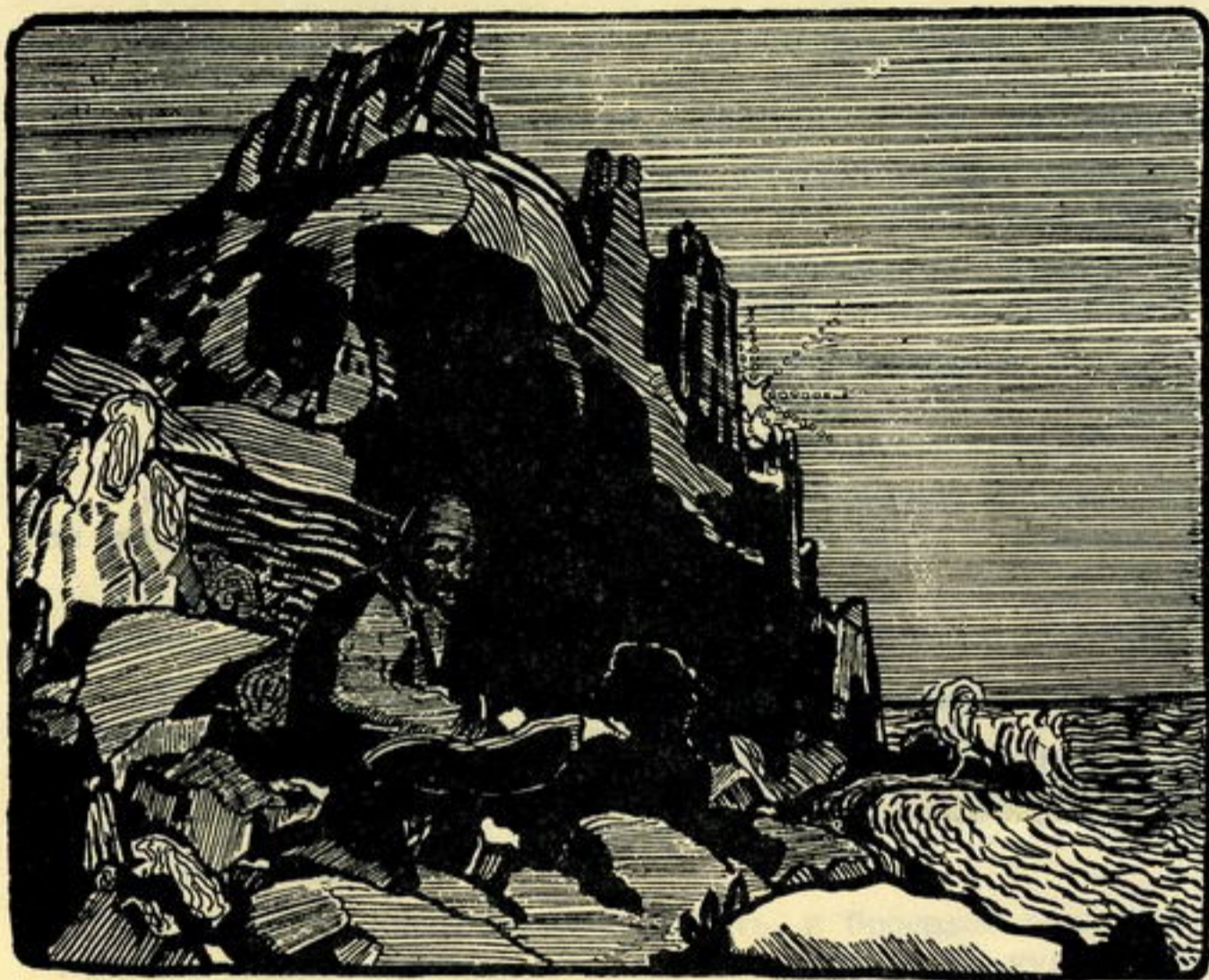
Не смутилась душа солдатская. Храбрость съ жалостью въ ней вмѣстѣ жила.

— Христосъ воскресъ!

И трижды похристосовался солдатъ съ дочкой солдатской.

И успокоились оба на вѣки.

КАРАДАГСКІЙ ЗВОНЪ

(Отузская легенда).

Капитани Яни лежить у костра, смотритъ на гору.

— Какъ камбала, капитани Яни?

— А, чатра-патра... Плохо, неплохо! Куда идешь?

— Въ Карадагъ. Тамъ, говорятъ, въ сегодняшнюю ночь слышенъ звонъ.

— Знаеъ нэ аллоеъ охи. Одинъ слышитъ, другой—нѣтъ.

— Откуда звонъ? Изъ Кизильташа?

Капитани Яни отворачивается, что-то шепчетъ.

— Оттуда,—показываетъ онъ на море. Можетъ быть, даже изъ Стамбула.

Мы нѣкоторое время молчимъ, и я смотрю на Карадагъ.

Отвѣсными спадами и пропастями надвинулся Карадагъ на берегъ моря, точно хотѣлъ задавить его своею громадой и засыпать тысячью подводныхъ скалъ и камней.

Какъ разъяренная, бросается волна къ подножью горнаго великана,

бѣлой пѣной вздымается на прибрежныя скалы и въ безсиліи проникнуть въ жилище земли сбѣгаетъ въ морскія пучины.

Капитани Яни подбрасываетъ въ костеръ сушняку и крутитъ папиреску.

Я ложусь на песокъ рядомъ съ нимъ.

— А ты самъ слышалъ?

— Когда слышалъ, когда нѣтъ.

Темнѣетъ. Черной дымкой подернулея Отузскій заливъ; черной мантией укрываетъ Карадагъ глубины своихъ пропастей.

Капитани Яни медленно говоритъ, вставляя въ рѣчь греческія слова, и я слушаю подъ шумъ прибоя разсказъ стараго рыбака.

Слушаю о томъ, какъ подъ Карадагомъ былъ нѣкогда городъ, и въ заливъ входили большіе корабли изъ далекихъ странъ.

— Хроня, хроня! Какъ бѣжитъ время.

И, какъ тамъ, гдѣ ползетъ желтый шиповникъ, былъ прежде монастырь.

Бѣдный монастырь; такой бѣдный, что не на что было купить колоколовъ.

— Какомири! Какомири! Бѣдняки были.

Тогда въ Судакѣ жилъ Стефанъ.

— Агіос Стефанос.

И просили монахи святого Стефана помочь имъ, но былъ бѣдень Стефанъ и не могъ помочь.

Былъ бѣдень, но смѣлъ, не боялся сказать правду даже знатнымъ и богатымъ.

Не любили его за это царь и правители и вызвали на судъ въ ис тин Полин, въ Стамбуль.

Въ самую пасхальную ночь увозили его на кораблѣ. Плылъ корабль мимо Карадага, и вспомнилъ святой монаховъ. Вспомнилъ и сталъ благословлять монастырь.

А въ монастырь къ заутрени прибылъ изъ города Анастас астимос, Анастасъ правитель.

Знали и боялись Анастаса на сто верстъ кругомъ.

— Фоверос антропос! Никому не давалъ пощады.

Въ тѣ времена въ странѣ былъ обычай—кто подъ Пасху оставался въ тюрьмѣ—того отпускали на свободу.

Не хотѣлъ Анастасъ исполнить обычай, велѣлъ потуже набить колодки заключеннымъ.

— Ти антропос! Вотъ былъ человѣкъ!

Узналъ объ этомъ игумень и не велѣлъ начинать службы.

— Ти трехи? Въ чемъ дѣло, спрашивалъ Анастасъ монаховъ.

Боялись монахи сказать, но все-же сказали.

— Охъ, строгій игумень. Не начнетъ,—если сказаль. Отпусти людей изъ тюрьмы.

Вскипѣль гнѣвомъ Анастасъ, схватился за мечъ.

— Нейдетъ въ церковь, такъ самъ пойду за нимъ.

Выше церкви было кладбище. Еще теперь можно найти могилы.

Только подошелъ астимось къ кладбищу—зашевелились могильныя плиты.

Отшатнулся Анастасъ, опустилъ мечъ; отнялись у него ноги; не могъ идти дальше.

— Анастаси каме! Анастасъ, сдѣлай — сказаль чей-то голосъ.

Можетъ быть, было не такъ, но такъ говорятъ.

— Піос ксѣври! Кто знаетъ!

Подошелъ къ Анастасу игумень, упаль предъ нимъ Анастасъ, обѣщаль сдѣлать по обычаю.

Открыль игумень церковную дверь и запѣли монахи.

— Христос анести ек некрон.

Дошелъ голосъ ихъ до Стефана и отвѣтилъ онъ:

— Алиѳос анести. Воистину воскресе!

Но не услышали монахи, а по молитвѣ святого донесея до нихъ откуда-то перезвонъ колоколовъ.

— Тавма! Чудо случилось, и объяснилъ игумень людямъ это чудо.

Съ тѣхъ поръ, сколько ни прошло лѣтъ, всегда въ ночь на Пасху слышенъ въ Карадагѣ Стефановъ звонъ.

Точно издалека приходитъ, точно въ даль уходитъ.

Догорѣль костеръ; замолчалъ старый рыбакъ.

Должно быть, пришла полночь. Сейчасъ зазвонятъ. Прислушался капитани Яни.

— Акусъ?—ты слышишь?

И мнѣ показалось, что слышу.

ЯЛЫБОГАЗСКІЙ КАМЕНЬ

(Отузская легенда).

Донеслась изъ ущелья дѣвичья пѣсня, высокой нотой прорѣзала воздухъ, на мгновенье оборвалась и тутъ же, подхваченная многими голосами, развернулась по долину.

Это дѣвушки спѣшатъ домой, покончивъ съ укладкой винограда; спѣшатъ, точно быстро набѣгающія сумерки подгоняютъ ихъ.

И пугливо оглядываются на заколоченный домъ, о которомъ рассказываютъ въ народѣ страшное. Одинокій домъ въ самомъ горлѣ ущелья, гдѣ не помятъ, чтобы кто нибудь жилъ.

Торопитесь пройти поскорѣе это мѣсто одна отставшая и, роняя изъ платка виноградную кисть, бѣгомъ догоняетъ подругъ.

Не бойся, милая дѣвушка, никто не тронетъ тебя; давно перестали пугать людей говорящіе духи Ялы-Богаза, — съ тѣхъ поръ, какъ съ приходомъ новыхъ людей позабылась старая сказка; и одноглазый великанъ, бросавшій глыбами скаль въ проходящихъ по ущелью, не ветанетъ изъ могилы.

Вмѣстѣ съ сѣрой скалой разбили эту могилу на мелкіе камни, чтобы свезти въ низину, гдѣ въ зеленыхъ садахъ бѣлѣютъ хорошенькіе домики.

Иди, дѣвушка, спокойно. Дома уже дымится въ каганкѣ ужинъ, вкусный ужинъ послѣ трудового дня. И если теплая ночь пересилитъ сонную усталъ, ты прильнешь потомъ къ колѣнямъ бабушки Ирины, и расскажетъ тебѣ старуха сказку о великанѣ, о томъ самомъ, что жилъ когда то въ Ялы-Богазѣ.

Глядя на свѣтлыя звѣзды, ты не дослушаешь до конца. Изъ за высокихъ тополей покажется темный великанъ, блеснетъ горящимъ глазомъ, протянетъ къ тебѣ руки и, не доставъ дѣвичьей косы, уйдетъ въ туманы долины.

Вмѣстѣ съ ними потянется къ Ялы-Богазу, посмотрѣтъ, на мѣстѣ ли камень со слѣдами шести пальцевъ его руки.

Тверже камня и стали были они, какъ сила, которую онъ носилъ. Изъ всѣхъ тополей самый высокій не достигалъ его плеча, и морская волна въ зимнюю бурю не могла заглушить его голоса.

Боялись великана люди и когда слышали его ревъ отъ Ялы-Богаза, спѣшили выгнать ему овцу или быка, чтобы успокоить гнѣвъ.

А велѣдъ за спадомъ листа, въ наступающій мѣсяцъ свадебъ, хотѣлъ великанъ большей жертвы.

Тогда дрожали окна отъ его рева и потухалъ огонь въ очагѣ. Тогда напуганные люди выбирали одну изъ дѣвушекъ, уводили ее въ Ялы-Богазъ и оставляли связанной на высокой скалѣ, чтобы великанъ могъ легче взять ее.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше терпѣли отъ него люди, не зная, какъ избавиться

Но, чтобы уйти отъ бѣды, мало только терпѣть. Нашелся, кто подумалъ такъ. Нашелся смѣлый, какъ орелъ, который не боится людей, какъ бы высоко они ни поднялись.

— Препи на тон скотосо! Нужно убить.

Посмѣялись надъ нимъ въ деревнѣ.

— Онъ—какъ гора, а ты, какъ мышь передъ нимъ.

И, чтобы посмѣяться до конца, отправили его къ великану, въ мѣсяцъ свадебъ.

— Иди, если смѣлъ не на словахъ только.

Солнце зашло за Ечки-дагъ, и отъ Кара-дага показался вехожій мѣсяцъ, а юноша не дошелъ еще до Легенерь-Кая, гдѣ ночевалъ великанъ.

Остановился онъ на одной изъ скалъ отдохнуть, оглянулся на долину.

Серебрились на мѣсяцѣ тополя, серебристой чешуей покрылось море. Стихъ вѣтеръ, смолкли голоса Ялы-Богаза, въ деревнѣ зажглись огни.

— Хорошо у насъ въ долинѣ, подумалъ юноша, — но лучше не жить, чѣмъ сносить гнѣвъ. Скоро нужна будетъ новая жертва; можетъ быть, отдадутъ мою Эльбисъ.

Вспомнилъ юноша свою Эльбисъ и запѣлъ любовную пѣсню.

— Любовь — это птичка весны;

Пришла ей пора прилетѣть,

Послали арабченка въ пустыню,

Послали узнать у гречанки,

Какъ ловится эта птичка весны.

Сказала старуха гречанка:

Глазами ловятъ птичку — любовь;

Глазами поймашь — сама

Упадетъ потомъ на уста,

А съ усть не замедлить, играясь,

Проникнуть и въ сердце.

Ха, ха.

— Проникнуть и въ сердце...

— Проникла уже, подумалъ юноша и услышалъ каменный голосъ:

— „Ха, ха“, поешь-пой, лучше пой, чтобы и со мной случилось такъ, какъ поешь.

Подумалъ юноша. Улыбнувшись своей мысли, обѣщавъ помочь.

— Жди завтра. Приведу свою Эльбись.

И на завтра привелъ свою Эльбись, красавицу Эльбись, лучше которой не было въ деревнѣ.

Великанъ отдыхалъ у скалы и казался горой, которая шевелилась. Оттого дѣвушка стало жутко.

Но, взглянувъ на юношу, она забыла страхъ.

— Посмотри — нравлюсь ли я тебѣ, крикнула дѣвушка. Если нравлюсь — открой пошире глазъ, и я пошлю тебѣ мою птичку любовь.

И открылъ свой единственный глазъ великанъ, и пустила дѣвушка въ него каменную стрѣлу съ отравой.

Взвылъ отъ боли великанъ, затрясся отъ воя его воздухъ, громовымъ перекатомъ понеслось по горамъ эхо. Хотѣлъ броситься къ дѣвухѣ, но, ослѣпнувъ, оступился и сталъ кататься по землѣ; затряслась земля, и сама собой вырылась подъ нимъ въ скалѣ могила. И въ минуту послѣдняго гнѣва сталъ швырять онъ во все стороны глыбами скалъ. И одна такая глыба упала въ Ялы-Богазѣ во дворъ заколоченнаго дома, гдѣ лежитъ и теперь со слѣдами шести пальцевъ руки великана.

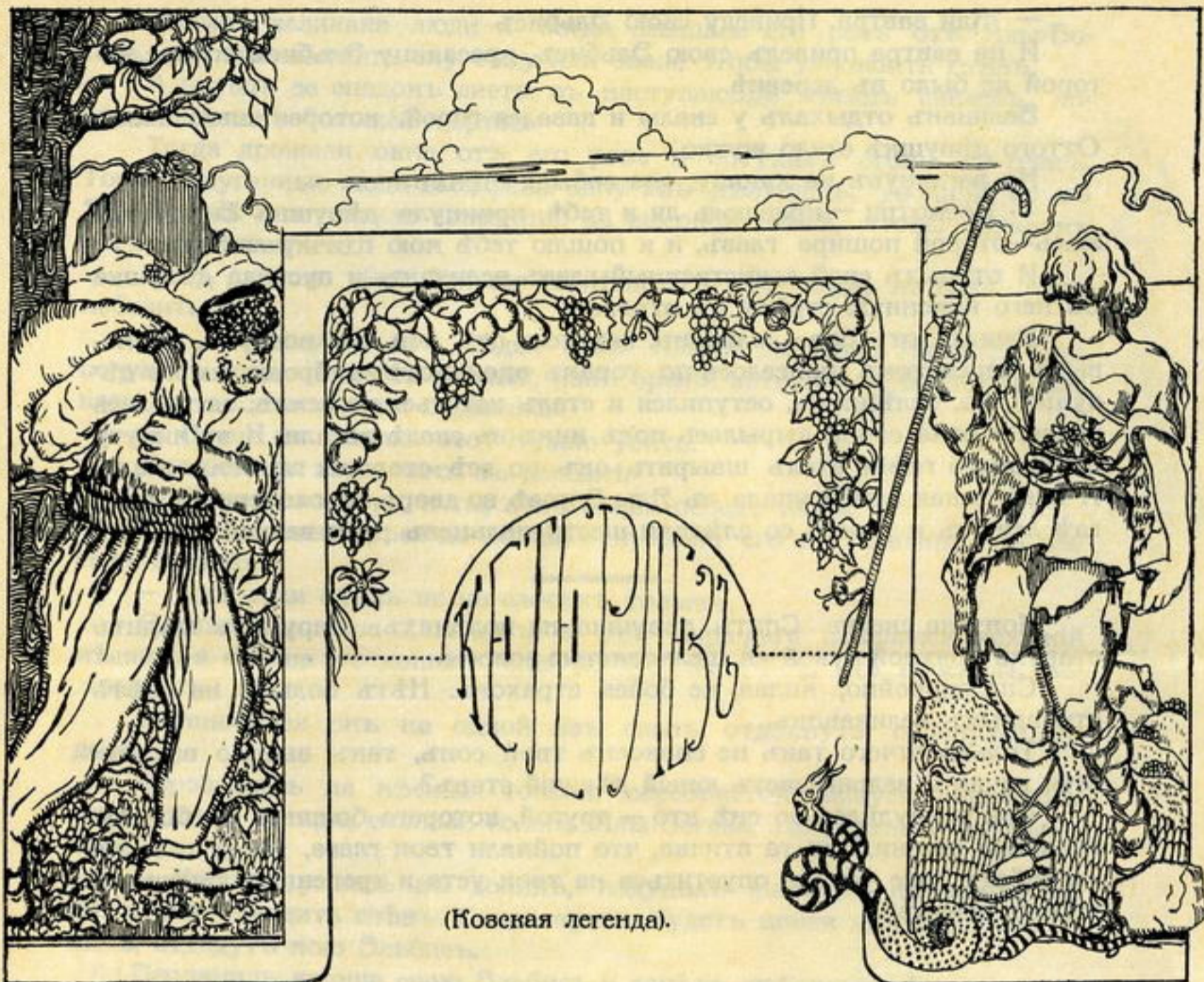
Кончена сказка. Спитъ дѣвушка на колѣняхъ старухи, и гладитъ старуха дряхлой рукой ея шелковиетые волосы.

Спи спокойно, милая, не бойся страховъ. Нѣтъ больше на свѣтѣ страшныхъ великановъ.

Только отчего такъ не спокоенъ твой сонъ, такъ высоко вздымается грудь и вздрагиваетъ юный дѣвичій станъ?

Или причудился во снѣ кто — другой, котораго боишься ты больше великана сказки, или та птичка, что поймали твои глаза, когда шла ты на работу, уже успѣла опуститься на твои уста и трепещетъ теперь въ твоемъ сердцѣ?

(Ковская легенда).

Кетерлезъ омыль лицо водой, посмотрѣль въ ручей.

— Сколько лѣтъ прошло, опять молодой. Какъ земля,—каждый годъ старой засыпаетъ, молодой просыпается.

Посмотрѣль вокругъ. Синимъ стало небо, зеленымъ лѣсъ; въ ручьѣ каждый камышекъ виденъ.

— Кажется, не опоздалъ, подумалъ Кетерлезъ и сталъ подниматься въ гору.

У горы паслась отара. Блеяли молодые барашки, къ себѣ звали Кетерлеза.

— Отчего въ этотъ день коней, воловъ не трогаютъ, не запрягаютъ, а насъ на шашлыкъ берутъ? остановились, спрашивая, овцы.

Подогналъ ихъ чабанъ:—Нечего даромъ стоять.

По тропинкѣ ползла змѣя.

— Кетерлезъ вѣрно близко, подумаль пастухъ.

— Когда Кетерлезъ молодымъ былъ, съ коня змѣю копьемъ убилъ. Съ тѣхъ поръ, когда онъ идетъ, всегда змѣя отъ него убѣгаетъ.

Подняль чобанъ камень, чтобы убить змѣю. Крикнуль ему Кетерлезъ:

— Лучше ложь въ себѣ убей, чѣмъ змѣю на дорогѣ.

Не коснулось слово сердца чабана, и убилъ онъ змѣю.

— Хорошо вышло, Кетерлезъ будетъ очень доволенъ.

Вадохнуль Кетерлезъ; посмотрѣль внизъ.

Внизу, по садамъ, подъ деревьями, сидѣли люди, готовили на шашлыкъ молодого барашка.

— Ай, вкусный будетъ, когда придетъ Кетерлезъ, есть чѣмъ угостить.

— Можеть быть прежде ходилъ, теперъ больше не ходить, сказаль одинъ.

Засмѣялся другой.

— Нашъ Хабибула крѣпко его ожидаетъ. Думаетъ, покажетъ ему ночью Кетерлезъ золото; богатымъ будетъ.

Сидѣль Хабибула на утесѣ, молчалъ.

— Отчего молчишь, Хабибула? Старымъ сталъ, прежде всегда хорошую пѣсню пѣль.

И запѣль Хабибула:

— Ждемъ тебя, Кетерлезъ ждемъ; прилети, Кетерлезъ, къ намъ сегодня; принеси на свѣтлыхъ струяхъ; заиграй музыка сердца. Чал, чал, чал...

Прилушался Кетерлезъ, подумаль:

— Вотъ золота ищетъ человекъ, а золото—каждое слово его.

Протянуль руки къ солнцу. Брызнули на землю лучи. Сверкнуль золотомъ мѣсяцъ на минаретѣ.

Пѣль Хабибула:

— Золотой день пришелъ къ бѣдняку, — Кетерлезъ не обидить людей... Чал, чал, чал...

Пѣль и вдругъ затихъ.

Не любить его Кэтыджэ, хотъ говорить иногда, что любить. Нужень ей другой, нужень молодой, богатый нужень.

— Богатый—значитъ умный, говоритъ она.—Былъ первый мужъ богатъ—хочу, чтобы второй еще богаче былъ. Все сдѣлаю тогда, все будетъ въ рукахъ.

Смотритъ Хабибула впередъ, не видитъ—что близко; что далеко—видитъ, гдѣ другіе не видятъ. Ищетъ глазами Кетерлеза среди горъ и лѣса. Вѣритъ, что придетъ онъ. Обѣщаетъ поставить ему на старомъ камнѣ свѣчу изъ воска, баль-муму.

Понялъ Кетерлезъ, чего хочетъ Хабибула, покачалъ головой.

— Тѣ, что пьютъ и ѣдятъ по садамъ, счастливѣе этого.

Пили и ѣли люди по садамъ, забыли о Хабибулѣ и Кетерлезѣ.

Не замѣтили, какъ пришла ночь. Зажегъ Хабибула на старомъ камнѣ свѣчу, ждетъ Кетерлеза.

Долго ждетъ.

Поднялась золотая луна; услышалъ шорохъ въ кустахъ; замѣтилъ, какъ шевельнулись вѣтки, какъ освѣтилъ ихъ дальній огонь.

— Ты хотѣлъ меня, сказалъ голосъ.—Вотъ я пришелъ. Знаю зачѣмъ звалъ. Молодымъ былъ, только пѣню любилъ, старымъ сталъ—женщину хочешь. Для нея золото ищешь.

— Для нея, сказалъ самъ себѣ Хабибула.

— Слышишь, Хабибула, какъ шумитъ ручей, молодой ручей; какъ колышется трава, свѣжая трава. Только старѣй ты—не услышишь завтра.

— Слышишь, какъ твое сердце бьется, хочетъ поспѣть за другимъ, молодымъ. Не успѣетъ только.

— Имѣлъ въ себѣ золото ты, было легкимъ оно. Изъ земли захотѣлъ. А поднимешь?

Не слушалъ дальше Хабибула; бросился въ кусты, откуда былъ свѣтъ.

— Не опоздать бы.

Бѣжалъ къ свѣту по лѣсу, рвалъ о карагачъ одежду, изранилъ себя.

— Теперь близко. Слышалъ самъ голосъ Кетерлеза. Въ двухъ шагахъ всего.

И увидѣлъ Хабибула, какъ подъ однимъ, другимъ и третьимъ кустомъ загорѣлись въ огнѣ груды золота.

Подбѣжалъ къ нимъ; бралъ руками горящіе куски, спѣшилъ спрятать у себя на груди. Плакалъ отъ радости и страха, звалъ прекрасную Кэтыджэ.

Тяжело было нести. Подкашивались ноги, не помнилъ, какъ добрался до деревни.

Не было даже силъ постучать къ Кэтыджэ. Упалъ у порога.

— Кетерлезъ далъ много золота. Все твое. Принесъ тебѣ, моя чудная.

Шли тихо слова, не доходили до Кэтыджэ. Спала крѣпко она, обнявъ руками другого.

Не нуженъ ей больше Хабибула.

И умеръ Хабибула.

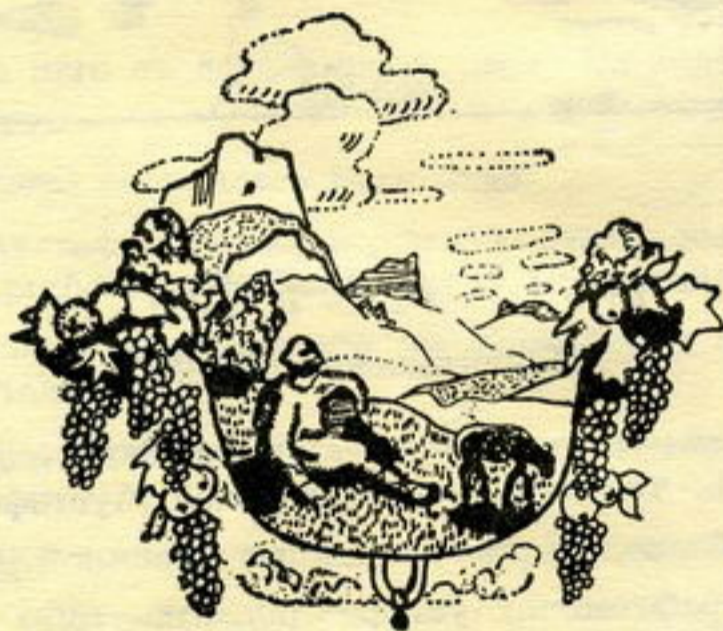
Хабибула — ольдю.

Можетъ быть, лучше, что умеръ, не взявъ въ руки прекраснаго.

Если бы взялъ, можетъ быть оно перестало бы быть такимъ. Кто знаетъ.

Уходилъ Кетерлезъ изъ тѣхъ мѣстъ, думалъ:

— Ушелъ съ земли Хабибула — пѣвецъ, ничего, придетъ на его мѣсто другой. Пройдетъ одно лѣто, придетъ другое. Оттого никогда не умретъ Кетерлезъ.

КАРАСЕВДА

(Таракташская легенда).

— Облако, если ты летишь на юг, пролети надъ моей деревней, скажи Гюль-Безвъ, что скоро вернется домой Мустафа Чалашъ.

Пролетѣло облако, не стало видно за тюремной рѣшеткой.

Цѣлую ночь работаетъ Мустафа Чалашъ, чтобы разбить кандалы. Только „не тамъ ломится желѣзо, гдѣ его пилать“.

— Демир егелеген ерден копалмаз.

Лучше не спѣши домой, Мустафа. Подкралась Карасевда, черная кошка и ходить близко отъ твоего дома.

Но бѣжалъ Мустафа Чалашъ изъ тюрьмы и скрылся туда, гдѣ си-нѣють горы.

Долго шель лѣсомъ и зналъ, что недалеко уже Таракташъ, да трудно идти въ гору, усталъ.

А позади звенить колокольчикъ, догоняетъ,—ѣдетъ становой.

Спустился Мустафа Чалашъ въ Девленъ-дере, Пропалую балку, какъ зовутъ ее отузскіе татары.

Если нападаетъ на кого Карасевда, непременно придетъ сюда, чтобы повѣситься.

Легъ Мустафа Чалашъ подъ дерево. Вѣтра нѣтъ, а каждый листъ дрожить, шевелится, говоритъ что-то.

Можетъ быть, что осень пришла; можетъ быть жалѣетъ человѣка, который пришелъ сюда.

Было жарко. Закрывъ глаза Мустафа Чалашъ и пришелъ къ нему странный сонъ.

Сидитъ, будто, старый козекій Аджи-Муратъ у себя передъ домомъ, пьетъ холодную бузу, ждетъ невѣсту. ѣдетъ свадебный мугудекъ и четыре джигита держатъ надъ нимъ на сурекахъ шелковую ткань.

Остановился мугудекъ. Бросилъ Аджи-Муратъ джигитамъ по монетѣ. Опустели джигиты золотые суреки, крикнули: айда! Подхватилъ на руки ткань невѣстинъ дядя, завернулъ въ нее невѣсту и унесъ въ домъ.

Заиграли чалгиджи, изо всей силы ударило думбало.

— Айда! крикнули джигиты и Мустафы Чалаша невѣста стала женой стараго Аджи-Мурата.

Мяукнула въ кустахъ черная кошка. Вздогнулъ Мустафа Чалашъ, проснулся.

Смотрѣли на него съ дерева злые глаза. Не видѣлъ ихъ Чалашъ; только ныло сердце.

Совсѣмъ близко подкралась Карасевда.

Схватилъ Мустафа Чалашъ дорожную сумку, выбрался изъ балки. Увидѣлъ свои горы: Алчак-кая, Куш-кая... Легче стало.

Садилось солнце, спадала жара, по всему лѣсу неслись птичьи голоса. Запѣлъ и Чалашъ.

— Алчак-кая, Куш-кая, Сарындан-Алчак... Эмир Эмирсы бир кызы памукшанъ имшакъ.

— Слаще меда, тоньше ткани, мягче пуха Эмиръ Эмирисова дочь...

Завтра день подъ пятницу; завтра ночью пойдетъ Мустафа Чалашъ подъ окно къ невѣстѣ, скажетъ Гюль-Безъ „горячее слово“.

Скажетъ:—Любимая, самъ Аллахъ назначилъ такъ, чтобы я полюбилъ тебя. Ты судьба моя; моя тактырь. Говорить тебѣ женихъ твой.

И отвѣтитъ Гюль-Безъ:

— Ты пришелъ, значитъ цвѣтетъ въ саду роза, значитъ благоухаетъ садъ.

И расцвѣтетъ сердце Мустафы, потому что любить его та, которая лучше всѣхъ.

Пришла ночь, зажглись звѣзды, зажглись огни по долинѣ.

Вотъ бугоръ; за нимъ домъ стараго Чалаша.

Сидитъ на бугрѣ нищій цыганъ, узналъ его.

Вернулся?

Подеѣлъ къ нему Мустафа.

— Нѣ хабер? Что новаго?

— Есть кое-что...

Помолчалъ немного.

— Вотъ скажи, какой богачъ Аджи—Муратъ, а на свадьбѣ двухъ копеекъ не далъ.

— Какой свадьбѣ? удивился Мустафа.

— Гюль-Безъ взялъ, двухъ копеекъ не далъ.

Вскочилъ на ноги Мустафа Чалашъ, сверкнулъ за поясомъ кинжалъ

— Что говоришь?

Испугался цыганъ.

— Спроси отца.

Какъ въ огнѣ горѣлъ Мустафа Чалашъ, когда стучалъ въ дверь къ отцу и не узналъ старикъ сына, принялъ за разбойника.

Испугался еще больше, когда понялъ, что сошелъ сынъ съ ума отъ любви къ Гюль-Безъ.

Не ночевалъ дома Мустафа Чалашъ; разбудилъ двухъ-трехъ молодыхъ, позвалъ въ Судакъ раки пить.

Разбили молодцы подвальную дверь, выбили дно изъ бочки, пили.

Танцевалъ въ винѣ Мустафа Чалашъ, танцевалъ хайтурму, всю грудь себѣ кинжаломъ изранилъ, заставлялъ товарищей пить капли крови своей, чтобы потомъ не выдали.

А на другой день узнали все въ Судакѣ и Таракташѣ, что вернулся Мустафа Чалашъ домой и что тронула его Карасевда.

Дошелъ слухъ до Ковъ, гдѣ жилъ старый Аджи-Муратъ съ молодой женой. Испугался аджи.

— Чего не едѣлаешь человѣкъ, когда тронетъ его Карасевда.

Заперъ Гюль-Безъ въ дальнюю комнату и самъ боялся выйти изъ дому.

Но разъ пошелъ въ садъ, за деревню и не узналъ своего мѣста. Кто-то срубилъ весь виноградникъ.

Догадался Аджи-Муратъ кто, и послалъ работника заявить въ волость.

А ночью постучалъ работникъ въ дверь.

Отворилъ Аджи-Муратъ дверь; не работникъ, самъ Мустафа Чалашъ стоялъ передъ нимъ.

— Старикъ, отдай мою невѣсту.

Упалъ передъ нимъ аджи: — Не зналъ я, что вернешься ты. Теперь не пойдетъ сама.

— Лжешь, старикъ, крикнулъ не своимъ голосомъ Мустафа.

— Позови ее сюда..

Попятился аджи къ дверямъ, заперся въ жениной комнатѣ, черезъ окно послалъ будить сосѣдей.

Сбѣжались люди.

Ускакалъ Мустафа Чалашъ изъ Козъ, а позади него на сѣдлѣ уцѣпилась черная кошка.

Теперь всегда она съ нимъ. По ночамъ разговариваетъ съ нею Мустафа, спрашиваетъ совѣта.

И подсказала Карасевда пойти въ Козы, къ Гюль-Безъ, потому что заболѣлъ старикъ и не можетъ помѣшать повидать ее.

Удивился нищій цыганъ, когда отдалъ ему Мустафа Чалашъ свой бешметъ, а себѣ взялъ его отребье.

— Твои лохмотья теперь дороже золота для меня.

— Настоящая Карасевда. Совсѣмъ голову потерялъ, подумалъ цыганъ.

Одѣлъ Мустафа Чалашъ цыганскую одежду, взялъ въ руки палку, сгорбился, какъ старикъ, и пошелъ въ Козы просить милостыню.

Кто хлѣба, кто монету давалъ. Пришелъ и къ Аджи-Мурату. Лежалъ больнымъ Аджи-Муратъ и сидѣла Гюль-Безъ одна на ступенькѣ у дома. Протянулъ къ ней руку Мустафа Чалашъ и положила ему Гюль-Безъ въ руку монету. Не узнала его.

Сжалось сердце, зацарапала Карасевда.

— Мустафу Чалаша забыла?

— Атылан юк гери донмез.

— Пущенная стрѣла назадъ не возвращается, поначала головой Гюль-Безъ.

— Значить, забыла, крикнулъ Мустафа Чалашъ и бросился къ ней съ ножомъ.

Но успѣла Гюль-Безъ уклониться и скрылась за дверью.

И пошли съ тѣхъ поръ на судакской дорогѣ разбои. Не было ночи, чтобы не ограбилъ кого Мустафа Чалашъ. Искали его власти; знали, что гдѣ-то близко скрывается и не могли найти.

Потому что нападалъ Чалашъ только на богатыхъ и отдавалъ награбленное бѣднымъ.

И скрывали его таракташскіе татары, какъ могли.

— Все равно, скоро самъ уйдетъ въ Девлень-дере.

И ушелъ Мустафа Чалашъ въ Девленъ-дере.

Въ лохмотьяхъ пришелъ; одинъ пришелъ, бросили его товарищи, увидѣли, что совсѣмъ сумасшедшимъ сталъ. Ужъ не ночью только, цѣлые дни разговаривалъ Чалашъ съ черной кошкой. Желтымъ сталъ, не ѣлъ, глаза горѣли такъ, что страшно становилось.

Пришелъ въ Девленъ-дере и легъ подъ то дерево, гдѣ отдыхалъ, когда бѣжалъ изъ тюрьмы.

Заснула скала подъ синимъ небомъ, хотѣлъ заснуть и Чалашъ. Не могъ только. Жгло что-то въ груди, ловили губы воздухъ, не могъ понять, гдѣ онъ.

Три большихъ дуба подошли къ нему и одинъ больно ударилъ по головѣ.

— Затягивай крѣпче шею, сердилея другой, старый, похожій на Аджи-Мурата.

Толкнулъ третій изъ-подъ ногъ камень и повисъ Мустафа Чалашъ въ воздухѣ.

Нашли его отузскіе еще живымъ и добили кольями.

— Отузскіе всегда такъ, говорили въ Козахъ и жалѣли Чалаша.

— Настоящіе горцы, настоящіе „таты“, хвалили таракташець въ Кутлакѣ и Капсихорѣ.

Вдохнетъ таракташець, вспоминая Чалаша.

— Сейчасъ тихо у насъ. Кого убили, кого въ тюрьму увели. И увидѣвъ орла, который паритъ надъ Бакыташемъ, опуститъ голову.

— Были и у насъ орлы. Высоко летали. О нихъ еще помнятъ старики. Не случисъ Карасевда, Мустафа Чалашъ такимъ-бы былъ.

АЙ - САВВА

(Судакекая легенда).

Ихъ было три, три старыхъ, почти слѣпыхъ монаха. Такихъ старыхъ, что забыли-бы какъ ихъ зовутъ, если-бы не поминали каждый день за молитвой:

— Павло, Спиридо. Василевъ.

Пришли татары, взяли крѣпость, сожгли Сугдею.

Кто уцѣлѣлъ, бѣжалъ въ горы; разбѣжались и монахи.

Только Павло, Спиридо и Василевъ остались у Ай-Саввы, у святого Саввы, потому что куда бѣжать, если не видишь, что на шагъ

впереди. И еще потому, что, когда долго живешь на мѣстѣ, трудно съ нимъ разстаться.

Въ тотъ годъ раньше времени настала студная зима и покрылись крылья Кушъ-кая, Соколь-горы снѣжнымъ пухомъ. Сильнѣе прежняго гудѣлъ Сугдейскій заливъ прибоемъ волнъ; плакалъ, взвизгивая, острый вѣтеръ ущелья; по ночамъ вылъ звѣрь у самой церковной ограды. А передъ днемъ Рождества налетѣла снѣжная буря и не могли старцы выйти изъ келій, чтобы помолиться въ церкви.

Уже нѣсколько дней не встрѣчались они и не знали—живы-ли, нѣтъ.

Но въ праздникъ Василевсъ, менѣе старый, чѣмъ другіе, ударилъ въ церковное било и когда на зовъ его никто не отозвался, догадался, что Павло и Спиридо оставили его навсегда.

Стоять рядомъ кони, не думаютъ одинъ о другомъ, а уведутъ одного—скачуетъ другой.

Взгрустнулось Василевсу. Видно близокъ и его часъ.

— Савва, преподобный отецъ, молился Василевсъ, опустившись на церковную плиту, и думалъ о близкомъ концѣ.

Но стихъ ураганъ и въ церковное оконце валетѣлъ солнечный лучъ.

Обрадовался ему Василевсъ.—Можетъ быть еще поживу.

Придетъ весна, запоетъ въ лѣсу хораломъ птицъ, закадитъ передъ Творцомъ благоуханіемъ земли.

— Докса си, Кирие, докса си. Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ.

Такъ думалъ Василевсъ и улыбнулся своей мысли.

— И хора инэ одельфи дие липие.

— Радость и печаль—сестры, только одна стоитъ впереди и не хочетъ оглянуться на другую, пока не случится.

Распахнулась тяжелая дверь. Оглянулся Василевсъ.

У входа сверкнули мечи.

— Вотъ монахъ, крикнулъ передовой, и рвануль Василевса за руку, чтобы показаль, гдѣ скрыты богатства.

Потянулся Василевсъ взглядомъ къ алтарю. Онъ послѣдній, кто служилъ передъ нимъ, кто благодарилъ Творца за радость жизни.

Убьютъ его, запустѣетъ храмъ, рухнутъ стѣны.

И воззваль къ Саввѣ, чтобы спасъ обитель.

Точно спала на мигъ пелена съ глазъ, озарилась церковь лучистымъ свѣтомъ и изъ-за престольнаго камня поднялся въ свѣтѣ высокій старикъ.

И когда напавшій ударилъ Василевса мечемъ и брызнула на полъ его кровь, свѣтлый старикъ коснулся рукой престольнаго камня.

И изъ него истекъ источникъ живой воды.

— Мегасъ и Киріе, ке оавмаста та ерга су. Великъ Ты, Господь, и чудны дѣла Твои.

Прошли тысячи зимъ мягкихъ и суровыхъ, забыли въ Айсавахъ о святомъ Саввѣ, а источникъ бѣжитъ по-прежнему изъ-подъ престольнаго камня и тамъ, гдѣ пробѣгаетъ свѣтлый ключъ—растутъ цвѣты и плоды и радуется человѣкъ.

К Э Д Э

(Алуштинская легенда).

Кошка, когда крадется, чтобы поймать птицу, не такъ была хищна, какъ Назлы дочь Решеида.

Ахъ, Решеидъ, Решеидъ, Аллахъ знаетъ, какъ наказать человѣка.

Въ Демерджи боялись Решеида. Злой былъ человѣкъ; злой и хищный, какъ старая лисица. Тихо говорилъ; балданъ татлы — сахарное слово знаетъ, улыбался, придумывая человѣку обиду.

Пошла Назлы въ отца. Ласкалась, хвалила его; рапускалось у отца сердце, какъ благоухающая роза.

Тогда дергала Назлы отца за бороду, царапала, кусала его, и убѣгала въ жасминъ. Не достанетъ тамъ отецъ.

— Хи!

Скрывалъ Решеидъ отъ людей свое горе и попрежнему былъ важенъ, когда на улицѣ ему кланялись и свои, и чужіе.

На много вереть кругомъ знали Решеида. Отъ Демерджи до Алушты тянулись его сады, а тратилъ на себя меньше, чѣмъ слѣпой Мустафа.

Напрасно все это, Решеидъ-ага.

Умреть богачъ, не больше останется, чѣмъ отъ бѣднаго.

Ѣхалъ Решеидъ изъ Алушты, продалъ хахылгана.

Если побить больного по спинѣ и потомъ продать бѣлаго пѣтуха, — хахылгана, то, когда начнутъ зеленѣть деревья, вся твоя болѣзнь перейдетъ къ другому, кому продалъ хахылгана.

Болѣлъ у Решеида давно животъ, теперь больше не будетъ болѣть. Шла дорога въ гору. Устали лошади бѣжать, усталъ Сейтаръ погонять.

— Айда, Сейтаръ, сердился Решеидъ.

Не свои были лошади, чужихъ нанялъ, нечего было жалѣть.

Смотрѣлъ Решеидъ-ага на свой садъ, пріятно было.

Миндаль одѣлся листьями, другія деревья были въ цвѣту.

Думалъ Решеидъ: — Ктонибудь двадцать тысячъ дастъ, опять не отдамъ.

Оглянулся назадъ. Высоко поднялись. Синее море, какъ стѣна стало. Красиво было смотрѣть. Только не подумалъ объ этомъ Решеидъ-ага, о другомъ подумалъ.

— Какъ много добра даромъ пропадаетъ. Когда кушаютъ люди, сколько сала на тазу остается...

Мяукнула у плетня кѣдѣ, кошка.

— Отчего кѣди эти, напримѣръ, нельзя ѣсть? Ну, самъ не ѣшь, гостей можно накормить. Прибавить курдюку — хорошій пилавъ будетъ.

Пріѣхалъ домой, сказалъ Назлы, что думалъ по дорогѣ.

Смѣялась Назлы.

— Вотъ хорошо. Непремѣнно едѣлаемъ такъ. Соберемъ сосѣдскихъ кошекъ. Сама рѣзать буду. Позовемъ гостей изъ Шумы!

Радъ былъ Решеидъ посмѣяться надъ шуминцами.

Давно хотѣлъ ихъ наказать за то, не что продали ему лѣса.

— Сдѣлаемъ. Только смотри, никому не говори.

Пропала кошка у одного, у другого. Мало ли куда могла забѣжать. Не удивились.

Удивились, что Решеидъ-ага гостей изъ Шумы позвалъ всехъ, кто бороду запустилъ.

— Не даромъ.

Подала Назлы пилавъ. Дымился рисъ, только немножко неприятный запахъ былъ. Точно кошка близко ночевала.

Однако шуминцы ѣли, нѣкоторые даже хвалили.

— А ты отчего самъ не ѣшь? угощала Назлы отца.

— Попробовалъ бы, какъ я приготовила.

Отплюнулся въ сторону Решеидъ, смолчалъ.

А шуминцы хвалили.

— Хорошая хозяйка у тебя дочь, охъ, хорошая, въ тебя вся пошла.

И много еще другого говорили хозяину.

Только икнулъ одинъ и показалось ему, что въ животѣ у него мяукнула кошка.

Слышали другіе, подумали:

— Обрадовался человекъ, что въ гостяхъ объѣлся.

Однако, когда на ночь вернулись въ Шумы, не у одного, у всѣхъ замяукало въ животѣ.

Не спали всю ночь, мучились, точно кто царапаль внутри.

А старый Асанъ чуть не умеръ.

— Да что ты, кошку что ли съѣлъ, сердился на него сынъ, потому что тотъ не даваль ему спать.

И подумаль Асанъ—не посмѣялся ли въ самомъ дѣлѣ надъ ними Решеидъ-ага, не накормиль ли дрянью.

А на утро вся деревня узнала, что накормиль Решеидъ-ага людей пивомъ изъ кэдэ.

Шли мимо два демерджинца и посмѣялись надъ глупостью шуминцевъ.

Обрадовались, кошатины наѣлись. Мяу, мяу!

И стало отъ всѣхъ шуминцевъ послѣ этихъ словъ пахнуть кошкой. И черезъ мѣсяць, и черезъ годъ, и черезъ десять лѣтъ, и даже теперь не прошло. Вдешь мимо Шумы слышишь кошку.

Можетъ быть, что и прибавиль; не прибавишь хорошо не разскажешь.

— Артмасы—ганиме.

Только одно правда. Если проѣзжаешь по шоссе мимо Шумы—не дай Богъ сказать—мяу.

Лучше молчи.

Хорошо если тебя обругаютъ, или плюнуть, случится топоръ, и топоръ въ догонку полетить. А не вѣришь—испытай. Крикни, проѣзжая—мяу.

Посмотри—что выйдеть.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Элькенъ-кая, парусъ-скала	1
Старый храмъ	5
Мысь Ильи	9
Мамаева могила	12
Солдаткинъ мостъ	16
Карадагскій звонъ	20
Ялыбогазскій камень	23
Кетерлезъ	26
Карасевда	30
Ай-Савва	35
Кэдэ	38

Факсимильное издание
Симферополь, «Таврида», 1990